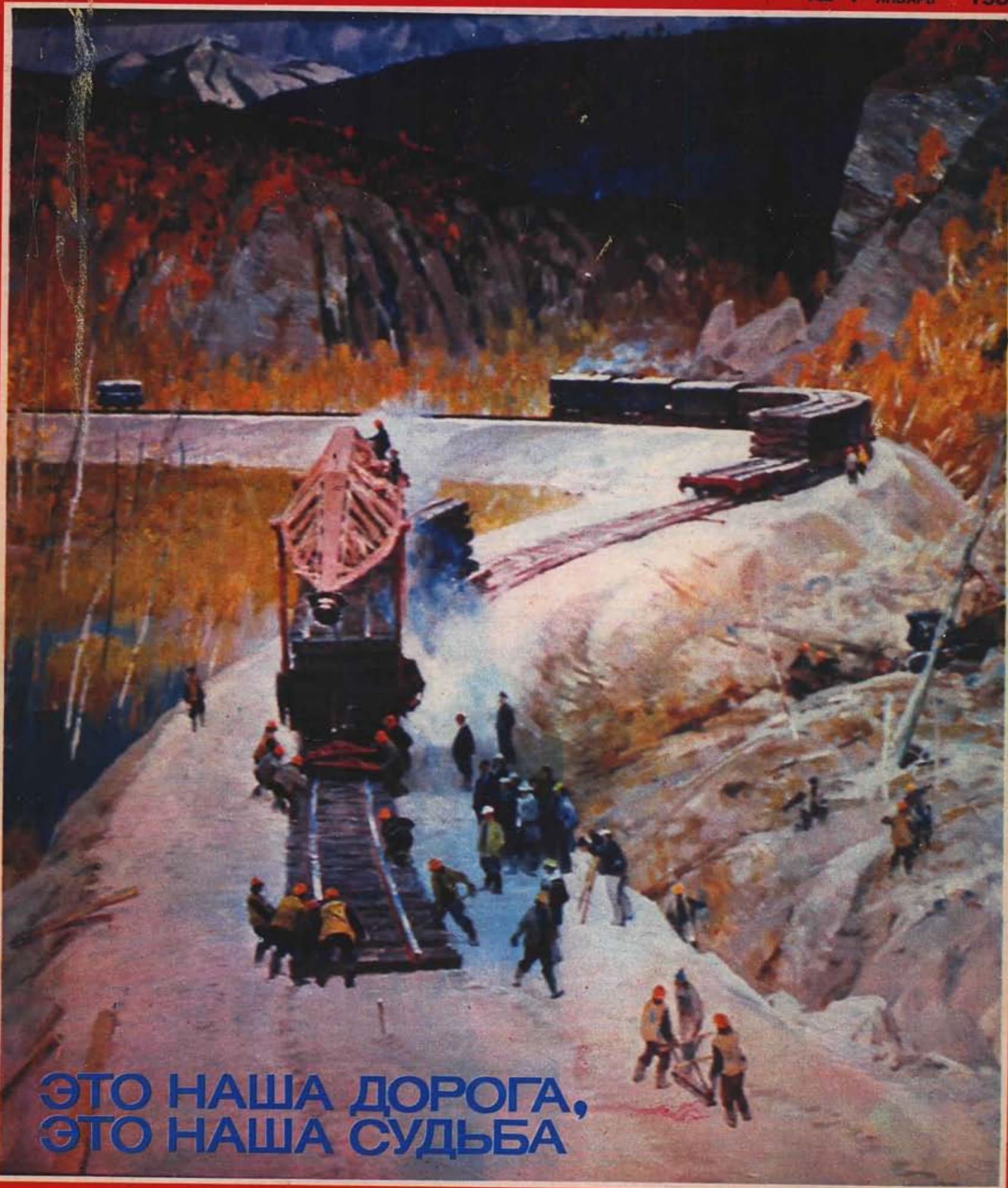

ISSN 0131-6656

СМЕНА

№ 1 ЯНВАРЬ 1981

**ЭТО НАША ДОРОГА,
ЭТО НАША СУДЬБА**

ИНИЦИАТИВА УСЛОВИЯ, ВОЗМОЖ

Смена
работа в тягость, работа в радость

Коллективный критический анализ:

Инициатива... Она всегда конкретна. Она по самой природе своей близка молодежи, комсомолу. Вот несколько фактов из жизни, несколько примеров из хроники Всесоюзной эстафеты комсомольских дел «Десятой пятилетке — ударный финиш! XXVI съезду КПСС — достойную встречу!».

...Комсомольско-молодежная бригада комтруда проходчиков шахты имени Калинина в Кемеровской области (бригадир — член ЦК ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола Н. Власов, группкомсорг О. Гривин) досрочно завершила пятилетний план и к открытию партийного съезда про-

дет дополнительно к плану 450 погонных метров горных выработок.

...Участвуя в движении «Построить в срок — закон, ввести досрочно — доблесть!», молодежная бригада комсомольско-молодежного треста «Северогазстрой» в Тюменской области (бригадир И. Терещенко, группкомсорг Н. Горбатков) обязалась к 23 февраля 1981 года завершить семь годовых заданий.

...Единая комсомольско-молодежная смена Донецкой железной дороги (старший диспетчер Е. Несмеянов), соревнуясь под девизом «Комсомольско-молодежному маршруту — ритм, скорость, качество!», ко дню открытия XXVI съезда КПСС проведет сверх плана 14 тысяч тяжеловесных поездов, перевезет дополнительно 5,9 миллиона тонн грузов, высвободив 26 тысяч вагонов.

...Молодые ученые НИИ Москвы, Ленинграда, других городов страны, готовясь к съезду партии, досрочно выполняют научные изыскания,

Юрий ОКОРОКОВ,
секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ

Видимо, кого-то удивит, что разговор об инициативе я буду вести на примере дел молодежи предприятий легкой промышленности и торговли: ведь наша область — край металлургии и тяжелого машиностроения. Неужели эти отрасли оскудели примерами? Нет, не оскудели. Мой же выбор определили две причины.

В основных направлениях экономического и социального развития нашей страны в одиннадцатой пятилетке и в дальнейшем особо подчеркивается огромная важность улучшения работы по более полному и бесперебойному обеспечению населения различными промышленными товарами. Работы, от которой зависит благосостояние и настроение советских людей.

Затем. Обстоятельства рождения сквозных бригад на предприятиях легкой промышленности области, их становления, развития, открытые движением перспективы дают возможность затронуть моменты не просто важные, интересные — принципиальные. Связаны не только с экономической стороной дела, а — с человеческой.

У сквозных бригад в нашей области давняя история. Первая сквозная комсомольская смена была создана еще во времена Магнитостроя. Но когда пять лет назад комсомол предложил по примеру тираспольцев организовать сквозные бригады на предприятиях легкой промышленности, особого энтузиазма это не вызвало. Мнение было такое: да, где-то есть определенный опыт, где-то добиваются неплохого эффекта, но как это можно организовать применительно к нашим условиям? Что это нам сулит? Стоит ли браться за это дело? Тогда обком направил в Молдавию для изучения опыта тираспольских швейников десять человек из числа передовиков производства. Ребята вернулись, твердо убежденные: можно так работать и у себя. Их убежденность, увлеченность новым делом заразили и других.

В апреле к нам на «урок качества», в котором участвовали обувщики, швейники, работники торговли, по приглашению обкома ВЛКСМ приехал секретарь комитета комсомола Тираспольской

фабрики Владимир Ладункин. Его выступление на уроке продолжалось более трех часов. Но это был не гладкий доклад. Сразу по ходу вспыхивали споры, обсуждения. Сразу принципы работы сквозных бригад примеряли к условиям своих предприятий: а как это будет у нас? Ладункин так заразил всех, что ребята с Магнитогорской обувной фабрики попросту увезли его с собой, чтобы сразу на месте приняться за дело.

Что же так увлекло всех? Ведь и раньше на этих предприятиях выдвигалось немало починов и интересных форм соревнования за отличное качество. Почины эти подхватывали. Но дело-то в том, что подхватывали их в основном передовики, а большинство оставалось в стороне. Естественно, и эффект таких начинаний был недостаточным. Сквозные же открывали новые горизонты вем.

Часто комсомольские активисты сетуют: «Нас не поддержали, нам не помогли — вот и заглохла инициатива». А почему, собственно, сразу должны поддержать и помочь? Кто гарантирует, что эти усилия не пропадут впустую? На начальном этапе всегда нужно убедить, доказать. И доказать не только словом, а делом.

Первые сквозные бригады на Магнитогорской и Челябинской обувных фабриках были во многом экспериментом. На их опыте постепенно нащупывали оптимальную модель бригады, систему материального и морального поощрения. Объединившись в одну бригаду, звенья, работающие в смежных цехах и до этого практически не контактировавшие, не знавшие друг друга, заключили взаимные договора-обязательства о высоком качестве работы. С самого первого звена продукцию стал сопровождать гарантийный паспорт, в который заносится все взаимные претензии, а потом учитываются при подведении итогов. Был создан фонд материального поощрения по конечному результату. Конечный результат — а попросту изготовленная обувь — и стал оценкой работы обувщиков. Если раньше они знали только свою операцию, а «свою обувь» видели лишь в магазинах, то теперь все переменилось. Это прежде закрыщик, скажем, мог нарушить технологию, дать брак, а потом еще и получить премию за такую «экономлю». Теперь, если по его вине готовой паре башмаков снижали сорт, с него за это и вычитали. Потому

что в сквозной прятаться не за кого. На первых собраниях бригад как начинали с взаимных упреков, так ими и заканчивали. А потом тема эта постепенно исчерпала себя, сменился тон разговоров, и главным стало: где еще можно сработать лучше? Как?

Но работу для этого потребовалось преодолеть громадную. Надо было устранить психологические барьеры между участками, а они складывались годами. Надо было добиться, чтобы каждый член бригады почувствовал ответственность за нее, заболел ее заботами. И изменения эти должны были произойти в душе, в сознании каждого рабочего.

Обычно мы не видим разницы между выражениями «выступить с почином» и

инициативы каждого работника, в умении управлять этим процессом.

Нет ничего страшного в том, чтобы для красоты и выразительности слова сказать или написать вместо слова «почин» слово «инициатива», тем более что и словари разрешают такую замену. Плохо, когда комсомольские работники, производственники перестают видеть разницу между этими понятиями, сводят инициативу к почину и в таком виде начинают за нее бороться. Результат такой борьбы — длинный список починов, лишенных, по сути, какого-либо конкретного содержания. Починов мертворожденных. Если уж бороться за инициативу, то бороться с обстоятельствами, которые мешают молодым ра-

СМЫСЛ И СИ

«выступить с инициативой». Не задумываясь, механически заменяем одно другим. Между тем, если взглянуть на инициативу как на способность и стремление к самостоятельным активным действиям, выражение «выступить с инициативой» теряет смысл. Способность или есть, или ее нет. Даже выступив с претензиями на нее, не стоит надеяться, что она возникнет ниоткуда. Другое дело, когда проявиться этой способности в человеке мешают обстоятельства.

Речь ни в коем случае не о проблеме словоупотребления.

Речь о том, что почин — это конкретное, локальное дело большего или меньшего масштаба. А инициатива — понятие, если хотите, мировоззренческое. За ним характер человека, суть его поведения, отношения к жизни и к делу. Человек, наделенный инициативой, — это человек, считающий, что он может что-то переменить в своем деле, уверенный, что он может делать свое дело лучше, и стремящийся к этому.

Но способность человека к самостоятельной активности может и дремать в нем, неразбуженная, а может быть и приглушена, придавлена несовершенным механизмом дела.

Поэтому задача, видимо, состоит не в том, чтобы упрекать кого-то за пассивность, а в выявлении ее причин, создании необходимых условий для развития

бочим проявлять это качество. Будить, будоражить в них активность, предприимчивость, желание действовать.

Одной из черт современного этапа научно-технической революции является углубление специализации производства. С точки зрения технологии это, безусловно, правильное направление. А с человеческой? Человек и конечное творение его рук оказываются все более разобщенными. Все меньше возможностей остается у рабочего влиять на качество конечной продукции, на эффективность конечных хозяйственных результатов.

Как итог, принимается инициатива. Действительно, стоит ли проявлять активность, творчество, если кто-то другой, кто работает совершенно в другом цехе, повлиять на которого никак нельзя, испортит все дело?

Можно возразить: пусть каждый качественно выполняет свою операцию, и все будет в порядке.

Однако качественное изделие — это отнюдь не механическая сумма качественно выполненных узлов и деталей. Процесс здесь гораздо сложнее. Успеха можно добиться только в том случае, если все участники производства той или иной продукции сосредоточат свои усилия на решении проблем повышения качества именно конечного изделия. Эту возможность дают сквозные бригады.

РАЗВИВАТЬ ИНИЦИАТИВУ, ТВОРЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ В УПРАВЛЕНИИ ХОЗЯЙСТВОМ.

«Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

НОСТИ, ЖАРАКТЕР

конструкторские разработки, обеспечивая скорейшее их внедрение в производство.

Обширна, многолика география инициативы. За ней — характер нашего современника, устремление в завтрашний день.

В этом номере «Смены» мы предлагаем читателям размышления о проблемах и решениях, открывающих или тормозящих возможность творчества отдельных тружеников или целых коллективов, говорим об условиях, необходимых для проявления инициативы, рассматриваем передовой опыт и останавливаемся на подчас трудно дающихся задачах.

В Отчетном докладе XVIII съезду ВЛКСМ говорится: «Новая Конституция СССР определила, что комсомол имеет право законодательной инициативы... Задача комитетов комсомола — активно использовать предоставленные возможности, развивать полезную инициативу и самостоятельность...»

Инициатива возвышает работника. Ее отсутствие, наоборот, делает жизнь на производстве скучной, неинтересной, порождает рутину, застой.

Как сделать, чтобы сегодня, в преддверии одиннадцатой пятилетки, как можно больше людей — особенно молодых — ежедневно, ежедневно творчески участвовало в важнейших делах, чтобы стремление к инициативе было естественным состоянием, постоянной потребностью? Об этом размышляют наши авторы. Об этом говорится в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года»: «Всемерно развивать инициативу, деловитость, творческий поиск резервов и возможностей роста производства, обеспечить высокую организованность и исполнительскую дисциплину на каждом производственном участке». Об этом же мы приглашаем высказать свое мнение читателей журнала.

У наших сквозных бригад была непростая судьба. Так, скажем, на Челябинской обувной фабрике сквозную бригаду разрешили сначала организовать только на отстающем потоке: докажите тут свою жизнеспособность. Доказали. И рождались, и утверждались сквозные бригады только усилиями увлеченных этой идеей людей. Таких, как бывший секретарь комитета комсомола Магнитогорской фабрики Алексей Балакин. Он занимался организацией этих бригад просто самозабвенно. Кому-то даже казалось, что он перехлестывает, отдавая им всю энергию, но он видел в них силу, способную увлечь коллектив всей фабрики. Вместе с ним работала целая группа таких же увлеченных рабочих,

только привлекал, но и отпугивал: трудно с ними, хлопотно. Трудно, если работать по старым, отжившим методам.

Уходили из сквозных и рабочие. При чем были это не бракоделы, не прогульщики. Уходили те, кто так и не сумел перестроиться, не сумел принять дело бригады за свое. Им было не по себе с теми, для кого деятельное, неравнодушное отношение к работе всего предприятия стало уже нормой.

Со сквозными бригадами связано внедрение элементов хозрасчета в сквозную цепочку, использование прогрессивных форм оплаты по конечному результату, ежегодное проведение ярмарок-смотров продукции сквозных бригад. Отдельная история — взаимоотно-

шениями за продаваемые вещи — так, как если бы продавцы изготовляли их сами. Любая вещь, у которой покупатель обнаружит брак, подлежит немедленной замене и возвращению на фабрику. Принцип работы «Гарантия» — полное доверие по отношению к своим партнерам. При проверке качества исключен межведомственный контроль. Кто же проверяет? Покупатель. Заинтересованнее и справедливее контролера — при всем уважении к Госторгинспекции — думать, найти трудно. А так как фирма напрямую, без всяких торговых баз, связана с бригадой, найти бракодела, причем конкретного в каждом конкретном случае, не составляет труда. Штрафные иски без фабрики, а фабрики — базам, когда деньги просто переключались из кармана в карман, — в прошлом.

Заинтересованы ли в таком сотрудничестве фабрики? Во время ярмарок-смотров многие сквозные бригады из разных союзных республик пожелали заключить договоры с фирмой «Гарантия». Ведь «Гарантия» стала самым настоящим центром по изучению покупательского спроса, по внедрению новых форм торговли. А трудовому коллективу, počувствовавшему свою силу, свои возможности, нет резона прятаться от потребителя. Наоборот, ему важно как можно лучше знать его желания.

Но сотрудничество с «Гарантией» не одни цветочки. Фирма диктует предприятиям свои условия достаточно жестко. Не идет продукция — прекращайте выпуск, давайте лучшую. Фирма требует четкого выполнения ритма поставок, соблюдения ассортимента, вида упаковки. Можно сказать, что торговля руководит всей работой сквозной цепочки. И это справедливо: она лучше всех знает, что ищет покупатель, и краснеть за брак и просто плохую продукцию приходится тоже ей.

В «Гарантии» постоянно поиски. Как работать еще результативнее? Ввели анкеты. Очень простые. В них каждый покупатель выставляет оценку приобретенной вещи и работе продавца. В конце дня — итоги. Борьба за качество продукции стала предметной и оперативной. Фабрика теперь получает информацию о своей продукции в кратчайшие сроки. У планшетоков с оценками, висящих в цехах, каждый раз оживленно. Появилась возможность вносить оперативные коррективы в работу. Сейчас «Гаран-

тия» добивается права на оперативную уценку обуви до цены возможной реализации. То есть не ждать годы, пока можно будет уценить обувь, а уценивать быстро, чтобы она не лежала мертвым грузом на складах, а все-таки продавалась, пусть и подешевле. Это выгодно и покупателям, выигрывает в итоге и фабрика. И еще немало идей и предложений в портфеле «Гарантии».

Несколько слов в заключение. С большим трудовым и политическим подъемом встретили комсомольцы и молодежь постановление ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXVI съезда КПСС». Сквозные бригады — это уже проверенный путь создания новых, эффективных форм организации и оплаты труда. В них повышается не только трудовая, но и общественная активность молодежи. Они уже развиваются и на предприятиях тяжелой промышленности. В области создан совет по координации и развитию «сквозного движения». Но есть два момента, на которых необходимо остановиться.

На членах сквозных бригад лежит большая, чем пока привычно, ответственность за работу. Трудятся они обычно лучше, ищут, предлагают, но пока за это не получают вознаграждения. К тому же у сквозных нет прав, которые предоставляли бы им большую самостоятельность. С ними бы они стали еще инициативнее, предприимчивее.

Инициативность — качество, вызывающее уважение и симпатию. Но инициатива в условиях производства должна быть результативной, иначе какой в ней смысл? Когда приезжают за опытом в нашу «Гарантию» и делают вывод, что в создании подобной фирмы нет сложностей, мы говорим, что есть. Самая большая — кажущаяся легкость создания. Приказ — и готово. А между тем в основе «Гарантии» — пять лет упорной работы, поисков, ошибок. Пять лет, которые сблизили производителей и работников торговли, помогли им преодолеть недоверие, научили обща проходить межведомственные барьеры. Много чему научили. Без всего этого судьба «Гарантии» могла сложиться иначе. Могла быть поставлена под сомнение плодотворная идея. Так что вывод тут один: инициатива на производстве живет и плодотворит, когда она опирается на трезвый расчет, опыт, доскональное знание дела.

ЛА ПРИМЕРА

инженеров — Тамара Решетникова, Вера Слепова, Лариса Егорьева. Они были лидерами, они вели за собой остальных. И первые сквозные «сработали»...

Когда в человеке пробудилась, зажала инициатива, она уже плохо поддается попыткам вернуть ее в прежнее замороженное состояние. Она уже постоянно ищет выхода, новые объекты деятельности. Она становится из способности еще и потребностью. Такую потребность формирует, воспитывает в людях «сквозное движение».

Получив возможность вмешиваться в дело, вмешиваться ради общих интересов, члены сквозных бригад стали многое брать на себя. Уже без указаний мастеров, по своей инициативе молодые рабочие, занятые на смежных операциях, начали улаживать возникающие споры и претензии, совместно решать существующие проблемы.

А в результате, как показал анализ, проведенный на Магнитогорской обувной фабрике, после создания сквозных бригад на всех потоках две трети рабочих стали принимать непосредственное участие в управлении производством. Другой итог: с начала пятилетки коллектив Челябинского обувного объединения в восемь раз увеличил объем продукции, выпускаемой со Знаком качества.

Такой характер сквозных бригад не

шения сквозных бригад с торговыми предприятиями.

Необходимость тесного сотрудничества была очевидна. Не было действенных форм сотрудничества. Соревнование торговых и производственных коллективов под лозунгом «Отлично сделано — отлично продано» зачастую не срабатывало. Комитеты комсомола прилагали огромные усилия, чтобы сравнить работу магазина и предприятия, определить победителя. Они пытались сравнить несравнимое вместо того, чтобы взяться за решение совместных проблем. Но все-таки стали налаживаться контакты сквозных бригад с магазинами. Многие продавцы, побывав на фабриках, впервые узнали, как делается обувь. Вот когда поняли трудности друг друга, и пришла мысль: «А почему, собственно, соревнуются производственный поток и торговая секция? По сути-то дела это одна цепочка!»

И в марте 1978 года на партийно-комсомольском собрании в Челябинском торговом центре было решено создать при торговом центре принципиально новый отдел, который будет торговать только продукцией сквозных бригад. И название придумали: фирма «Гарантия».

По договору, составленному в присутствии руководителей предприятий, юристов, экономистов, «Гарантия» брала на себя полную ответственность перед по-

Наша обложка
ТРУДНЫЕ
КИЛОМЕТРЫ

Картина художника
Юрия ПОДЛЯСКОГО

1 НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС.
КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ.
ИНИЦИАТИВА: УСЛОВИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ, ХАРАКТЕР...

6 «А ЧТО У ВАС?»
Информационная страница «Смены».

8 Стихи Владимира КАРПЕКО и Ирины ЖЕЛЕНИНОЙ.

9 Владимир ДЕСЯТЕРИК. «ЗАРНИЦЫ».
Из записной книжки.

11 Стихи Натана ЗЛОТНИКОВА.

12 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ —
ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ.
Валерии ЕВСЕЕВ. ДВА УРЕНГОЯ.

14 К ЧИТАТЕЛЯМ И ДРУЗЬЯМ «СМЕНИ»:
ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ.

18 БЕСЕДЫ О МОЛОДОЙ СЕМЬЕ.
Юрии РЮРИКОВ. «ЗАГАДКИ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ».

20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ
Игорь КОНСТАНТИНОВ. «МЕДВЕЖИЙ УГОЛ».

23 ЭКСКЛЮЗИВ «СМЕНИ».

24 Олег ИГНАТЬЕВ.
«АПОЛЛО» ИДЕТ В ЧУЖИЕ ВОДЫ».
Документальная повесть.

28 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «СРЕДА ОБИТАНИЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова

В МУЖАХ Р В РАД

Как живет сегодня
бригадный подряд? —
такова тема
совместного исследования
известного строителя
и специального корреспондента
«Смены»

Владислав СЕРИКОВ,
Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной
премии СССР, заслуженный строитель РСФСР, секретарь
ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности
строительных материалов,
заместитель директора Центра НОТ
Минтяжстроя СССР

Владимир АНИСИМОВ,
специальный корреспондент «Смены»

Почти каждое новшество проходит три
стадии:

— Такого не может быть, потому что не
может быть никогда!

— В этом предложении что-то есть...

— Кто же этого не знает?

Преодоление первой стадии зависит толь-
ко от того, появится ли человек, способный
сказать: «Я лично берусь доказать, что это
может быть именно так». Дальнейший пере-
ход от стадии к стадии совершенно незаметен
и зависит от множества причин...

Бригадный подряд в промышленном стро-
ительстве был той инициативой, испытывать
которую пришлось в экстремальных условиях:
неверие в то, что он может быть, отсутствие
помощи, а то и прямое противодействие.
Наверное, для испытания это даже хоро-
шо — проверить идею самым суровым обра-
зом. (Так новые машины испытывают на
прочность — гоняют, бьют нещадно, чтобы мо-
дель вышла долговечной, жизнестойкой.) Но
внедрять инициативу или метод надо в обыч-
ных, нормальных условиях. Как говорят, «в
муках родиться — в радости жить».

Как живет сегодня бригадный подряд?

О нем написано столько, что во многом
неудобно повторяться. Подозреваем, что у
читателя может возникнуть некоторое недо-
умение: зачем самые разные авторы ломаются
в открытую дверь, доказывая, как хорош и
прогрессивен подряд, как выгоден рабочим и
государству? Кто же нынче этого не знает?

Да, открытых противников сегодня трудно
найти — не то время. Но что-то странное
происходит с подрядом... Энтузиасты есть,
но большинство заняло позицию выжидатель-
ную: «Вперед не забегай, сзади не отставай,
в середине не толкайся». По отчетам подряд-
ных бригад — десятки тысяч, но многие толь-
ко формально носят звание подрядных. По
правде говоря, не такая уж радостная жизнь
складывается пока у подрядя. После энтузи-
азма, всеобщей заинтересованности первых
лет — охлаждение.

Как ни странно, немалый вред принесли...
сами сторонники подряда. Точнее сказать,
неумелые сторонники. По выражению одного
инженера, «во многих местах, ожидая от
метода того, чего сам по себе он дать бессил-
ен, не миновали первичного оплошления
идеи. Заключение договоров с бригадами и
решили, что схватили бога за бороду. Осталь-
ное, дескать, само собой сделается. А оказа-
лось, что подряд не только облегчает выпол-
нение планов — он многим усложняет жизнь.
Подряд, если быть точным, — это не просто
метод, а новая ступень развития хозяйствен-
ных отношений. Кто полагал, что можно вне-
дрять метод, не меняя отношения, тут же
разочаровался в подряде, так как хозрасчет
потребовал качественно иной организации
работ, иного инженерного и экономического
мышления. К этому не были готовы. Суще-
ствовала еще и слепая вера в то, будто
бригадный подряд сразу переделывает лю-
дей, превращая их чуть ли не в ангелов. Такая
вера повредила подряду не меньше, чем

полное безверие. Процесс перестройки харак-
теров сложен, а иногда и мучителен».

Инженер, чье мнение мы здесь приве-
ли, — заместитель директора Мурманского
филиала центра НОТ Минтяжстроя СССР
Игорь Феодосьевич Шупа-Дуброва, третий
участник нашей совместной поездки в Старый
Оскол, на строительство электрометаллурги-
ческого комбината. Шупа-Дуброва —
полноправный соавтор бригадного под-
ряда в промышленном строительстве, зани-
мается им уже два десятка лет, с самого начала.

Здесь мы сделали попытку объединить
журналистский взгляд на проблему, размыш-
ления о ней строителя-профессионала и ко-
ментарии инженера.

ТРУД, КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ НУЖЕН

Осторожный скажет: «Хорошо, я возьмусь
за подряд. Но сначала наведите порядок в
организации строительства, управлении,
снабжении. Пока этого нет, как можно заклю-
чить договор с бригадой? Мы не сумеем
обеспечить ее фронтом работ, материалами,
сорвется договор».

Вроде все резонно. Кроме одного: если б
везде существовал полный порядок, идея
подряда могла бы не появиться... Подряд был
рожден как средство против беспорядка.
Смысл его в том, чтобы об улучшении каче-
ства строительства, сокращении сроков ду-
мали все, а не только те, кому «по штату»
положено, то есть в проявлении массовой
инициативы. Всегда есть люди, потенциально
способные двигать дело вперед, предлагать
разумные решения. Но искать этих людей
поодиночке, заниматься голословными при-
зывами к общественной активности — заня-
тие малоперспективное. Чтобы найти мас-
штабного человека — надо дать ему масштаб-
ное дело. Значит, надо создавать условия,
при которых инициатива каждого не может не
проявиться. Такие условия дает только
подряд.

В самый первый день в Старом Осколе мы
попали на объект, который мог бы служить
образцом хорошо спланированного и органи-
зованного беспорядка.

«Рвем договора и уезжаем», — такое мы
слышали не в одной бригаде. «Что вы хоти-
те, — пытались нам объяснить позже, — это же
органбор. Знаете, что за люди: сегодня
здесь — завтра там».

Не станем утверждать, что органбор по-
ставляет идеальные кадры, но не от таких ли
вот ситуаций на стройках у иных людей
появляется охота к перемене мест?

Почему нельзя привести несколько досок
для скамеек, чтобы люди не отдыхали впо-
валку на полу бытовок? Почему на обед
человек должен тратить два часа — дорога
плюс стояние в очереди? Почему иногда
«забывают» о том, что рабочих вечером надо
отвезти домой — стройка-то далеко от горо-
да, — и те остаются ночевать в вагончиках?

ОДИН — ПОДТИТЯСЯ — ОСТАТИ ЖИТЬ

ПРОТОКОЛ ОДНОГО СОБРАНИЯ

Однако не очень рвутся в хозяева! На разных стройках это объясняют совершенно одинаково: вся загвоздка в снабжении.

— Какой разговор о подряде, если нет материалов? Везут брак, арматуры нет, песка нет — и так весь месяц.

— Мы и хотим внедрить подряд для будущего, чтобы улучшить все.

— Вот как будет все, тогда и поговорим о подряде. Это Серикову в Мурманске хорошо было: ему материалы с колес шли.

— Чудак, Сериков рядом с тобой сидит. Диалог не выдуманный. В Старом Осколе бригадам двух Николаев — Панкова и Доброносова — предложили перейти на подряд. Для подписания договора собрались обе бригады в полном составе.

Начальник управления прочитал текст: Панкову отдаются кабельные сети, Доброносову — склад окатышей и отстойники. Доброносов отказываться не стал, но и энтузиазма не проявил. Панков — тот молодежь, экспансивней — отказался наотрез. Собственный «выпад» против Серикова его не смутил.

Проще всего было объяснить бригадиру, что такое снабжение «с колес» в Мурманске, где и собственной базы стройиндустрии тогда не существовало. Сложнее оказалось иное. Вопрос: «Обращались ли вы к смежникам, поставщикам сами?» — вызвал у бригадира удивление:

— Зачем? У меня мастер, прораб есть. Что же, я за них работать должен?

Это не частный случай и не случайный вопрос. Очень давно возник стереотипный взгляд на роль, обязанности бригадира. И сейчас, кого ни спроси об этом, почти наверняка услышишь: «В начале смены произвести расстановку людей...» А зачем? Это все равно, что после каждого перекура объяснять рабочему, чем он должен заниматься. А какая принципиальная разница между перерывом на перекур и перерывом между сменами? Последний всего лишь более продолжителен.

Наряду с инженерной подготовкой строительства всегда должна быть подготовка бригадирская. Именно это многие бригадиры считают... не своей обязанностью. Даже термин такой пока не существует.

Небольшое отступление о смысле бригадирской подготовки, написанное строителем-профессионалом

— Расстановкой людей в последние годы работы бригадиром я вообще не занимался. Приезжие поражались: как так можно? А бригада удивлялась: разве можно иначе? Каждый человек знал свое дело не на день — на год вперед и не нуждался в мелочной опеке. Такая опека — прямая причина безынициативности.

Узнав о новом объекте, я посылал людей на аналогичные стройки — пусть выяснят, на чем там строители «спотыкались». Так, до начала строительства Мурманского мясокомбината заместитель бригадира специально ездил в Пензу. Там выяснилось, что много времени строители потеряли на сварочных работах. И тогда наша бригада решила заменить сварочные агрегаты полуавтоматами, что дало примерно десятикратный выигрыш во времени. Так и перед строительством мельницы двое наших товарищей побывали в Таллине.

Теперь о связи со смежниками, которая будто бы не бригадирское дело. На площадке мясокомбината мы собрали бригадиров монтажников, показали чертежи — давайте думать вместе, как лучше строить. Разобравшись в чертежах, бригадир Михаил Жихарев подсказал: «На третьем этаже перегородки до нас не клади, а проем оставь не с краю, а посередине». Когда привезли оборудование, мы могли убедиться: не посоветуйся заранее с монтажниками, сделай по проекту перегородки — пришлось бы их ломать, чтобы протаскать через цех транспортер. А ведь это так просто — посоветоваться. Зато всякая повторная работа исключается.

Может быть, какие-то особенные люди собрались в бригаде? Нет, просто подрядные условия создают особую обстановку, настроение у людей: они перестают чувствовать себя простыми «винтиками», ощущают свою личную значимость. Потому что подряд — это конкретная цель, простор для инициативы,

самостоятельность в выборе решений, самоуправление и самоорганизация.

Бригада нередко занималась и «воспитанием» недобросовестных поставщиков. Был случай, когда мы не приняли ступени для лестницы, сделанные не по проекту. На комбинате стройконструкций поразилась: что же это за ступени, которые не принимают материалы? Да другие бы с руками оторвали, сами бы исправили брак и еще спасибо сказали. И послали ту же автомашину с теми же ступенями снова на стройку. А бригада опять «завернула» шофера. Так и не приняли! Пострадала от этого бригада? Хотя нормальные ступени еще долго не привозили, работа не стояла. Нельзя делать лестницу — что же, на стройке всегда работы невпроворот, можно заняться каким-либо другим участком...

Бригадирская подготовка — это не только подготовка производства.

В прошлом году в Осколе было совещание бригадиров. Удивило меня то, что все выступавшие говорили исключительно о работе, производстве. Тогда я спросил: почему никто не скажет о том, как будут жить люди, где питаться, как отдыхать? В зале почувствовалось недоумение: при чем тут быт, у нас совещание производственное. А при том, что не кто иной, как бригадир, полностью отвечает за своих людей.

Здесь придется еще раз сослаться на практику нашей бригады.

За полгода до начала строительства котельной в Мурманске мы командировали на новую площадку Бориса Борисова с группой рабочих. Пока остальные заканчивали мельницу, Борисов занимался подготовкой. Когда бригада полностью перебазировалась, там уже все готово было для нормальной работы: проложены дороги, построены бытовки, столовая, подведена электроэнергия, даже клумба под цветы разбита. Конечно, такая подготовка возможна только при бригадном подряде, когда есть перспективная программа строительства. Но это означает и другое — нельзя браться за подряд со старыми представлениями о бригадирской в нем роли. Бригадир — не звание, не должность. Бригадир — это специальность. Он человек, который управляет людьми, стройкой. А это же целая наука! Ей, к сожалению, почти не учат.

С точки зрения соавтора-журналиста, собрание заходило в тупик: не поверили бригады в подряд. А тут еще Сериков вдруг заявил Панкову:

— Я бы на твоём месте тоже не взял подряд.

Бригада насторожилась: ожидали, будут уговаривать, не зря же столько начальства собралось — и на тебе, такой поворот.

— Объект у вас мизерный, надо больше работы брать.

— С одним-то не разберемся, а вы предлагаете взять несколько?

— Конечно. Что самое страшное для подрядной бригады? Простой. А чтобы его избежать, мы брали до полутора десятков объектов, все земляные работы, инженерные коммуникации. Бригада должна иметь возможность маневра: если стало дело на одном участке — кидай силы на второй. И вам так надо: посмотреть, какие еще есть объекты в управлении, и дописать в подряд.

...Долго еще не расходились. Говорили о наболевшем, о том, что «работаем, как слепые котят», почти все два-три раза переделываем...». Договоры подписали обе бригады. Но все-таки оставалось тягостное ощущение, что такое начало подряда — шаг к провалу. Нет у людей уверенности, интереса к новому делу, наконец...

— Разве они виноваты? — возразил строитель-профессионал. — Люди смогут все, если показать им, как можно жить и работать иначе. Здесь же не было никакой подготовки — ни инженерной, ни психологической, не сумели объяснить рабочим суть подряда. Не сделали даже элементарного — надо было принести и показать бригадам чертежи буду-

Обо всем этом говорилось давно, приезжаем через несколько месяцев — ничего не изменилось. А строительство этого объекта — котельной — идет почти три года.

Дело не в одних бытовых трудностях. Строителям надоела бестолковщина в работе, халтура, «липа», частые пропажи стройматериалов.

Рабочих на стройке много, но несколько мелких бригад из разных стройуправлений скорее мешают, чем помогают друг другу. По свидетельству бригадиров, редкая работа выполняется один раз: клали фундаменты под котлы — «промахнулись» на три метра; сваи забивали не в том месте; швы между блоками здания не заделали сразу — значит, люди полезут на стену вторично... Одной крупной подрядной бригаде работы было бы на один год — тут строят третий, и никто из рабочих не знает, когда должны заканчивать.

Давайте разберемся, за что же здесь люди деньги получают? В подрядной бригаде с этим все ясно — есть объект, сроки, фонд зарплаты. Такого, чтобы одну работу дважды делать, там не проходит: все знают, что это будет за собственный счет, поэтому лучше строить все сразу и окончательно.

И без подряда, конечно, есть смета. Но куда бы ты ни положил фундаменты — иди распишишь в ведомости. Переделал — получи еще раз. Таким образом, нарушается главный принцип — распределение материальных благ по труду. То есть труд-то есть, но какой? Никому не нужный...

Что может чувствовать молодой человек, попавший на такую стройку? Школьные представления о нравственных ценностях трудовой деятельности разбиваются вдребезги, деньги, полученные за лишнюю работу или вообще неизвестно за что, могут только развращать... И параллельно со всем этим идут попытки вести соревнование, подводятся итоги, объявляются победители. Но рабочий человек остро ощущает фальшь,

несоответствие между словом и делом. Кто послабее характером — разуверяется в том, что ведь можно работать иначе.

Есть немало попыток преодолеть беспорядок при помощи энтузиазма: дескать, «даешь, братцы!». А братцы уже настроены скептически. Весьма показательный случай по этому поводу рассказал Шупа-Дуброва. Произошел он далеко от Оскола, но дело тут не в географии, а в факте.

— На строительстве фосфорной фабрики я обратил внимание, что столбы — опоры линии связи — поставлены неровно. Поинтересовался у рабочих: что это столбы у вас кривые и вкось? Отвечают: «Это они со смежу попадали, когда мы взяли обязательство сдать фабрику к маю». Знали люди, что обязательство невыполнимо? Наверняка. Но давайте не будем сейчас апеллировать к сознательности рабочих и корить их за то, что дали такое несерьезное обещание. Их равнодушие к стройке — результат организаторской несостоятельности руководителей, потери веры в то, что руководитель может предложить что-то дельное, а не липовое обязательство...

Общее между этой фабрикой и котельной в Старом Осколе то, что и у той и другой нет хозяина. Стройуправление? Их несколько на одном пятачке. Бригады? Их еще больше. Строительный комбинат? Он хозяин всей огромной стройки, а мы говорим о небольшом конкретном участке. Итак, хозяина у него нет. А без него какой может быть порядок? Наверное, мысль понятна: такая система, когда за объект отвечают все и никто конкретно, беспорядок не устраним. Мы часто призываем рабочих: будьте бережливыми, рачительными хозяевами на стройке. Но чтобы призывы реализовались, не остались пустыми словами, надо подкрепить их конкретным делом — отдать объект на подряд одной бригаде: хозяйствуйте! Порядок — это следствие подряда, а не наоборот.

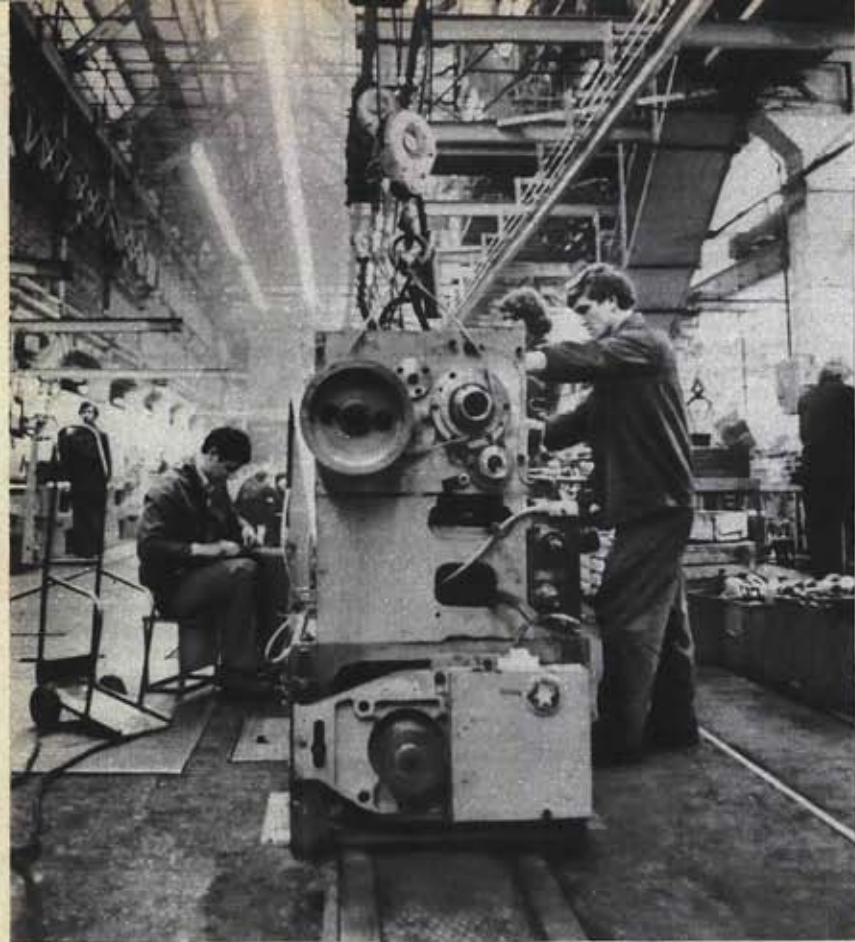
А ВЗЫСКИВАТЬ НАДО!

Но есть еще люди, которые, узнав о новом почине, тоже хотят присоединиться к нему, принимают обязательства, даже цифры называют, а потом... Потом обязательство остается на бумаге.

К сожалению, редко услышишь на собрании или просто в разговоре осуждение «обещалкиных», которые берутся горы своротить, но мало что делают. Был у нас один формовщик. Когда обсуждали социалистические обязательства, он приговаривал: «Мало берете, милье. Вот равняйтесь на меня. Запишите, что обязуюсь...» И сыпался как из рога изобилия заформованные сверх плана детали, скомованные формовочные смеси, крепежи. Подходило потом время проверки сделанному, и выяснялось: наш инициатор и половины обещанного не сделал. Но это ничуть не смущало его. Опять он принимал высокие обязательства. Говорили ему: «Ведь в прошлый раз не выполнил». А он в ответ: «Сколько мог, столько и сделал. Не взыщите».

Думаю, взыскивать надо. Не в дисциплинарном, конечно, порядке, потому что соревнование — дело добровольное. Но тем более опасна здесь потеря чувства ответственности за свои слова, обесценивается сама идея, зарождаются бюрократизм и показуха. Вот почему мы должны проходить мимо липовых обязательств, вот почему обязаны требовать: дал слово — выполни его. Никто не тянет тебя за язык, есть время, чтобы обдумать, выносить обязательство, рассчитать свои возможности. К тому же рядом товарищи, и помогут они и опытом поделятся. Всегда помогут, если трудно, если увидят желание работать лучше и быстрее, но не простят пустобрехства. Так мы воспитаны: слово рабочего — твердое слово.

Ксения ЛЕВУШКИНА,
Герой Социалистического Труда,
завод «Станколит», Москва

НЕИСПОСЛЕДИМЫЕ ЦЕННОСТИ РАБОЧЕЙ ИНИЦИАТИВЫ. ЗДЕСЬ, В ЗАВОДСКИХ КОРПУСАХ, ПОД СВОДАМИ ЦЕХОВ, РОЖДАЮТСЯ И ПОДХВАТЫВАЮТСЯ РАЗЛИЧНЫЕ НАЧИНАНИЯ И ПОЧИНЫ, ПРЕОБРАЗЯ И ОБОГАЩАЯ ТРУД.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

щих сооружений... Иногда при внедрении подряда «соблазняют» большой премией, но главное-то вовсе не в этом! При обычном аккорде тоже премия большая. Главное — доказать, что можно работать интересно, красиво, без надоевшей халтуры и туфты. Что теперь делать, чтобы не случилось провала? Надо завтра же свозить бригадиров к Славе Глушенку.

«ВАЛ» И РАЗУМ

...Идет строительство. Когда более успешно, когда менее, но в целом дело движется по привычной, обкатанной технологии. Подряд, пробивающий себе дорогу на стройке, вдруг показывает и производство и людей с совершенно неожиданной стороны, показывает, кто есть кто...

На общем собрании бригадиров Череповецкого строительного объединения одних заслуженных строителей было около сорока человек. Единственным, кто сам вызвался внедрить подряд — подчеркнуть, настоящий подряд, — был никому тогда не известный Анатолий Греков.

Дело у Грекова пошло. Но уже скоро один из руководителей треста заявил своему начальнику отдела труда и зарплаты:

— И зачем мне этот горлопан Греков? Вот К. — нормальный человек, а делает не меньше.

Поехали к К. Бригада его за день поставила одну ферму — работы на несколько минут. Больше ферм не привезли, и никого это вроде не касалось. Спросили у прораба:

— Как ты ему платишь? Установка фермы — от силы два рубля.

— Да я уже устал выкручиваться...

А бригадир это удобно! Очень легко привыкнуть получать зарплату, не работая. Он никого не тревожит — и его никто. Не надо ходить по кабинетам, ругаться с поставщиками, надоедать начальству. И без этого — почти передовик, судя по «освоенным» средствам...

Греков так работать не может. Прежние, «удобные» отношения при подрядах становятся губительными. У Грекова есть объект, точный срок, определен фонд зарплаты. И нет ежемесячных нарядов, в которых при желании можно и сфантазировать.

Бригады, взявшиеся за подряд, во многом далеко опередили инженерную службу. Дело

в том, что инженерам подряд неинтересен, даже невыгоден. Почему так? Если бригада полностью зависит от выполнения договора, то инженер — от выполнения квартального плана. В подрядной бригаде может быть так, что в отдельные месяцы она не выполнит план по «валу». Ничего страшного в этом нет: просто по технологии подходит очередь «дешевых» работ, долг будет с лихвой перекрыт в дальнейшем. Но у стройуправления оказывается под угрозой квартальный план. И, чтобы не попасть в отстающие, получить премию, ему надо срочно «рвануть» объемы, нарушая технологию строительства.

Даже в Мурманске, родоначальнике бригадного подряда в промышленном строительстве, «вал» иногда побеждает разум. В 1979 году спешно понастроили коробок, а в прошлом многое вручную доделывали. И стройуправления начали проваливать планы, что нетрудно было предвидеть.

Комментарий инженера

— Обычной бригаде всегда можно сказать: вот вам большие объемы, давайте поднажмите тысяч на сто, иначе зарплату платить нечем. И бригада выполнит «объемы», а кто и когда будет доделывать малооплачиваемые работы — ее не касается. Очень частая ситуация — когда планы выполнены, а объект не сдан.

Как совместить такую практику с бригадным подрядом? Ведь теперь попробуй заставь бригаду вместо объекта «делать деньги». Она не будет бездумно гнать коробку здания, чтобы потом возвращаться на первые этажи и вручную заканчивать мелкие работы. Аврал и подряд несовместимы. Конечно, бригада приносит дополнительные трудности хозяйственникам, но ведь это говорит только о том, что планировать работу надо иначе. Подряд не создал, а лишь выявил несовершенство существующей системы планирования, управления.

...К счастью, энтузиасты подряда есть и среди инженеров.

ЧТО МОЖЕТ БРИГАДА?

Существует легенда, будто Юлий Этлендер, начальник СУ-2 в Старом Осколе, проблему решил волевым методом: стукнул кулаком по столу и заявил, что с сегодняшнего дня

все управление переходит на бригадный подряд.

Рассказали ему об этом.

— Примерно так, — усмехнулся Этлендер, — если не считать нескольких лет подготовки.

...Впервые он ввел подряд на строительстве Михайловского ГОКа в Железногорске. Когда принял управление в Осколе, в нем была масса мелких бригад, и в то время было смешно заявлять о полном переходе на подряд. Начали с того, что объединили три бригады в одну и предложили крупный подряд. Бригаде оставляли путь к отступлению: закончите годовой этап — можете расколоться. Но, сдав законченный этап строительства объекта, бригада сама не пожелала распасться.

Таким же образом создавались вторая и третья бригады. С последней было немало тревог: очень неровный состав там подобрался. Поэтому перед заключением договора Этлендер провел в бригаде восемь или девять собраний — по-настоящему готовил людей к новым условиям, новым отношениям. Так и настал день, когда все управление — три крупных бригады — перешло на хозрасчет.

...Панкова и Доброносова мы привезли к тому, кто был первым, — в комсомольско-молодежную бригаду Вячеслава Глушенка.

Его не «делали» передовиком, и людей специально в бригаду не подбирали, и особых условий не создавали. Вначале был период неудач — когда в первые месяцы не выполняли план. Люди трудно притирались друг к другу, кое-кто откровенно роптал. Надо было объяснять, доказывать, что в подряде нет второстепенных работ, бывает, что важнее всего в данный момент убрать мусор, допустить. Бригада стала комплексной — с этим тоже было немало трудностей психологического порядка. Монтажники, ранее составлявшие специальный участок, влившиеся в бригаду, потеряли свои привилегии: в комплексной надо делать все, что сейчас требуется, независимо от профессии, квалификации. Они ворчали, когда Глушенко «подсовывал» им бетонные работы, но бригадир делал это тактично, стараясь не ущемлять профессионального самолюбия. Ничего, выкли...

Отчего бригада не захотела распасться, чем привлек ее подряд? Заявляют: по старинке работать уже не можем. Приучились хозяйствовать, решать проблемы самостоятельно — вошли во вкус, короче говоря.

Если на котельной масса руководящих работников два с лишним года (!) решала вопрос с питанием, то тут бригада сама построила себе столовую, сама включила в штат раздатчиц. Кстати, раздатчицы не только разливают супы, по мере возможности помогают на строительстве цеха энергоремонта, который возводит Глушенко.

Бригада сама для своих нужд построила гараж и склад, летний душ. Сама добыла себе... трактор. На стройке часто нужно что-либо перевезти, так не заказывать же каждый раз машину! Где-то в колхозе ребята выпросили списанный «Беларусь», сами восстановили, отыскали прицеп — и, пожалуйста, бегают еще старенький трактор. Здесь контролирующая организация забеспокоится: «Личный трактор? Непорядок!» Лучше подумать о другом: а сколько средств, времени и сил Глушенко этим трактором сэкономил?

Бригада сама стала решать многие экономические вопросы. Когда весной у товарищей из другой бригады возникли трудности с планом («Работы необъемные были», — пояснил бригадир), то глушенковцы «одолжили» им 3 тысячи из своего фонда зарплаты. Нужно было срочно достать несколько тонн арматуры — не стали ждать инициативы снабженцев, сами послали своих людей поработать на заводе.

Кажется, ясно, почему бригада не пожелала возвращаться к старому. Рабочие из простых исполнителей превратились в организаторов производства, работают ритмично, без авралов и простоев. Это уже следствие бригадного подряда, когда управление строительством идет не только «сверху вниз», но и по «горизонтали».

Опыт бригады Глушенко просто напрашивается, чтобы проанализировать его, довести до каждого коллектива. Неужели это можно не заинтересоваться? Но в комитете комсомола комбината нам посоветовали... не писать о Глушенко. Почему?

— О нем и так много пишут.
— В таком случае о чем же еще опытно можно написать?

Называются две фамилии.

— Это тоже подрядные бригады?

— В принципе у нас все стараются перейти на подряд...

Как стараются — мы уже видели. Пока мало кто из бригад приближается к уровню Глушенка. А ведь требуется не так уж и много: показать и другим, как можно работать, в чем сила подрядной бригады. Мы сами видели, как изменилось настроение у бригадиров после одной «экскурсии» к Глушенку. Опыт его, как говорится, лежит на поверхности — им пренебрегают; комсомольский секретарь, например, был в бригаде лишь однажды за полгода — вручал призы победителям. Кстати говоря, не на одной этой стройке комсомольские работники считают подряд делом хозяйственных работников. Как-то упускается из виду, что подряд — это не только экономическая, хозяйственная инициатива. Работа без штурмов и авралов, цельный коллектив, постоянные поиски новых решений, как лучше сработать, самостоятельность — где еще найти более благоприятные условия для воспитания, гражданского становления молодого рабочего?

Теперь, когда стройуправление № 2 полностью подрядное и, казалось бы, можно спокойно жить и радоваться, Этлендер заявляет, что готов сам найти рабочих, чтобы вдвое увеличить объем строительства. Зачем эти лишние хлопоты?

Комментарий инженера

— Обратите внимание — ни один подрядчик не боится работы. Наоборот, ищет ее! У нас иногда жалуются, что задавили работой, планом. А Этлендер хочет удвоить объемы и количество людей. «Это что за идиоты такие — просят дополнительные объемы?!» Не понимая основ экономики, многие думают, что хорошая жизнь зависит от начальства. Она зависит только от работы. И потому подрядчик жаждет до нее.

Впрочем, до спокойной жизни еще далеко. Сам начальник управления признает, что не может... обеспечить инженерное руководство подрядом. Бывает и такое, что ему активно в этом мешают: так, например, бывший начальник комбината лично «уговорил» Глушенко отдать другой бригаде монтировать уже начатый по подряду административно-бытовой корпус. Хорошо еще, что у Глушенко был не один объект. Нельзя допускать, чтобы подряд срывался по прихоти одного человека.

Другая, не менее серьезная проблема в том, что в новых условиях должны меняться и функции инженеров и техников. Мы уже говорили об этом: инженеры не привязаны к подряду. Представляется, что инженер должен быть не кабинетным работником аппарата управления, а куратором одной из бригад и иметь с ней единый моральный и материальный стимул — выполнение подряда, сдачу объекта «под ключ». Пока работник зависит от квартальных планов, он не может думать о перспективе.

В управлении после внедрения подряда заметно выросла производительность труда. Тут же, не учитывая изменившейся структуры работ, спустили план — повысьте еще на 25 процентов. И это всего за год! Волевым администрированием, планированием «от достигнутого» вступили в неразрешимое противоречие с подрядом.

Предстоящий партийный съезд определит экономическую стратегию на следующее пятилетие. В ней найдет отражение то, о чем говорится в Проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии: развитие инициативы, социалистической предприимчивости.

Новая инициатива зарождается в том же втором строительном управлении Старого Оскола — предлагается, просчитав всю пятилетку, заключить договор с бригадой на все пять лет и сделать этот план единственным. Думают и над тем, как в перспективе слить стройуправление с бригадами, создав нечто вроде «общего котла», в котором будет зарплата всех — от разнорабочего до начальника СУ. Здесь также приходят к мысли о коллективном подряде — он несколько лет назад уже предлагался в Мурманске. Тогда один из хозяйственных руководителей сказал, что это предложение «противоречит законам социализма». Коллективный подряд — это всего

лишь хоздоговор СУ и треста, такой же, как между бригадой и строуправлением. Что тут против социализма?..

Комментарий инженера

— Пока подряд пытаются приспособить к существующей системе управления; новые отношения идут на смену старым, но старые не хотят уступать...

Подряд можно сравнить с гирляндой лампочек, включенных последовательно. Выключи одну — вся гирлянда погаснет. В подряде провал в одном звене нельзя компенсировать улучшением работы другого. Так же, как нельзя, отрезав у человека руку, утешить его тем, что нога будет лучше работать. Поэтому заниматься улучшением работы управления — значит строить его принципиально новому. Не подряд под него подгонять, а само управление направить на решение целевой задачи подряда — строительство определенного сооружения, объекта, пускового комплекса.

ЛЖЕПОДРЯДНИКИ

Когда бригады создаются ради числа, а не цели — дискредитируется сама идея подряда. Обличий у лжеподрядчиков много...

В Волгограде известный бригадир берет подряд не на весь объект, а лишь на выгодную работу: поставить коробку. Кто потом будет доделывать — не его забота. Построил детсад — оказалось, надо пробивать дыры, чтобы внести оборудование. Еле заставили вернуться, сделать все, как положено.

В Череповце на глазах бригадира и прораба увозят машину досок — никто не спросит, чьи доски и зачем увозят. Выяснилось — доски бригадные. При настоящем подряде ни один рабочий не позволит, чтобы у него из-под носа таскали стройматериалы.

В Осколе у одной из «подрядных» бригад внешне идеальный порядок. Хозяйствуют бережливо, следят за качеством работы... Стали знакомиться ближе — типичная «липа». У бригадира даже договора на руках нет! А самое главное — здание растет еле-еле. Ясно, что срок сдачи будет сорван. И при всем этом заработки в бригаде едва ли не наивысшие на стройке. Но за что?

Есть достаточно простой способ отличить настоящий подряд от подделки: спросить у бригадира, закрывает ли он наряды. Если да, то о подряде лучше помолчать. Формула подряда проста: цель — время — деньги. То есть сдача объекта, отпущенные сроки и выделенные деньги, включая фонд зарплаты. Ежемесячным нарядам в этой формуле места нет — от главной цели они уводят все к тому же «валу», выполнению — неважно, каким путем — месячных планов. Какой смысл называть подрядом то, что и близко на него не похоже?

Почему же, несмотря на многие трудности, пришел явный успех к таким строителям, как Греков, Этлендер, Глушенко? Они не считали подряд сугубо технической новинкой и делали его не «для отчетности». Они вложили в него не только специальные знания, разум, а гораздо большее — душу, сердце.

Анатолий ЧЕРТКОВ, бригадир экскаваторной бригады ПМК-3 объединения «Союзтомскмелиорация», лауреат премии Ленинского комсомола

Работаю я уже не один год, кое-какие наблюдения поднакопились. Некоторыми из них, теми, что приходят на память, когда задумываюсь о том, что же делает нашу работу действительно работой в радость, и хочу сегодня поделиться.

Есть в Молчановском районе нашей области небольшое село Тунгусово. Это мое родное село. С детства помню отца, поднимающегося высоко над землей в кабину экскаватора — чтобы увидеть, голову приходилось запроки-

потом в Каргале возводил объекты соцкультбыта, трудился в Морьяковке. Так что, когда в 1974 году пришел в объединение «Союзтомскмелиорация», экскаваторщиком был уже «обстрелянным».

Попал в самую горячую точку — к Покровскому Яру, что в Тегульдетском районе. Осваивали мы там гари. (Между прочим, потом с этих земель получали до 30 центнеров зерна с гектара.) Плодородные земли, да как туда проехать? Имелась круговая дорога, но слишком длинная. И плохая — тайга, топь. Решено было строить прямую, в два раза короче. Решено, хотя дело это было непростое — болото на болоте.

Жили в полевом стане: вагончики, походная кухня. Не все выдерживали такие условия. Кое-кто, «записавшись в мелиораторы», похоже, решил, что на них манна небесная падать будет. Случались стычки вроде той, что описана в книге Л. И. Брежнева «Целина». Помните, в Северном Казахстане Леонид Ильич атаковал шумный мальчик, который требовал, чтобы ему сейчас же выдали полушубок. Никакие разумные доводы на него не действовали. Парень получил резкий, но справедливый отпор:

— А вы что, сюда на готовые пироги ехали? На что рассчитывали в этом

ли в трясины. Отступить? Нет, выход все-таки отыскался. Вернее, его отыскали люди. Стали ставить машины на стланики — это своеобразная лежневка, только сваренная из металла и перемещающаяся по мере продвижения экскаватора.

Работать на стланиках — примерно то же, что монтажнику ЛЭП на оголовных опорах. Чуть не так повел рычаг — и машина рухнет в болото. Не хватает еще специальной техники для работы на болотах, вот и приходится самим искать выходы, проявлять инициативу. Только просто решиться работать на стланиках мало. Тут нужно самое настоящее мастерство, опыт, расчет — иначе пользы от самого решения не будет. А есть они — тогда и риск оправдан.

Вот такой коллектив, в котором удачно совместились опыт и умение

ЧЕМ БЕДНА РАБОТА И ЧЕМ БОГАТА РАБОТА

дывать. Помню запах соляра, машинного масла. Помню темное от работы и усталости лицо отца. Трудная работа экскаваторщика. У нас в Сибири — особенно. Наверное, поэтому родители и посчитали, что следует мне найти работу полегче и почище. Другое-то вон находят, возможности сейчас для этого самые широкие. Но я после демобилизации пошел именно на курсы экскаваторщиков. Отец поначалу от моего решения в восторг не пришел, но потом даже как будто гордиться начал: «Толя-то, вишь, что задумал! Будет у нас теперь трудовая династия».

Работал я помощником экскаваторщика на Всесоюзной ударной комсомольской стройке — на строительстве железной дороги Асино — Белый Яр.

пиджачке да в кепочке? Такие, как вы, целине не нужны!

Случай этот из 1954 года. Сейчас времена иные, но любители «готовых пирогов», считающие, что кто-то за них все сделает, все предусматривает, сейчас не перевелись. Только, как и на целине, на наших стройках главную работу делают другие люди. Те, кто не ждет, пока им создадут комфортные условия для работы, а сами ищут, что можно сделать, чтобы работа шла успешно.

Но по себе знаю, как важно, чтобы поиски и предложения не пропадали даром. В 1975 году я получил гидравлический экскаватор, который проходил испытания в условиях Сибири, и проработал на нем три года. Потом дал не только свое заключение о работе машины, но и сделал некоторые замечания, предложил кое-какие изменения. На заводе-изготовителе их не только учли, но и практически использовали при подготовке окончательного варианта машины. Такое отношение к моим предложениям вызвало желание и впредь работать, понимая свою рабочую обязанность гораздо шире, масштабнее, ответственнее.

Осуществление первой очереди огромного — в 360 гектаров — Кандинского торфоместорождения в Томском районе было настоящим испытанием на прочность не только для техники, но и для людей, работавших там. Сложнейший объект. Мне поручили пробивать магистральный канал. А было начало марта, вот-вот хлынут паводковые воды. Когда перешли к напорному каналу, болото окончательно расквасилось. Бульдозеры и экскаваторы тону-

старших механизаторов с силой, задором молодых, быстрых на замыслы, идеи, сложился в нашей комсомольско-молодежной бригаде на Кандинском месторождении.

Каждому радостно видеть результаты своего труда. Нам тоже. Только дело наше, мелиорация, длительное, кропотливое, требующее системы и постоянного внимания. Причем не одних землестроителей, но и колхозников, ученых. И здорово, когда на поднятые тобой к жизни полудикие земли приходят неравнодушные, деятельные люди. Вот один небольшой пример. Недалеко от деревни Гусево оборудовали мы водохранилище для орошения полей. Но деловым людям важно было использовать все возможности рукотворного озера — они стали разводить там зеркальных карпов. Уже получен первый и солидный «урожай».

Можно уже, наверное, и кое-какие итоги подвести.

Считаю, когда заходит речь о том, интересна ли, радостна тебе твоя работа; прежде всего надо ответить себе: а сполна ли ты отдаешь себя делу? Человеку свойственно мыслить, творить, придумывать, искать, чтобы помочь себе, товарищу, коллективу. Чтобы лучше делать свое дело. Чтобы оно было в радость. Это нормальные и здоровые потребности. А если ты подавил их в себе или «забыл» о них, спрятавшись за это нелепое «пусть начальство думает», чего же обижаться, что работа тебе в тягость. Да, от такого подхода страдает наше общее дело. Но, думаю, очень многое теряет и человек, так относящийся к работе. Бедной становится его жизнь.

После выступлений «Смены»

«ВЫПУСК» С МИНУСОМ»

Письмо мастера ОТК 6-го автобусного парка Н. Юрчикина «Выпуск с минусом», опубликованное в № 10 журнала «Смена», тщательно рассмотрено Управлением пассажирского транспорта Мосгорисполкома совместно с руководством автопарка. Факты, изложенные в письме, имели место.

Автопарк принял меры по обеспечению более полного выпуска автобусов на линию. Проведена также работа по улучшению организации труда рабочих-ремонтников — они переведены на непрерывную рабочую неделю.

В настоящее время администрацией совместно с комсомольской организацией парка осуществляется по-

стоянный контроль за работой водителей на линии.

Руководству автобусного парка рекомендовано принять необходимые меры по укреплению трудовой дисциплины, организации наставничества среди молодежи, улучшению всех форм социального соревнования, повышению его действительности и эффективности.

Письмо тов. Юрчикина обсуждено в коллективах водителей и ремонтных рабочих парка.

И. НАЙДЕНОВ,
начальник службы
подвижного состава
Управления пассажирского
транспорта Мосгорисполкома

**Итак, ваше мнение,
дорогие читатели!**

ИМЕННОЕ ОРУЖИЕ

Официально традиция удостоивать ценным оружием прославившихся в сражениях утвердилась на Руси с 1642 года, когда храбрый стольник Богдан Хитров за ратный труд получил саблю с именной надписью.

С тех пор наградное оружие стало официальным видом почетных государственных наград. В старинном указе говорилось: «Яко памятник нашего к подвигам уважения, коим такие золотые шпаги пожалованы... вносить в общий с кавалерами российских орденов список». Именное оружие отличалось от обычного золотой рукояткой с надписью на дужке эфеса «За храбрость», а также темляком на георгиевской ленте. К примеру, с 1774 по 1807 год золотым оружием были удостоены больше ста человек. В том списке читаем имена: Румянцев, Потемкин, Суворов... Кутузову была пожалована шпага с алмазами и лавровым венком. Высокую награду получил и Барклай де Толли. Введенное в канун первой мировой войны «георгиевское оружие» приравнялось к боевому ордену.

В огненные годы гражданской войны родились новые знаки воинского отличия, которыми удостоивались пламенные борцы за дело пролетарской революции. И среди них — Почетное Революционное оружие. В декрете ВЦИК говорилось, что это «...награда исключительная, присуждается за особые боевые отличия, оказанные высокими начальствующими лицами в действующей армии».

В числе первых награжденных — полковник М. В. Фрунзе. Ныне шашка Фрунзе хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. Ножны ее обтянуты черной лакированной кожей, на передней стороне золотого эфеса — рельефный портрет Карла Маркса. На устье ножен сделана по золоту надпись: «Народному герою М. В. Фрунзе от ВЦИК». К обратной стороне прикреплен знак ордена Красного Знамени.

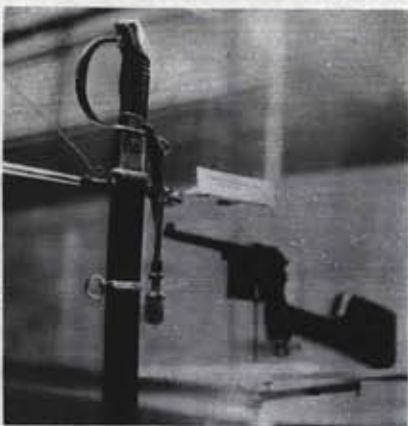
Трижды награждался Почетным Революци-

онным оружием — двумя шашками и револьвером со знаком ордена Красного Знамени на рукоятке и серебряной надписью «Честному воину РККА от ЦИК Союза ССР» будущий маршал С. М. Буденный. Одну из своих боевых шашек маршал подарил на XVI съезде ВЛКСМ Ленинскому комсомолу.

Среди удостоенных именных боевым золотым оружием — М. Тухачевский, Г. Котовский, С. Тимошенко, К. Ворошилов и другие военачальники.

И в наши дни офицеры, генералы и адмиралы в порядке поощрения награждаются именованным холодным и огнестрельным оружием. И уходя в запас, воин не сдает его, а хранит вечно, как память о свершенных подвигах.

Николай САУТИН.

Именное оружие К. Е. Ворошилова.

Фото Александра КОСТЕНКО

ЗА ПРИЗЫ И ВЫМПЕЛЫ «СМЕНЫ»

Ширится, растет Новый Уренгой — город газодобывчиков, город молодежи. Здесь у нас, на Всесоюзной ударной комсомольской стройке, ребята упорно соревнуются за переходящие призы и вымпелы журнала «Смена».

В прошедшем году, завершившем десятую пятилетку, награды «Смены» были вручены коллективу вахты по добыче газа, которой руково-

дит старший инженер Н. Кабанов, вахте старшего инженера Р. Тагирова, комсомольско-молодежной бригаде каменщиков В. Вагрушева, бригаде буровиков А. Глинянова, комсомольско-молодежной бригаде плотников П. Баряева...

Вымпелы журнала получили слесарь-ремонтник В. Быков, операторы по добыче газа В. Калинин и А. Шиянов, плотники П. Максимов и В. Бабий, водитель Ю. Тазтамышев...

Нынче более тридцати комсомольско-молодежных коллективов соревнуются за право иметь алые вымпелы и призы журнала «Смена».

Владимир ДЕГТЯРЬ,
секретарь Новоуренгойского горкома ВЛКСМ

МУЗЕИ

БИНОКЛЬ ЧАПАЕВА

Когда после взятия Бузулука чапаевцы подарили своему комдиву трофейный французский бинокль с маленьким компасом, Василий Иванович, повертев его в руках, рассмеялся:

— А казачки-то даже через французские бинокли не смогли рассмотреть атаки нашей конницы!

Этот эпизод стал известен из дневниковых записей бывшего шофера комдива Петра Тюрина.

...Через несколько дней после боев за Бузулук шофер Тюрин был ранен и попал в санчасть. Чапаев пришел навестить бойца и, чтобы поднять ему настроение, подарил этот бинокль.

Долгие годы дорогой подарок бережно хранился в семье Тюрина, а недавно был передан в Музей истории комсомола Казахстана в Алма-Ате.

Владимир ПЕТРОВ

УМЕЛЬЦЫ

ПЕСНЬ ВЕКОВ — ШЕБЕКЕ

Чудной резной шкатулкой вознесся над Шеки — одним из древнейших городов Азербайджана — дворец шекинских ханов. Творение умельцев XVIII века, он дорог нам как апофеоз искусства шебеки — национальных решеток-витражей. В XII—XIII веках их делали из камня: резные ажурные решетки украшали в те времена дворцы и мечети, бани и жилые дома. Потом на смену камню пришло дерево, а пустоты заполнили кусочки разноцветного венецианского стекла. И сегодня мы можем любоваться этим древним народным искусством благода-

ря мастерству художников-реставраторов.

Своеобразна работа реставратора — он и рабочий и творец одновременно: ведь прежде чем начать разборку обветшавшей от времени ажурной решетки и приступить к замене деталей, нужно тщательно изучить сложную вязь орнамента, понять взаимосвязь компонентов, заставляющую дерево и стекло тревожить и радовать душу, будить воображение, рождать ассоциации. Но уста (мастер) Ашраф Расулов не только восстанавливает работы старых мастеров. Он и сам создает новый, современный шебеке. Один из них — шестигранник — ученики в честь мастера назвали «ашрафи».

В каждом квадратном метре шебеке от двенадцати до четырнадцати тысяч деревянных деталей, и вырезать их надо вручную.

В раме все детали должны быть так тщательно подогнаны, чтобы могли держаться сами собой, — в старину мастера не признавали ни клея, ни гвоздей. И сегодня рецепт тот же...

— Хочу, чтобы искусство шебеки радовало нас и наших потомков, — говорит уста Расулов. — Хочу передать моим ученикам то, что умею сам, чтобы сделать из них художников, воспитанных на лучших традициях народного творчества, которые хранили бы и вдохновенно продолжали песнь веков — шебеке.

Светлана СЕМЕНОВА.

... И СНОВА ОБ «АНГАРЕ»

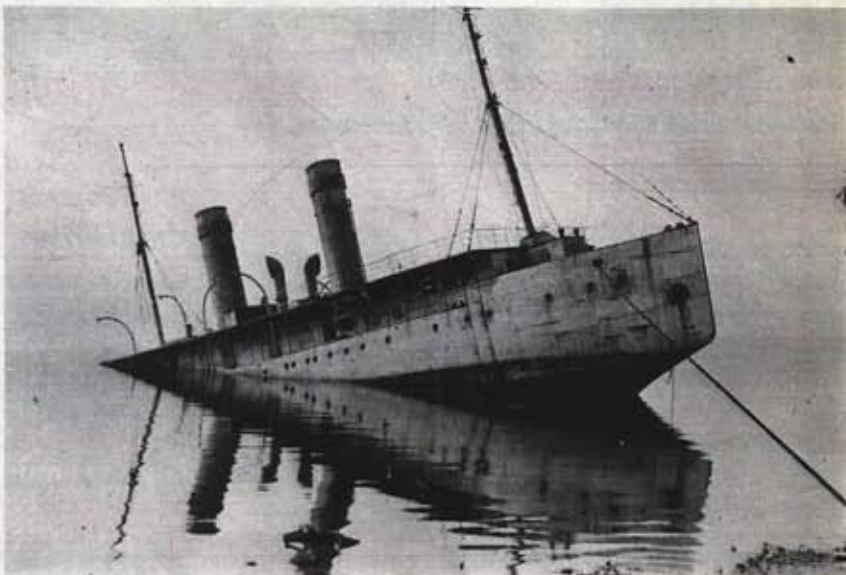
Когда же?

Почти три года назад «Смена» впервые рассказала о легендарном ледоколе «Ангара», о том, что иркутская комсомолка решила превратить его в корабль-музей. Позже мы неоднократно возвращались к этой теме. В обнадеживающем ответе, который редакция получила от Иркутского обкома ВЛКСМ летом прошлого года, говорилось, что

«... в настоящее время проводятся водозащитные работы по подъему кормовой части ледокола». Но не слишком ли долго ведутся они? Об этом свидетельствует и недавно полученное письмо иркутянина А. Кондрашова. «Теперь «Ангара» интересна только тем, — пишет нам взволнованный читатель, — что работы по подъему ее могут сравниться по времени лишь с подъемом «Титаника».

К письму была приложена эта фотография, где видно бедственное положение корабля-легенды.

Журнал еще раз обращается к Иркутскому обкому комсомола: когда же «Ангара» станет кораблем-музеем?

А
ЧТО
У ВАС?

КЛАДОИСКАТЕЛИ

Найти клад непросто, да и не каждому суждено. Однако кое-кому везет. Недаром сейчас в Тульском областном краеведческом музее хранится около сорока кладов, найденных при различных обстоятельствах, разными людьми, в разных концах области. Для науки они поистине бесценны: иной клад может поведать историкам такое, чего не узнаешь даже из древних летописей.

Несколько лет тому назад в деревне Одинцово чистили пруд. Бульдозерист Алексей Михайлович Костюхин заметил в налипших на гусенице комьях земли зеленые от времени глиняные черепки и потускневшие металлические кружочки — монеты.

Специалисты определили, что в расколотом глиняном кувшине лежали арабские дирхемы более чем тысячелетней давности. Ученые предполагают, что еще до основания Юрием Долгоруком Москвы славяне, поселения которых были разбросаны по территории современного Подмосковья, оживленно торговали с Востоком. А вот кто и когда припрятал почти восемьсот серебряных монет весом в два килограмма, с какой целью зарыта на русской земле «инвалюта», — остается тайной...

Жительница села Тризново Мария Александровна Чуканова как-то по весне копала свой огород. Работа уже приближалась к концу, как вдруг острие лопаты вонзилось во что-то твердое. То была треснувшая кубышка с 320 монетами, выпущенными во времена царствования Екатерины I и Елизаветы.

Очередной трудовой семестр ребята из студенческого строительного отряда имени Юрия Гагарина провели на строительстве теплотрассы, проходившей по территории Тульского кремля. Вот что рассказывает участник происшедших событий, выпускник Тульского пединститута Валерий Бычкин:

— Ровняя траншею, укладывая бетонные плиты на дно, укрепляя стены, мы как бы совмещали профессии рабочих и археологов. Нам попали в руки остатки старинной посуды, бутылки с затейливым рисунком, медяки, серебряные монеты, перстень с печаткой, позолоченный кулон, резные шахматные фигурки... В одном месте мы наткнулись на остои церквушки...

Теперь в Тульском кремле ведут раскопки профессиональные археологи. Богата Россия кладами. Многие пока лежат в земле и ждут своей очереди. Интересно, кому посчастливится в следующий раз?

Валерий ПЛЕШАКОВ

Все началось с петуха

Увлечению Виталия Алексеевича Балашова больше полувека. Первого своего петуха он вырезал из бумаги, когда ему было 13 лет. «Бумага была серая, оберточная, ломкая, — вспоминает Балашов, — да и взять-то другую нигде было». Вот так и началось. С петуха. Им долго любовались товарищи Виталия по детскому дому, где воспитывался Балашов.

Непросто потом сложилась его судьба. Много ездил по стране, работал на стройках, воевал, освоил больше 20 специальностей, но увлечение вырезанием осталось неизменным. Из иных бумажных узоров складывались удивительные по изяществу абажуры или витражи, иные так и оставались просто вырезками, которые по своему колориту больше напоминали праздничные скатерти и рушники тонкой, ажурной вязки.

Более трех тысяч работ хранит Балашов в своем домашнем музее. А сколько их украшают квартиры товарищей, сколько подарено истинным ценителям прекрасного!

Порой на то, чтобы создать очередную оригинальную вырезку, уходят недели: каждую из тысяч линий нужно «прописать» ножом вручную, неторопливо, точно. Столяр по профессии, художник по натуре, Балашов в свои почти 70 лет неутомим: продолжает работать на заводе, по несколько часов в день проводит за письменным столом дома, совершенствуя свое искусство. Сейчас он готовит очередную персональную выставку.

Ян ВЛАДИН.

Фото Виталия БАЛАШОВА

ПРИРОДА И МЫ

ЖУВИНТАС — ОЗЕРО ЛЕБЕДИНОЕ

Заповедное литовское озеро Жувинтас называют лебединым — ежегодно ранней весной, когда на озере еще плавает лед, а в лесу полным-полно снега, прилетают сюда белоснежные птицы.

Колония лебедей-шипун в заповеднике Жувинтас считается самой крупной в Европе, и количество ее жителей все время растет. Сейчас уроженцы Жувинтаса обживают соседние озера.

Осенью поднимаются над раскрашенными лесами белые облака. Птицы улетают в жаркие края, на зимовку. Но не все лебеди покидают Жувинтас. Некоторые остаются и на зиму. Их бывает несколько десятков.

...Мы шли заповедником к озеру, к полянке, где должны быть лебеди-зимовщики.

И вот уже видны почти слившиеся со снегом лебединые шеи. Птицы спокойно плавают в бассейне с ледяными берегами.

У некоторых птиц на шее синие «бусы» с большими белыми цифрами и буквами: орнитологи всего мира договорились метить лебедей яркими пласти-

ПРОЕКТЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ НА ДОРОГЕ

Пожалуй, не найти в нашей стране дороги, которой уделили бы столько внимания поэты и писатели. Здесь бывали А. Пушкин, А. Грибоедов, М. Лермонтов, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, В. Маяковский...

Читатель, наверное, уже догадался, что речь идет о Военно-Грузинской дороге. Сейчас на ней появились таблички с надписью «Идут реставрационные работы». Специалисты Грузии и Северной Осетии разработали комплексную программу, предусматривающую не только реконструкцию самой дороги, но и восстановление памятников старины, которыми любовались знаменитые писатели. Скоро путешествующие по 208-километровой

горной дороге смогут увидеть соборы, крепости, сторожевые башни — «живые иллюстрации» ко многим литературным произведениям. А в старинном осетинском селении Балта, что на Крестовом перевале, можно будет отдохнуть в каменных саклях — постоянных дворах, где находили приют путешественники прошлого.

Леонид НОВИКОВ

ИСКУССТВО

Коллажи Агабекова

Вот уже почти четверть века работает в жанре цветной литографии ленинградский художник Александр Агабеков. Он участник многих художественных выставок. Его искусство открыло зрителям мир пригородов, быт городских дворишек и чарующую красоту родной Армении.

Казалось бы, столько лет работы в привычном жанре и немалые успехи могли бы «успокоить» художника, но Агабеков постоянно ищет новых путей в технике декоративного творчества.

И вот он понял, что бумага, наклеенная на стекло, будет выглядеть по цвету чуть-чуть иначе, чем находящаяся под стеклом. Но ведь искусство — это и есть чуть-чуть...

Так в творческом арсенале Агабекова появился многослойный коллаж-стекло. Центральный Дом литераторов познакомил зрителей с целой экспозицией коллажей Агабекова: русский лубок, древние армянские миниатюры, полифония оттенков произведений Востока — все нашло отражение в необычных работах ленинградского художника.

— Возможно, среди читателей «Смены», — говорит Александр Агабеков, — найдутся люди, которых заинтересует эта новая форма искусства. Что ж, коллаж-стекло поможет им расширить художническое восприятие мира, увидеть необычное в обычном, сказочное в реальном...

Валерий ЛЕОНИДОВ

НЕОБЫЧНОЕ ХОББИ

Кто собирает марки, кто спичечные этикетки, кто-то увлекается резьбой по дереву или же изучением диалектов языка древних индейских племен... А есть и такое необычное хобби — изучение жизни ядовитых змей и охота на них.

Свыше трех десятков тысяч змей «прошли» через руки специалиста — животновода, кандидата сельскохозяйственных наук Аркадия Демьяновича Недялкова. Яды этих змей таят в себе столько интересного и нужного людям, что трудно даже перечислить все отрасли медицины и биологии, где их применение даст плодотворные результаты. В то же время с каждым годом число змей уменьшается. Причина? Отлов их для серпентариев, где живут они не более года.

Необходимо найти такие методы получения ядов змей, которые позволят не обеднять природу.

Именно решением этой нелегкой задачи и занят сейчас энтузиаст-змеелов Недялков. Работает он в свое свободное время вместе с сотрудниками Центрального лесного заповедника, что расположен в Калининской области, близ Нелидова. На территории заповедника выделен большой участок, полностью предоставленный под змеиное «жилище». Здесь наличие обильной кормовой базы позволяет не один раз в год, а гораздо чаще «дойть» змей, получать целебные яды, а затем выпустить своеобразных «доноров» на волю. Так разрабатывается новая методика добывания ядов, позволяющая сохранить змей в природе.

А как умеет Аркадий Демьянович рассказывать о своем увлечении! Прочитайте его книги — «В сантиметре от смерти», «Ловцы змей» или «Опасные тропы натуралиста», и вы станете убежденным сторонником необходимости охраны ядовитых змей.

Роман БОРИСОВ

Игорь КОНСТАНТИНОВ.
Фото автора

Поздняя осень

Дожди отошли,
отнудили свое.
И глухо, и немое,
и серость тупая.
Лишь веток
почти кружевной витье
черно по утрам
сквозь туман проступает...

Ты выйдешь однажды
в осеннюю тишь,
где ветви деревьев
покинуто стынют.
У вишни,
что сам посадил,
постойшь.
(Занеет плечо,
где осколок не вынут...)
Листок,
сиротливо висящий,
сорвешь,
ответишь, что деревце
стало повыше,
и тихо,
почти незаметно
вдохнешь:
мол, этих тебе
уж не пробовать вишен...

Под деревцем землю
в пристовальном кругу
разгладив,
отложишь ты в сторону
грабли,
наклонишься —
руки помыть —
к бочагу,
что бронзой
листья облетевшей
обрамлен,
и в зеркале черном
студеной воды
внезапно заметишь,
что щедрая осень
не только,
не только
принесит плоды,
но что-то уносит,
но что-то уносит...

Что я ни напишу —
ты всё твердишь
презрительно,
что это было, было...
Но вот
заря вечерняя
остыла,
и наступила
ожиданья тишь.
И сердисься ты вновь,
что я молчу, —
мол, где же
вдохновенный глас поэта?..

Как я тебе
«люблю!»
сказать хочу!..
Но до меня
уж говорили это.

Зимнее дерево

Не жалейте дерево,
оставьте его в покое!
Вы напрасно думаете,
что оно сухое, —
вы ошиблись!
И пусть на нем
нет ни листка —
это просто
время года такое,
и дерево такое —
пока...

Мы лесом шли. И, приустав слегка,
остановились на краю полянки,
где чуть виднелся след от костерка
и откровенно разрослись поганки.

Из-под листьев опавшей угольки
проглядывали редко, сизо-сини.
Мы отдохнуть присели, грибки,
на сваленной бог весть когда лесине.

И увидели вдруг невдалеке
осевшую могилку, над которой

на деревянном мшлом конусе
фанерка висла с тонкой рамкой черной.

На ней проглядывалось, хоть с трудом:
«Петр Иванов» и полустерто — дата...
И кто-то снизу приписал углем:
«Могилка неизвестного солдата».

Сюда венков парадных не несли.
Речей над нею не произносили.
Но, прорастая прямо из земли —
его земли — цвели цветы России!

Эхо

Я помню, как,
завидя отцам,
мальчишки, мы
судили меж собою,
что тоже, мол,
сумеем до конца,
как и они,
ответить боем бою...
И он пришел —
тот самый главный бой!
Мы в том бою
ни в чем не уступили.
Ты помнишь, друг,
как майским днем с тобой
мы по Берлину взятому
ходили!

«Юнцы!» —
о поколенье молодом
твердит иной...
Но я-то знаю твердо:
они пройдут
завещанным путем
и подружат
Победы Знамя гордо...

Я помню тот,
последний самый бой,
политрука,
который поднял знамя,
и хриплый крик его:
— Вперед, за мной!.. —
...А эхо до сих пор
гремит: — За нами!

Страх

Мне часто снится танк,
идуший прямо на меня...

Я тогда не успел испугаться —
масса мелких, но важных забот
помешали испугу:
надо было вставить запал
в противотанковую гранату,
убрать автомат с брестера
и — главное! — постараться
попасть гранатой под танк —
танк уже надвигался на меня...
Правда, меня учили,
что надо его пропустить,
и бросить гранату в спину,
но пропускать почему-то
его не хотелось мне...
А когда рвануло,
и танк закрутился на месте,
и из него посыпались фрицы,
пугаться было некогда —
я строчил короткими очередями
из автомата, и падали фрицы...
А потом и вовсе пугаться
было некогда — подняли нас
в контратаку...
Теперь
каждый раз пугаюсь я,
когда мне снится все тот же сон:
танк,
идуший прямо на меня!..

И я просыпаюсь в холодном поту...

Отцы и дети — старая история.
Отцы и дети, дети и отцы.
Отцов я помню: это те, которые:
Подполье...

Революция...

История...
Детей я знаю — дошлые юнцы.
Но в час, когда судьба страны решается
под гром бомбежки

в утреннюю рань, —

стирается,

стирается,

стирается

придуманная умниками грань!

Ночь

Луна большая. Чистота.
Как будто свет из решета.
Гляжу в ночную вышину —
Луна роняет тишину,
Чернеют профили лесов
И тени кружев от кустов,

И тени кружев от ветвей —
На пятна бледные полей.
Линют ласкает лунный луч —
И тают горы грозных туч,
Лицо ласкает лунный свет —
И боли нет, печали нет!

Ирина ЖЕЛЕНИНА

Июньские запахи

Трава зеленая, цветы —
Их запахи все выше, выше,
Вот на балкон они пришли,
Над нами — вплоть до самой крыши;
И к синеве, и к облакам,
И в космос зримо потянулись,
И, как своим знакомым, там
Им космонавты улыбнулись.

Наде Рушевой

Девочка моя, сосуд восточный,
Ясный, тонкий, хрупкий и простой,
До краев наполненный проточной,
Звонкой и прохладною водой.
Припадая к тонкому сосуду,
Каждый пьет. Целебная вода

Оживляет, лечит, манит, будит —
Поднимает вдруг на облака.
А захочешь, ценными дарами
Наполняет — яркой красотой.
Девочка моя, ты рядом с нами,
Не разбился твой сосуд — живой!

Ирина Желенина — геолог. Сколько полей, лесов, горных троп искожено. Сколько зим провела в ожидании не просто лета, а летнего полевого сезона. Но на одной из дорог геологических поджидало ее несчастье. И следом — болезнь. Тяжелая, долгая, приковавшая ее к постели.

И все-таки чувство дороги не потеряно Ириной Желениной — она идет теперь путем творчества. Нелегкая дорога, да еще нужно не сдаваться недугу. Но ведь можно счастливо встретить спутника — старшего товарища по перу. Желениной повезло, и повезло необыкновенно: ей встретился Константин Симонов. До последнего дня своей жизни большой мастер литературы чутко и требовательно следил за тем, как складывается творческий путь начинающей поэтессы, человека волевого и мужественного.

Мы предлагаем вашему вниманию те стихи Ирины Желениной, которые оценил Константин Симонов — на оригиналах он проставил карандашом плюсы.

По степи на коне

Я скачу по степи на коне —
Солнце, ветер да запах полыни,
И известно доподлинно мне —
Я свободнее ветра в пустыне!

Степь — не море, когда, замая,
То обнимет, то снова отринет;
Степь надежная, будто броня,
Я счастливее солнца отныне!

Я спешу, не стегая коня,
Я люблю и любима поныне,
Настигает, как ласка твоя,
Запах пряный цветущей полыни.

Вот сейчас вы не просто прочтете эту повесть в прозе Владимира Десятерика — вы прикаснетесь к увиденному и прочувствованному человеку, к тому, что вечно зелено и вечно шумит в его душе.

Долог путь человека по полю жизни, и трудна его работа на этом поле: вот собран урожай детства, нужно взращивать посевы юности, а, глядь, сорняки попадают, и до кровавых мозолей приходится их пропалывать. Колосится урожай за урожаем — живет человек, трудится над своим житьем-бытьем, по зернышку отделяя Добро от Зла, Правду от Лжи. Солнечным ли светом залетит душу или ожжет уколом болезненным — обо всем должен он сказ оставить для вослед идущих по полю бескрайнему. И тогда выращенные из семян прорастут в других людях — их согреют, их от боли сохранят.

Поделись урожаем жизни, человек!

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственных премий

Рисунок
Владимира
ДЕЛБЫ

Владимир ДЕСЯТЕРИК

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

ВЗРЯНЩИЦЫ

ЛИПЫ У МЕТРО «КРАСНОПРЕСНЕНСКАЯ»

Случится же такое: в тот июньский день мне довелось несколько раз побывать у станции метро «Краснопresненская». Я проходил там и прежде, но не замечал: все торопимся, бежим куда-то. А тут неожиданно чем-то родным окутало меня, повеяло детством... Остановился, огляделся.

Вокруг цвели липы! Кажется, все пчелиное население столицы собралось здесь. Я слышал лишь их жужжание да шелест липовых листьев. Гул шумной улицы исчез, затих. Только шелест и жужжание...

Кто же этот мудрый человек, подумал я, который при открытии станции предложил посадить вокруг нее рощицу из липовых деревьев? Слава ему и вечный памятник...

Теперь деревья заматерели, густой сенью создают прохладный коридор для прохожих, шагающих к подземке...

В нашей семье существовал особый культ липы. Его создала мама. Она очень любила липу — сушила липовый цвет, а потом зимой с ним пила чай. Сколько помнится, в доме всегда была запрятана где-то торбочка с сушеным ароматным липовым зельем. Самый вкусный мед неутомимые пчелы приносили нам тоже с цветущих лип. Даже рождение мое совпало с июлем, месяцем, который по-украински называется липень...

А липы у Красной Пресни в тот день просто благоухали, залитые щедрым урожайным цветом!

Как жаль, что мама уже не сможет насладиться приятным запахом этого медоносного цвета! И еще подумалось: как было бы хорошо жить на земле, если бы повсюду росли липы, цвели липы, наполняя сердце сладкой и чистой памятью детства. И мамы.

НА БЕРЕГУ МОСКВЫ-РЕКИ ПОД ЗВЕНИГОРОДОМ

Утро. Предпраздничное ноябрьское утро. От дома отдышка спускаюсь к Москве-реке. Слева, еще не покрытое снегом, зеленеет ржаное поле. Речная вода в ожидании заморозков стала как будто гуще. Ее гладь ровная, спокойная, лишь на отдельных участках играет мелкая-мелкая рябь. Светит солнце. Ветер не такой уж и крепкий, но по-осеннему колючий.

Иду вдоль самой воды. Уже скрылось поле, берег становится все круче и круче. На склоне растут сосны, березы. Прохожу несколько шагов и останавливаюсь, потрясенный.

У самой крошки обрыва колышется сосна. Корни ее совсем обнажились, на метр-полтора стоят над осунувшимся песком. Но не дают обвалиться сосне.

Ветер усиливается, раскачивает на голом склоне пышную крону сосны, словно пытается ускорить ее гибель. А сосна не сдается, чудом держится она за жизнь, корнями своими стремится дотянуться до земли-спасительницы.

И вспомнились последние мамины часы.

Уже почти два года прошло после того трагического вечера, а закрою глаза и вижу все вновь. Как же ей не хотелось уходить из жизни, как страдала она, лишенная возможности двигаться. В какой-то миг она повернула лицо к стене, и я содрогнулся. Жалобным, просящим голосом, ни к кому, разве, кроме себя, не обращенным, воскликнула она: «Прорубить отут в стіні віконце, хочу світ білий бачити!»

Никто из нас тогда, ночью, еще не верил, что уже последние часы отрабатывает ее натруженное сердце...

А ведь нужно, нужно было прорубить ей оконце, хоть и стоял декабрь на дворе. Ах, как нужно!

И мысль эта не дает мне покоя.

Никогда не даст.

ПЕНИЕ ОТЦА

Почему вспомнился этот эпизод? Не знаю...

Выступала по телевизору молодая украинская певица. Она пела без музыки, а'капелла. Слушал, слушал, и вдруг словно что-то оборвалось внутри, пробудилось. Так начинается ледоход на реке. Треснет неожиданно, и все оживает, начинает двигаться.

Много лет дремало где-то в глубоких тайниках памяти мое детское впечатление, ожидая своего часа. Раньше почему-то не объявлялось, не давало знать о себе. Но ведь не развеялось и даже не потускнело с годами?

Где-то я вычитал, что ученые решили посеять обнаруженные при раскопках древние злаки. Трудно даже вообразить себе, чтобы спустя столько веков после того, как один из наших предков засыпал в кувшин эти зерна, они бы проросли, дали всходы! А, оказывается, жизнь не затухла в них. Наступил черед, и росток встрепенулся, сбросил с себя в прямом смысле слова пыль веков и рвется из земли наружу — к свету, к жизни. Вот так, пожалуй, и мое воспоминание. Пришла его пора, и оно всплыло...

Было это давно. В те счастливые предвоенные времена, о которых помню лишь самое общее. Пожалуй, не точно это: «помню». Видимо, позднее — из книг, кинофильмов вошли в сознание штрихи и черточки той эпохи.

Небольшая семья наша радовалась жизни. Отец был грамотнее многих односельчан, дом выделялся своей железной крышей...

Так вот. Вечером на крыльце этого дома стоял отец. Он был в белой рубашке, и в таких же

рубашках еще двое мужчин. Очевидно, тогда так было модно. Вероятнее всего, был праздничный день. Было это, несомненно, в мае или в начале июня сорок первого. Почему так считаю? Просто ранее не смог бы я так четко вобрать в себя все то, что видел и слышал. Мне было ведь неполных четыре года.

Мужчины пели. В три голоса. Слух у меня скверный, а вот то, что пели в несколько голосов, уловил, усвоил. Пели, как работают крестьяне: старательно, во всю мощь грудных клеток и голосовых связок. Пели украинские народные песни! Мелодичные, душевные, песни звучали как раздумья, потому что каждый поющий еще и играл свою роль в этом песенном спектакле. Движением лица, жестом руки, наклоном головы он как бы помогал песне вырваться ввысь, разлететься далеко по округе.

Пели вдохновенно. Я стоял рядом с разинутым ртом, слушал и смотрел, слушал и смотрел. Какими они были красивыми, поющие мужчины! Загорелые, возбужденные, радующиеся жизни, с песней выплескивающие в мир все то, чем были душевно богаты.

...На дворе вечерело. Прохлада пришла на смену летней жаре. Пелось охотно. Кто-то солировал, его поддерживал один или оба товарища, и вот уже три голоса, как три птицы, отправляются в полет, играют, обгоняют друг друга, но до той незримой черты, которая не портит общего лада песни, а, наоборот, его создает. Когда один голос вырвался вперед, другие и рады, они притихают, становятся глуше, как бы желая подчеркнуть голос товарища, а затем по единой душевной команде влетают в общую прядь и свои голоса. И понеслась песня, полетела быстрокрылой птицей в густом вечернем сумраке.

Гоголь, несомненно, свою птицу-тройку писал под впечатлением только-только прослушанной песни. Уверен в этом. В музыке слога, в песенности ритма, в звучности слов ощущается это.

Мне запомнилось, что песня иногда уродливо коверкала выражение лиц. Было забавно видеть эти гримасы, открытые широко рты, закинутые далеко назад головы. Потом уже понял, что я присутствовал при рождении песни. А ведь все рождается в муках — и человек, и песня, и красота!

До сих пор ощущаю сладость в сердце от того вечернего пения отца. С того давнего времени мне не довелось больше видеть отца в таком счастливом экстазе. Война, болезнь, смерть матери, одинокая старость — все это не красит никого и, конечно, мужчин.

Я не раз еще слышал, как пел отец. Но это уже было не во всю грудь, не так щедро. Он уже чаще подстраивался под чей-то напев, извлекал откуда-то из-под сердца иногда тончайшую серебристую нить когда-то бесподобного перелива, а потом пере-

ходил на пенie даже не вполголоса, а в треть, а то и в четверть его.

Теперь понимаю, почему в юности, зачитываясь тургеневскими «Певцами», чуть не плакал. Так мне было это близко, словно сам когда-то присутствовал при подобном состязании. И вот поди же — действительно жизнь одарила меня и такой радостью, как незабвенное пенie отца!

Нынче, пожалуй, редко где встретишься с таким пением. Телевизор, водка, да мало ли еще каких преград подспудно встают на пути народной песни. Нет, не в хоре, не в клубе, не с эстрады. А вот так, чтобы стали на крылечке и запели. Для себя, для вечернего воздуха, для звезд, для одиноко стоявшего и заслушавшегося пацана...

Как это печально, что мы не поем так, как пели отцы.

КУБИНСКИЕ ЗАКАТЫ

Когда-то, давным-давно, я привез летней порой в Днепропетровск своего дедушку и вместе с ним зашел в один из городских парков. Все цвело, благоухало под щедрым солнцем. Не избалованный жизнью, редко отлучавшийся далеко от крестьянского поля, он смотрел-смотрел вокруг, удивлялся, а затем, сидя в тени на скамеечке, заметил: «Вот такой он, очевидно, и есть, тот рай!»

На Кубе еще проще поверить любой сказке. Мы с женой двадцать дней провели на этой благодатной земле. Небо, как море, вокруг снова море — невиданных цветов! А особенно нас потрясли кубинские закаты... В курортном местечке Варадеро мы каждый вечер торопились застать этот неповторимый миг, когда солнце прощается с землей. Сидели на берегу моря и молча наблюдали за этим в общем-то грустным событием — закатом солнца.

Действительно, еще один день пролетел, еще один круговорот совершило солнце из тех среднестатистических 25550 круговоротов, которые отведены человеку на его короткое путешествие по земле. Но так уж создано человеческое существо, что не о грустном его помысли, а о красоте, радости жизни. Способность постигать величественность виденного, стремление глубже познать окружающий мир... Человек счастлив этим!

Глядя по вечерам на закаты, стремясь уловить неповторимые оттенки их цветовой гаммы в эти минуты, гаммы, которые так отличаются от того, что видел раньше, ловишь себя на мысли: как ничтожно беден твой словарно-образный язык, трафаретны сравнения, приходящие на память, когда хочешь описать, увезти с собой в холодную московскую осень это половецье оранжево-красных тонов, обрамляющих уходящее за море и горы дневное светило.

Замечаем: заход солнца здесь по-тропически коварен. Еще высоко оно в небе, еще ласкает своим теплом, а глядь — огненный шар уже сидит на вершине гор, которые еле-еле различимы за окрашенным в желтизну безбрежным морем. Проходит всего несколько минут, и обезлученный краснеющий круг норовит спрятаться за хребтом. Иногда на помощь солнцу в этот миг спешит небольшое облачко. Кажется, чистойшей небосвод, а оно вдруг объявилось: перережет алый диск, спрячет от людского взора добрую его половину. Но ненадолго. Вниз ведь все падает быстро, и заходящее солнце не исключение. Время в этот час считается мгновениями. Мгновение — и шар уже вновь на свободе! Прощальной золотой дорожкой отражается на морских волнах.

А одним вечером мы наблюдали два солнца: одно уютно устроилось на гребне гор, а другое, такое же пылающее, каталось на волнах в ста шагах от нас. Будто дразнило — догони-догони уходящий навсегда твой день!

Поразительно торопливы мгновения... Выше гор осталась только золотая линеечка... золотая нить... И с грустью шепчешь: все! Было! И нет...

Но солнце еще долго будет напоминать о себе, разукрасив в багрянец лениво зависшие над морем тучки. Сколько величия в этой бескрайней оранжево-пурпурной панораме, оттененной сразу помрачневшим стальным морским простором! Нет уже с нами солнца, но всем естеством своим ощущаешь: оно живо, оно не исчезло, а лишь на время скрылось за горизонтом! Так точно, расставаясь с родными своими, хороня их, мы всегда чувствуем их незримое присутствие в нашей жизни... Любовь, как и солнце, вечна, она питает каждого из нас надеждой и верой.

ТЕМНЕЕТ СОСНОВЫЙ ЛЕС ЗА БОЛОТОМ

Лежу на скамейке, греюсь на солнышке, радуюсь весеннему зеленому цвету.

Весна на Украину пришла с большим опоздани-

ем. Еще только-только пробивается травка, да появились на веточках груши бледно-зеленые, с коричневой крапичкой наконечники. Сирень тоже выпустила всего по шесть-семь маленьких листиков, они выглядят раскрывающимся бутончиком. Только ивы торопятся явить миру свою красоту на пока еще темно-сером фоне других деревьев. Да и то их платье как бы соткано из паутинок — приятной зеленой своей оно не закрывает перспективы. Смотришь, любуешься нарядом ивы, а видишь: далеко у горизонта чернеет сосновый лес.

Я не оговорился: именно чернеет. Кажется, будто лучи солнца все зеленое в своем радужном спектре отдали полю, что протянулось вдоль всего леса — озимые хлеба на нем буквально полыхают зеленым пламенем. Чистым, свежим, сочным! Словно магнит, поле притягивает к себе глаза, не хочется отводить их в сторону: так бы прикипел к этой зеленой полосе и шил бы из нее зеленоватую свежесть весеннего пробуждения!

Но мне хочется рассказать о лесе. О основном лесе, что стал уже достопримечательностью нашей деревни Рудька, где прошло мое детство. Рассказывают, что первую застройку города Алма-Аты начал один из русских офицеров. Он выстроил в шеренги вверенные ему воинские подразделения и велел рыть арыки. И вдоль текущей по арыкам воды начали появляться дома. Оттого и поныне в Алма-Ате такие прямые улицы и проспекты... Нашу же Рудьку, скорее всего, спланировало болото. По преданию старожилы, болото это в минувшие времена было одним из русел, по которым маленькая речушка Орель впадала в Днепр...

Из каких-то источников — устных или письменных, сейчас уже и не помню — я в студенческие годы выяснил, что название «Рудька» наше село получило от фамилии одного из казацких атаманов, которому Запорожская сечь поручала в этих краях отбивать у турок пленных и добычу, награбленную чуть ли не в Курской и Орловской губерниях. Иван Рудь был смелым вожаком отряда, бесстрашным и умелым воином. Многим нашим соотечественникам он возвратил свободу, не дал погибнуть в турецком плену. И тогда Запорожская сечь пожаловала его этими землями у болота: землями родючими, покрытыми садами. И, вероятно, болото стало той естественной линией, вокруг которой росли дома первых заселенцев края этого. А село Рудька со временем вытянулось на целых пять километров рядом с болотом.

Так вот о лесе. За болотом он раскинулся почти на семьдесят гектаров. Если дотошный историк стал бы выяснять возраст леса, спилил бы одну из сосен и стал считать кольца, то колец было бы, я твердо знаю, ровно тридцать. Где-то в пятидесятых годах, я помню, вся деревня сажала этот лес на заброшенной песчаной пустоши.

Время было голодное, послевоенное, а вот нашелся в селе настоящий хозяин земли родной. Вышло сажать лес — я цепко схватил это детской памятью — все село — и взрослые и малыши. Не знаю, откуда взяла столько саженцев. Помню, что к этому делу был причастен колхоз, ибо варили в больших котлах «кандер», и все мы радовались этим светлым дням. Работа шла весело, неутомительно. Детали не запомнились, осталось лишь цельное впечатление от картины общего радостного труда.

Теперь, когда перечитываю ленинские заветы молодым о необходимости утверждать общий труд на нашей социалистической земле, мне каждый раз вспоминается сосновый лес за болотом.

Прошли-пролетели годы. Многие из тех, кто сажал лес, нет уже в живых. И он по праву воспринимается сейчас добрым памятником моим односельчанам. Лес разросся, год от года становясь все гуще и непроходимее. В его чаще бродят стада диких кабанов, можно встретить лисиц, косуль. Это в наших-то степных краях!

Так вот: лес этот сегодня кажется темным. А ведь зимой, когда все в округе в белом снежном покрове, он радуется своей зелени — цветом жизни, — как бы напоминая всем-всем: не сомневайтесь, весна обязательно придет на смену зиме. И вот пришла весна, а зелень зимнего соснового бора сникла перед буйством только нарождающегося разнотравья!

Всматриваюсь в темнеющую лесную громаду, и горькое чувство готово прорваться наружу. Не от пепла ли почернел сосновый бор!

Как только приехал я в родные места, сразу узнал об этой горькой истории. В минувшем году лето было жарким. И однажды лес запылал. Что случилось, так до сих пор и не ясно... Люди в разговорах упоминают о тех варварах, которые, не посадив за свою жизнь ни деревца, потянулись нынче отдыхать под сенью дубрав и посадок. «Пьяные вредители всего живого они, а не туристы», — заметил один мой собеседник на плотине у болота. Кто-то, видимо, оставил костер... и сгорело почти двадцать гектаров леса, который посадила вся наша деревня в голодные годы, сразу после испепеляющей войны с фашистами.

...И лес потемнел.

Но он по-прежнему велик и растет, набирается сил и мощи.

КОЛОДЦЫ КУЗНЕЦА

В моей деревне сохранился один обычай, трогательный своим радушием и патриархальной величианостью.

Когда в полуденную жару вам становится совсем невмоготу и начинает одолевать нестерпимая жажда, подходите к первому же двору, где рядом с калиткой стоит колодец. Чем бы ни была озабочена в тот час хозяйка, она бросит свое дело, быстро вымоет руки, почти бегом отправится в дом, возвратится оттуда с чистой кружкой и пригласит вас к колодцу. Вы в это время уже поставили на сруб ведро воды. Берете кружку, пьете, наслаждаясь каждым глотком, а хозяйка стоит рядом и сердечно желает вам доброго здоровья.

Колодцы, колодцы деревенские! Сколько же людей напоили вы!

Близкий мне человек кузнец Алексей Терентьевич за свою недолгую жизнь выкопал в нашем степном краю около двухсот колодцев. Незадолго до его кончины мы сидели с ним под старой грушей, и я расспрашивал об этих колодцах. Он рассказывал, как их копают. Сковавший ограниченным пространством, ты должен орудовать лопатой до тех пор, пока почти на двадцатиметровой глубине не откроется холодная родниковая вода! Но это не все! Распрями спину, подними вверх голову, погляди на маленький кусочек голубого неба, а потом снова — слей за слоем, все глубже и глубже врываешься в землю.

Деревенский кузнец вырыл двести колодцев. Двести за свою жизнь!

Я представил узкий тоннель длиной в четыре километра, который прорубил своими руками этот коренастый человек, и, пораженный, взглянул на него.

Старый кузнец открылся как-то по-новому. Помнил я его с детства крепким, веселым. Теперь он словно бы приугас, здоровье покидало его. И хотя ясно было, что это время хозяйствует, а колодцы тут ни при чем, подумалось неожиданно: может, цена сотням колодцев эта.

Кузнец улыбался устало и просветленно из-под выгоревших бровей, и было ясно: о цене он не думает, ни о чем не жалеет — ведь воду из колодцев пьют люди. И малое дитя, и старик, и усталый путник, и женщина. Та самая, что спешит всем навстречу с кружкой прозрачной прохлады.

ИСПОЛИНЫ И ПЛАЧУЩАЯ ИВА

Деревья, эти постоянные спутники человека, живут, как и человек, страдая, радуясь, борясь, негодуя. Недаром в народных песнях, сказках, преданиях деревья издавна одушевлены, они говорят между собой, осознанно противостоят злой силе, укрывают добрых людей от всякой наглости.

Жаль, что в жизни нередко забывают об этом. Медленно подрастает, набирается сил маленькое деревце. Вступает в пору зрелости, и время как бы застывает. Человек рождается, живет и умирает, и ему кажется, что дерево, к которому привык его глаз, вовсе и не меняется. А все потому, что деревья в самом деле «братья наши старшие», долгожители на земле.

Вспомнилась встреча с дубом-современником А. С. Пушкина в Тригорском. Широко раскинул он свои молодые ветви, листва его, сочная и густая, шумит в вышине. Потрогаешь ствол, и словно прикоснешься к самой истории. Возможно, под гомон листьев именно этого дерева рождались вдохновенные строки поэта: «У лукоморья дуб зеленый...» Какая же вечно молодая сила заключена в корневище его, если пронесутся столетия, а по весне в зеленом убранстве предстают взору причудливо переплетенные ветви-стволы и маленькие веточки! У таких деревьев своя история, порой полная драматизма и горечи. Во время войны гитлеровцы, хозяйничая на псковской земле, устроили под вековым дубом блиндаж, повредили его корни. Пришла первая весна после освобождения, а дуб стоял безжизненным, не пробуждался после зимнего сна. Не вынесло старое дерево зверств фашистских извергов и умирало. Но собрались возле дуба люди, потомки тех, с кем встречался в этих деревнях поэт, осмотрели его рань, постояли, покурили и принялись за работу. Стали врачевать дерево, удалили из-под его корней бревно, удобрили землю навозом. И дуб вновь вернулся к жизни.

А вот еще две истории — и тоже драматические. Безжалостная череда лет превращает в песок даже, казалось бы, вечный гранит и мрамор. Только

благодарная память потомков в состоянии соперничать с неумолимым потоком Леты.

Мы зашли на кладбище восемнадцатого века в Александрово-Невской лавре в Ленинграде, отыскали могилу Михаила Ломоносова. Постояли возле нее, а затем еще несколько часов молча бродили среди потемневших надгробий. И встретилось нам такое...

Дожди и ветер сделали свое. Памятник этот теперь безмянный. А можно представить, как родные, друзья умершего, стремясь увековечить его память, воздвигали это тяжелейшее сооружение из трех мраморных частей. В основание положили толстую плиту из черного мрамора, на нее установили чуть ли не метровую глыбу из белого мрамора, а ее увенчали еще одной плитой из черного мрамора. Нелегкий груз! Рядом посадили тоненький прутик: пусть растет!

Пронеслись-пролетели два столетия. Прутик превратился в настоящего исполина. Не по душе пришлась ему мертвая каменная масса, гнетом своим подавившая человеческую память. И вступило дерево в единоборство с нею. Стволом своим сдвинуло вправо верхнюю плиту, затем — среднюю многотонную громадину и... принялось за нижнюю плиту. Не шибко податлив камень. Больно врезался он в живую ткань ствола, но все же с каждым годом вынужден уступать в этой битве!..

Неправдоподобно толстоствольную иву увидел я на берегу одной реки возле небольшой пристани. Как и полагается плакучей иве, ветви ее купались в воде, серебрились на солнце. Три человека, взявшись за руки, с трудом обхватили бы ее. Но почему это не только ветви, а и часть ствола ивы погрузилась в воду среди белых и желтых лилий? Очевидно, ветром оторвало одну из веток. Падая, она отколола от ствола полосу в метр шириной. И обнажилась грудная клетка стареющей ивы. Что произошло дальше? Кто-то поджег иву изнутри. В образовавшейся трещине развели костер, и зияет теперь в стволе дерева-великана обуглившаяся полость.

Да, деревья иногда летят подобным образом. Но... К сожалению, зрелище, которое стоит у меня перед глазами, так мало походит на это. Тогда что же здесь происходило: необузданная игра диких страстей, блажь? И неужели кому-либо может доставлять наслаждение созерцание того, как удушливо страдает живое существо, бессильное перед таким варварским надругательством.

...Пышная зелень ивы растет, шелестит на ветру, спадающие ручейком к воде ветви ее плачут, как и прежде. Хотя нет! Мне показалось: сегодня опечалены они не раной-болью, гнетущим чувством обиды: почему среди тысяч встречавших ее людей попался человек, ничего человеческого в душе своей не носящий?..

Я поделился мыслями, навеянными раненой ивой, со своим другом, талантливым рижским инженером. Через день он принес мне вырезку из республиканской газеты. Там говорилось о том, что с 1977 года в Латвии взято под охрану 817 вековых деревьев. В одном из районов республики растет дуб Сенчу (Предков), периметр ствола его на уровне груди — 9,6 метра. А сорок два дуба, растущих сейчас в Латвии, достигают семи метров в обхвате.

Вот если бы, подумал я, всюду молодые с таким же благоговением и настойчивостью стали сберегать живых свидетелей нашей многовековой истории, можно было бы верить: нигде на нашей родной земле не пришлось бы больше встречать плачущих ив!

Плачущая ива-долгожительница, как добрая фея, воскрешала в душе память о новых и новых встречах. Солнечным майским днем приехали в станицу Вешенскую писатели на юбилей дорогого Михаила Александровича Шолохова. Его гостеприимные земляки в жесткий регламент программы включили поездку к дубу-гиганту.

«Посмотрите, какой он молодец!» — воскликнул кто-то, когда дружно мы приближались к дубу, уже привыкшему к роли знаменитости. Как и подобает его положению, с величавым спокойствием взирало дерево на все, что происходило за много верст вокруг. Радовалось людям, трудом своим преобразующим землю в цветущие сады и щедрые житницы, благодарно приветствовало их, с почтением относящихся к его седой древности.

Чтобы туристы и прохожие зря не тревожили корни дуба, его обнесли простым ограждением. Рядом поставили визитную карточку великана, из которой явствовало, что дубу 380 лет, что окружность ствола его достигает шести с половиной метров, что высота его — двадцать три метра, а крона составляет... пятьсот квадратных метров. И подумалось тогда: еще не одно столетие будет радовать людей выросший на берегу Тихого Дона дуб-исполин, если вокруг него с таким добрым, сердечным порывом живут и трудятся добрые люди.

Натан ЗЛОТНИКОВ

Тропа, спускающаяся с гор

То слышится гулкий удар топора,
То снова становится тихо.
Внизу, где снижается к морю гора,
Не прячься, растет ежевика.

И черную ягоду с ветки сорву,
Минуя приморский поселок,—
Как будто вина пригубил наяву,
Так вкус ее сладок и долго.

А к руслам подсохших по-летнему рек
Все ветви склоняются с грустью,
И скрытно вода, как в лесу дровосек,
Идет к недалекому устью.

Я раньше на берег ступлю, чем пора
Предзимних холодных потемок,
Прибоя удар, как удар топора,—
И гулок, и резок, и громок.

Вослед ей пойдю, чтоб не быть одному,
Миную заброшенный дворик,
Зеленую ягоду с ветки сниму,
И вкус ее краток и горек.

Запомню тропу эту всю наизусть—
И радость подъема на пики,
И трудного спуска цемью грусть,
И холод плодов ежевики.

Сон о юности

Трое суток я спал непробудно,
Глубоко накренившись во сне,
Словно ко дну пошедшее судно
Залегло на большой глубине.
Барабаны гудели и горны,
Били склянки, кричал телефон.
И, как прежде, житейские волны
С четырех набегали сторон.
Но и самая малая малость
Звуков не задевала тот пласт,
Где тяжелою силой усталость
Все держала, как держит балласт.
А потом только сон мне приснился,
И увидел я, как наяву,
Что я молод, что в путь я пустился
На хорошем ходу, на плаву.
И вода бьет по сердцу живая.
Юность верит ему — не уму,
Чтоб, от всех берегов отплывая,
Возвратиться лишь к одному.

Юноша на водных лыжах
Катер держит на ремне,
Клонится все ниже, ниже
К вставшей на ребро волне.

Он летит по полукругу
В белой пене, как в снегу,
Видит верную подругу
На пологом берегу.

На волну эту похоже
Изогнулся гребень гор.
Может быть, над ними тоже
Кто-то мчит во весь опор?

Но какой далекий берег
Видится ему с высот?
Чья душа ему там верит?
Чья душа там нежно ждет?

Песочные часы

Я жил на берегу Пицунды
Бездумно, медленно, пока
Текли беспешные секунды
Сухого серого песка.

Он двигался почти незримо,
Но все скорее с каждым днем
На смерч похожей стружкой дыма,
Сухим посверкивал огнем.

И было мне, точно ребенку
Близ вечных вод и вечных роц,
Не жалко, что через воронку
Струится жизни быстрый дождь.

Осталось сколько — много ль, мало
За той песчинкой и за той?..
Жаль, что душа не понимала,
Что блеск в песчинках — золотой.

Туман

Набегает туман по утрам,
Затопляет и море и горы.
Ни автобусам, ни катерам
Завести невозможно моторы.

Капли влаги горят на весу,
Свет, процеженный влагой, обманчив.
Словно кто-то в четвертом часу
Дунул в очень большой одуванчик.

Но видны и сады и дома,
Скотный двор и крутая дорога,
Словно жизнь себя видит сама,
Да и я себя вижу далеко.

Все, что времени влагу берет,
Все, что кружит в труде непрестанном,—
Вижу — все, что живет и умрет.
Только вечное скрыто туманом.

Припай

Вяжет мелкую воду припай,
Чуть похрустывает ледок,
Ударяет плащом о сарай
Паровозный забытый гудок.

За игрушечной детской пургой,
Что не так уж пьяна, как шумна,
Вижу, вижу лицо дорогое
И далекие времена.

Ты мне долгое пишешь письмо
И роняешь его невзначай.
Все по свету слова разнесло —
Но одно приморозил припай.

Вот ищу я его и ревную,
Как в далекие времена,
И зову к себе душу родную,
Что сильней, чем забвенья, верна.

Тяжелый дождь

Когда накопится над лесом
Всей ночи мощь,
По крыше гроыхнет железом
Тяжелый дождь.

Дурной ударит в стены ветер,
Взрывает впотымах
И двери пощипывает с петель
Во всех домах.

Двух молний резких два испуга
Пройдут, дрожа,
Как будто бы нашли друг друга
С душой душа.

И тотчас темень грянет всюду
На много лет,
И я уже себя забуду,
Тебя же — нет.

Осенний клад

Во тьме ночной над чернотой залива
Протянется прожектора игла.
Волна в огне вдруг изогнется криво,
Как лист пожухлый, и сгорит дотла.

Осенний ветер все другие листья
Начнет к огню грести и гнать подряд.
Но, вспыхнув, луч погас, как дальний выстрел,
Свет в море погрузился, словно клад.

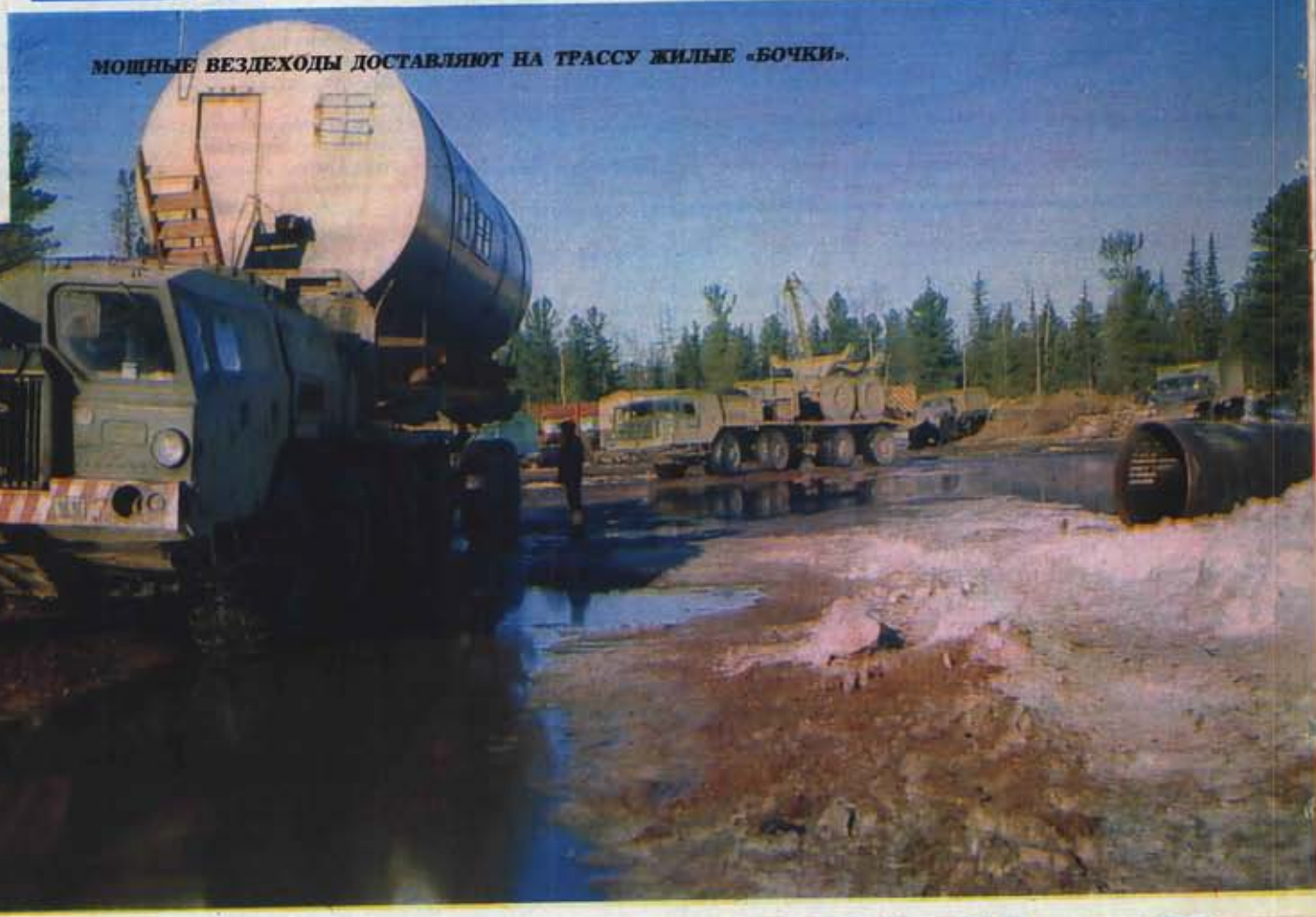
Он в море канул. А прибоя пена —
Примета лишь, что близко клад зарыт,
Что свет не переносит долго плана
И хмурых волн вершины серебрят.

В глубинах скрыта огненная мета.
Давным-давно уснул прожекторист.
Но море полыхает до рассвета,
Как в темной роце полыхает лист.

Валерий ВВСЕЕВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

ДВА УРЕНГОЯ

МОЩНЫЕ ВЕЗДЕХОДЫ ДОСТАВЛЯЮТ НА ТРАССУ ЖИЛЫЕ «БОЧКИ».

В проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» подчеркивается необходимость «последовательно проводить линию на ограничение роста крупных городов, развивать малые и средние города, размещая в них специализированные, высокопроизводительные производства, филиалы предприятий, объединений».

Новый Уренгой, получивший статус города в минувшем году, еще не успевший прописаться на картах, один из самых молодых населенных пунктов страны, живет бурной жизнью. Среди его постоянных жителей — бойцы двух Всесоюзных ударных комсомольских отрядов: имени XVIII съезда ВЛКСМ и «Молодогвардеец». Идя навстречу партийному форуму, бригада каменщиков из КМСУ-53, возглавляемая бойцом отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ Вячеславом Вахрушевым, выступила с инициативой работать под девизом «XXVI съезду КПСС — 26 недель ударного труда». Инициативу бригады поддержали все комсомольско-молодежные коллективы города.

Немало славных дел на счету уренгойцев. Но немало у них и трудностей и проблем — первопроходцами быть нелегко. И тем не менее, как показывает опыт освоения новых мест, опыт строительства новых городов, многие проблемы Нового Уренгоя отнюдь не неизбежны. Об этом рассказывает фотоочерк специальных корреспондентов «Смены».

Ах, как мне хочется побыть в этом городе! Пожалуй, не меньше, чем моему собеседнику, темпераментному южанину, с которым мы вот уже который час ведем разговор о севере.

Конечно, север — понятие относительное, были времена, когда и город, называемый сейчас северной Пальмирой, объявляли нереальным, считая, что жить на месте нынешнего Ленинграда по климатическим условиям невозможно. Тевьян напомнил мне об этом сразу, как бы призывая и историю себе в союзники. А союзники ему нужны очень. Потому что дело, которое начинает сейчас Тевьян, необычно. И главная его задача, его цель — чтобы таким необычным оно и осталось, чтобы остро-

та дискуссий и ватная мягкость текучки не обломали, не стерли тех, еще не ограниченных, еще видимых только ему и его единомышленникам контуров города-лебедя.

Ему очень нужны союзники. Но и стремясь их приобрести, он не спешит рекламировать свои идеи, доверить их каждому — а вдруг тот окажется скептиком, вдруг не поверит в словесный портрет того, что пока не подтверждено расчетами и чертежами, вдруг надсмется над самим замыслом, посчитав его маниловщиной... Потому так скуп на подробности в своем рассказе Тевьян.

Мне очень хочется быть в числе его союзников. И я старательно отвожу взгляд от угла заваленной рулонами ватмана и кипами бумага комматюшки, в которой мы сидим. А в углу, у самой

двери, на планшете приколоты часть чертежа. Две первые буквы надписи «генеральный план», видимо, остались на другом листе, а на этом какой-то институтский остряк вставил от руки сверху букву «е», так что получилось — «нереальный план».

Хозяин же кабинета обращает мое внимание на другую стену, где висит схема-структура взаимоотношений проектной мастерской с подрядчиками и партнерами по работе. Два с лишним десятка прямоугольников-организаций на этой схеме, и все они соединены

хитрыми линиями с кружком-мастерской. И без комментариев ясно, что отнюдь не просто эти связи с многочисленными гидрокоммун- и мясомолстровами... Много различных ниточек нужно связать в один узелок, чтобы получился город. Даже еще не город, а только его проект. А от проекта до реальности — целая вечность, каждый текущий квартал которой способен довести до отчаяния и вылиться в грустную шутку с надписанной буквой «е», означающей конец мечте о городе-лебедь.

ками инструкций и распоряжений, рос быстрее. Немало упреков в оторванности от жизни, в задержке технической документации и прочих проявлениях нерасторности услышал я в тот год в адрес тогда еще абстрактного для меня ЛенЗНИИЭПа — Ленинградского зонального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий.

К сожалению, упреки в адрес этого института, проектировавшего Надым, не стали принадлежностью давно минув-

Нет, Аркадий Шазнович Тевьян не наивный романтик, рассчитывающий на чудо на упавшие с неба идеальные условия для творчества. Архитектор с немалым стажем, он понимает, что людям его профессии не скоро еще удастся творить в белом фраке, что придется прикинуть на себя и гиджак снабженца, и спецовку строителя, и костюм дипломата... Новый Уренгой, к проектированию которого приступила 6-я мастерская, — город непростой судьбы, многие проблемы которого родились гораздо раньше его самого.

Молодые города

НОВЫЙ УРЕНГОЙ СОВСЕМ НЕДАВНО ПОЛУЧИЛ СТАТУТ ГОРОДА.

БОЛЬШИНСТВО ПРИЕХАВШИХ СЮДА ВСЕЙ ДУШОЙ ПОЛЮБИЛО ЭТОТ СУРОВЫЙ КРАЙ.

...Девять лет назад я оказался в тех же местах, о которых мы говорим сегодня в старом ленинградском доме на набережной. О них и тогда говорили здесь, и, наверное, с не меньшей верой в то, что рожденный на берегу Мойки макет красавца города станет явью на берегу полярного Надыма. Расположение каждого здания на этом макете было тщательно продумано, и макет был не раз испытан в аэродинамической трубе, имитирующей суровое дыхание севера. И все, казалось, было учтено, даже окраска домов выдержана в определенной гамме.

Но жизнь обогнала, а обогнав, во многом разрушила замыслы проектировщиков. График роста населения будущего города был похож на столб дыма, поднимающийся из трубы в морозную безветренную погоду. В крупнейший газодобывающий район, центром которого уже стал еще не построенный город, каждый день прибывали строители, геологи, газовики. И всем нужно было жилье. Тогда, в 1971 году, когда я впервые попал в Надым, он предстал мне гигантским муравейником, сложеным из самодельных домишек самых невероятных конструкций. Среди них, как Гулливер среди лилипутов, возвышался первый пятиэтажный дом, работы на котором велись, кажется, днем и ночью. И все равно «самострой», незапланированный, не «продутый» в аэродинамической трубе и запрещенный десят-

ком дней. Хотя город как таковой сегодня уже состоялся, но до сравнения с собственным макетом и сегодня Надыму еще далеко. Обеспокоенный продолжающимся наступлением времянки, невозможно начать сооружение ряда важных объектов соцкультбыта (до сих пор из-за нехватки технической документации) председатель Надымского горисполкома В. Филатов писал в минувшем году в «Известиях»: «Нам кажется, ЛенЗНИИЭП, занимающий пока позицию стороннего наблюдателя, должен учесть настоячивые требования жизни». Так что, может быть, это не институтский остряк, а кто-нибудь из рассерженных северян, приехав в ЛенЗНИИЭП, переделал название плана из генерального в нереальный?

...Все это я должен был бы напомнить своему собеседнику, чтобы разговор о будущем городе получился честным и объективным. Но сделать этого мне не пришлось. Тевьян сам заговорил о «надымских уроках», которые он, заместитель главного архитектора ЛенЗНИИЭПа, руководитель комплексной региональной мастерской № 6, разрабатывающей генплан Надыма, знает, конечно, не хуже других.

У меня нет сейчас никаких веских аргументов в пользу того, что прошлые уроки выучены институтом правильно. Никаких аргументов, кроме единственного — страстного, захватывающего и всепокоряющего желания Тевьяна построить новый город по-новому, воплотить в жизнь мечту о северном красавце. Но эта мечта, пронесенная сквозь годы, через ошибки и неудачи, просчеты и поражения, через продолжающийся поиск, такая мечта кажется мне дорогостоящей.

Знаете, что больше всего поражает в Уренгое? Даже не темпы, сами по себе невиданные, и не размах, поистине гигантский, ведущихся здесь работ — к этому мы уже привыкли. Меня больше потрясло привычное понимание того, что все, буквально все, на что ни бросишь взгляд — буровая установка и трактор, пельменица и скоросшиватель для бумаг, чайная чашка и крючок для одежды — все привезено сюда. Наземными, воздушными, водными — разными, но одинаково пока трудными путями.

На севере любят рассказывать байку про бога, который, «распределяя» земные богатства, пролетал над здешними местами и так заморозил руки, что выронил самые дорогие сокровища... Что ж, остается только досадовать, что не было у всевышнего меховых рукавиц или какой иной спецодежды, дабы донес он свои богатства до мест более удобных и приятных грядущим добытчикам. Но, как говорится, дело сделано.

Конечно, Уренгой — это не Сочи. С ненецкого его имя переводят как «гнилое, гиблое место». (Не вспоминается ли проведенная Тевьяном параллель со строительством Петербурга?) Говорят, даже олени сюда не заходили (сейчас то их действительно здесь не встретишь — строительный бум и птицу-то отпугнул на многие километры, но об этом надо вести отдельный разговор). Но именно здесь, а не в Сочи открыто крупнейшее газоконденсатное месторождение. И именно сюда надо завозить и буровую установку и чайную чашку. Но вопрос вопросов — как завозить?

За последнее время многое изменилось на Тюменском Севере. «То, что

К ЧИТАТЕЛЯМ И ДРУЗЬЯМ «СМЕНИ» ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

было сделано, то, что делается в этом суровом крае,—это настоящий подвиг»,—сказал на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Западная Сибирь давно уже из «кладовой нефти и газа» превратилась в крупнейший нефтегазодобывающий район страны. Со всех концов нашей Родины едут люди осваивать подземную северную целину. За последние десять лет население только Надымского района, на территории которого находится Новый Уренгой, увеличилось почти в одиннадцать раз. Среди непроходимых болот, в тайге и тундре, на вечной мерзлоте выросли города и поселки. Несравненно иной стала и техника, находящаяся на вооружении у северян. Большегрузные самолеты и вертолеты, мощные автомобили и вездеходы, современные морские и речные суда во многом изменили картину «транспортной изоляции» этих мест от Большой земли. И все же недаром в старину на Руси говорили: «Не лошадь везет, а дорога».

Строительство же дорог здесь еще отстает от развития этого края. Секретарь Новоуренгойского горкома партии Николай Иванович Дубина с горечью приводил мне подсчеты, показывающие, что средств, затраченных за пятилетие на авиаперевозки из Надыма в Пангоды—центр газового месторождения Медвежье, с лихвой хватило бы на строительство трех бетонных дорог. К сожалению, эти ошибки повторяются и при освоении Уренгойского месторождения. По словам директора производственного объединения «Уренгойгаздобыча» лауреата Государственной премии СССР Ивана Спиридоновича Николенко, из 45 километров дорог с твердым покрытием, необходимых сегодня газовикам, построено лишь пять километров. Отсутствие дорог—одна из главных причин отставания сооружения установок комплексной подготовки газа на месторождении.

Новый Уренгой совсем недавно официально объявлен городом. И хотя внешний вид поселка пока не соответствует нашему привычному пониманию города, решение это отнюдь не преждевременное. Вспомним хотя бы пример Комсомольска-на-Амуре, строители которого через два месяца после высадки в селе Пермское первого десанта обратились к правительству с просьбой переименовать это село в город со ставшим сейчас легендарным именем. Президиум ВЦИК удовлетворил просьбу комсомольцев, потому что с самого первого дня, с первых саманных барачных строили они большой город.

Уренгой тоже родился городом. Правда, в отличие от Комсомольска, еще

точно не зная... где ему предстоит расти. Уже были подготовлены рабочие чертежи первой очереди города, а районный архитектор в местной печати делился сомнениями: «Существуют два варианта привязки города: на станции Тихая, которая появится на берегу Пура, и второй—рядом с нынешним поселком. Какому отдать предпочтение? Скоро сделаем выбор». И было это меньше двух лет назад.

Причины сомнений все в том же «дорожном вопросе», которому мы не случайно уделили столько внимания.

Сложная транспортная схема. Без этих слов не обойдется ни один сегодняшний рассказ о жизни Нового Уренгоя. Нет надежных автомобильных дорог, нет железнодорожной магистрали. Восстановленный от Надыма до Уренгоя участок некогда «мертвой» железной дороги не спасает положения, хотя по нему и перевозят сотни тысяч тонн грузов. Однако, находясь в ведомстве Миннефтегазостроя, эта дорога, по сути, остается полукустарной и не обеспечивает эксплуатационной надежности. К тому же поселок удален от природной транспортной артерии—судоходной реки Пур на 92 километра. Так что многие доставленные во время летней навигации через Обскую и Тазовскую губу грузы попадают в Уренгой лишь с наступлением морозов—по зимнику.

Так, действительно не правильнее ли было бы начинать строительство нового города на берегу судоходного Пура? Ответ на этот вопрос имеет свою предысторию.

Начинающийся Уренгой—второй из городов тюменского приполярья, появление на свет которых вызвано разработкой крупнейших газовых месторождений. Первым был Надым. Располо-

...И снова в нашей редакции началась «уренгойская страда». Слова, как и незабываемые для нас летние, осенние и зимние месяцы позапрошлого года, начались организационные хлопоты: звонки, письма, телеграммы в города, где строители-энтузиасты, друзья «Смены» делают здания библиотеки, где изготавливают стеллажи и картотеку. Идут в редакцию письма от читателей, а посылки и бандероли с книгами они, как мы и условились, отправляют прямо в Уренгой, в уже построенную взрослую библиотеку имени журнала «Смена». Из Уренгоя нам сообщили, что для детской библиотеки читатели прислали первую тысячу книг. Приходят и приносят свои книги с дарственными надписями писатели.

«Золотой фонд» детской библиотеки пополнился за последние дни книгами, которые подарили Агния Барто, Виктор Бороздин, Владимир Губарев, Юрий Грибов, Юрий Гаешко, Алим Кешоков, Мария Киселева, Алексей Кошратьев, Юрий Коваль, Наталия Лойко, Анна Масс, Софья Могилевская (она передала еще и книги своего покойного мужа Николая Луккина), Маргарита Максимова, Гусейн Наджафов, Надежда Надеждина, Людмила Обу-

хова, Михаил Озеров, Всеволод Привальский, Ирина Стрелкова, Яков Свет, Ирина Токмакова, Наталья Сап. Свои рисунки подарил художник Лев Токмаков. Передавал свои книги для детской библиотеки, Мария Павловна Прилежаева сказала:

— Большое дело совершает журнал «Смена» — журнал по-настоящему молодежный, боевой, острый.

Создание библиотеки в далеком приполярном городе силами журналистов, писателей и читателей—дело, на мой взгляд, фантастическое. Могу ли кто-нибудь представить что-либо подобное лет пятьдесят назад? Я счастлива, что журнал предложил мне свое участие в этом благородном деле. К сожалению, возраст не позволяет мне поехать в Уренгой, хотя мне этого очень хочется, но я дарю те свои книги, которые мне особенно дороги. Я была счастлива, когда писала их «Удивительный год», «Под северным небом» и «Жизнь Ленина» — книги о людях, преданных делу революции, убежденных коммунистах. Я надеюсь, что мои молодые друзья, прочитав о жизни В. И. Ленина и М. И. Калинина, заразятся их примером, поймут, как важно отдавать свою душу народу, быть преданным делу коммунизма.

жившийся в удобном месте, на берегу судоходной реки, он, разумеется, многое выиграл от такого расположения. Сегодня, спустя меньше десяти лет, несмотря на все издержки его строительства, Надым выглядит вполне сложившимся городским организмом. Когда возвращаешься сюда после поездки по газовым промыслам, кажется, что попал в столицу. Надым, впрочем, часто так и называют—столица газодобытчиков Тюменского Севера. Но вся беда в том, что в столицу надо возвращаться—город оказался оторванным от того, ради чего возводился, от газового месторождения Медвежье. Идея его освоения вахтовым методом по многим причинам (и не в последнюю очередь из-за нехватки жилья в самом Надыме) не состоялась—на самих газовых промыслах пришлось строить собственные поселки: летать сюда постоянно из «столицы» и далеко и дорого, а надежных автодорог, как мы уже говорили, нет. К тому же река, через которую до сих пор нет моста, разделяет Надым, несомненно, продолжая играть роль опорной базы, и промыслы дополнительным барьером.

При освоении Уренгойского месторождения ошибку Надыма учли и город решили поставить «прямо на газе», справедливо полагая, что временные транспортные трудности будут со временем преодолены, зато потом город не окажется на ошibanе от основного места работы его жителей.

Преимущество такого решения можно увидеть уже сегодня. Рядом с уренгойскими УКПГ (установками комплексной подготовки газа)—громадными, под стать иному заводу, сияющими на солнце алюминиевыми корпусами, в которых при помощи автоматики сверша-

ются сложнейшие технологические процессы, предшествующие отправке газа в магистральные трубопроводы,—рядом с этими УКПГ, первые из которых уже действуют на полную мощность, не увидишь никаких жилых построек. Все работающие здесь живут в Уренгое, затрачивая на дорогу от дома до службы не больше времени, чем рабочие заводов и фабрик в других городах.

Конечно, распутица до сих пор вносит свои поправки в привычные соотношения расстояния и времени. И тем не менее люди готовы трястись час-другой по бездорожью, чтобы провести вечер дома—кто в обжиге общезжитии, кто у семейного очага.

И вот здесь-то нащупывается еще один узелок в многочисленных спорах вокруг Уренгоя. Есть мнение, что разводить семейный очаг в этих местах вообще не стоит. Это мнение отстаивают сторонники освоения Севера экспедиционно-вахтовым методом.

Существуют организации, которые работают по такому методу, и в Уренгое. Например, Чечено-Ингушская нефтегазоразведочная экспедиция глубокого бурения. Рабочие этой экспедиции полмесяца трудятся на буровой, полмесяца отдыхают дома, в Грозном, куда их доставляют самолетом.

Я спрашивал людей, дважды в месяц совершающих перелеты на Кавказ и обратно, не отражается ли частая перемена климата на самочувствии. Жалоб не услышал—бурильщики народ в основном молодой, здоровый. Но тем не менее многие говорят: было бы здесь жилье, не стали бы туда-сюда летать.

Специалисты сейчас всесторонне изучают плюсы и минусы подобного способа организации работ. Решающее слово будет, конечно, за ними—экономиста-

БУРЫ РАЗВЕДЧИКОВ НЕДР УСТРЕМЛЕННЫ В САМУЮ СЕРДЦЕВИНУ «СЛОЕНОГО ПИРОГА» УРЕНГОЙСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ.

ВЕРТОЛЕТЫ, ИЛИ, КАК ЛАСКОВО НАЗЫВАЮТ ИХ ЗДЕСЬ, «ВЕРТУШКИ»,—ПРИВЫЧНЫЙ ТРАНСПОРТ СЕВЕРЯН.

Свои книги передала библиотеке Агния Барто. «Дорогие дети Уренгой! Вы любите стихи? С радостью посылаю их вам», — написала Агния Львовна на книге, подаренной ею ребятам.

Прекрасное письмо принесла на днях редакционная почта. Наша почтенная читательница москвичка Валентина Петровна Андреева, персональная пенсионерка союзного значения, принявшая в создании прошлой годней взрослой библиотеки самое активное участие, в этом году тоже живо откликнулась на новый почин «Смены». Она прислала в редакцию письмо, своеобразный отчет о сборе книг: «На общем собрании наш коллектив — 40 человек (Тюменский район — сел. Москальское) вынес решение одобрить ваш призыв «Книги — детям Уренгой» и пополнить библиотеку ценными книгами».

В день получения журнала собрано 30 книг, из них 14 книг приобретены по абонементам за макулатуру. Партия книг отправлена 4 ноября. Первыми откликнулись на ваш призыв Ключкова А. И., Слонова А. М., Косарева А. И., Агнешева М. А., Косыкова Г. И., Балабанова Е. А., Гунихова Т., Косарева Л. В., Львова М. К., Юшкевич Е. Ф. Желательно видеть их фамилии в ближайшем номере журнала. Сбор книг, оформление и отправка поручены мне. Работаю на всю мощь.

Свои книги я уже отправила. Две книги с автографом писательницы Г. Карпенко прошу записать на ее фамилию.

В. АНДРЕЕВА

Редакция сердечно благодарит всех, кто принимает участие в создании детской библиотеки на всеобщей ударной стройке газового месторождения.

Напоминаем адрес, куда читатели могут направить книги в бандахлах и посылках:

626718,
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛ.,
Г. НОВЫЙ УРЕНГОЙ,
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ЖУРНАЛА «СМЕНА»,
ДЕТЯМ УРЕНГОЯ.

ми, медиками, социологами. И все же хочется заметить, что, хотя авиалайнеры и покрывают тысячи километров за считанные часы, психологическое влияние такой отдаленности от дома и от семьи остается. Остается и психология «временного там и там» человека. А Северу нужны постоянные люди. Как нужны здесь свои города и поселки — промышленные и культурные центры освоения этих мест.

Конечно, Уренгой — это не Сочи. И все же большинство приехавших сюда полюбили всей душой этот суровый, но интересный край.

— Летом у нас замечательно, — рассказывает диспетчер объединения «Уренгойгаздобыча» Любовь Нутельс. — Мы с Петей, это мой муж, он электриком работает, каждый выходной на охоту ходим. Он — с ружьем, я — с корзиной. Здесь грибы — и подосиновики, и подберезовики, и маслята... А морозка, черника, брусника! Но у меня на ягоду терпения не хватает, грибы — другое дело. Их тут мешками собирать можно.

Я вспомнил этот рассказ совсем не для пропаганды Уренгой в качестве места отдыха. Больше того, вдруг загоревшись идеей провести свой отпуск в этих местах сразу скажу: не надо этого делать. Не до туристов и курортников пока Уренгой. Хотя и не удивлюсь, если через несколько лет встречу его имя в описании какого-либо туристического маршрута, и заранее уверен, что маршрут этот от недостатка популярности страдать не будет. Север способен приворожить к себе и своими белыми ночами с оранжевым апельсином солнца в полночь, и лаконичными пейзажами, где лиственницы похожи на ажур-

ные мачты ЛЭП, и звонкими реками с экзотическими названиями, и фантастической яркостью осенней тундры, и радужным гостеприимством вчерашних южан, ставших настоящими сибиряками, и грандиозными творениями их рук, дающими новую жизнь миллионлетней матушке-земле.

Уренгойское месторождение часто сравнивают со слоеным пирогом. Сравнение очень точное, позволяющее наглядно представить то, чего никогда не увидит глаз человеческий. Природа действительно не поспешила на «начинку» земных недр в междуречье Надьма и Пура, слоями, один над другим расположив здесь как бы несколько месторождений. Первый газовый горизонт — на глубине 1100—1200 метров. Ниже — запасы газового конденсата, ценнейшего сырья для нефтехимической промышленности. А еще ниже, в трех с половиной километрах от поверхности, обнаружены пласты с так называемым аномально высоким давлением. (Хотя бы в скобках, но необходимо отметить, что буры разведчиков недр устремлены еще глубже — в конце прошлого лета, сдав для испытания самую глубокую на Уренгойе скважину в 3580 метров, буровики Чечено-Ингушской экспедиции приступили к закладке сверхглубоких скважин на 5000 метров.)

Со столь уникальным месторождением еще не приходилось сталкиваться в Сибири. При его разработке уренгойцы применили целый ряд новых методов, которые обеспечили небывалый в мировой практике темп освоения подземных залежей.

За время, прошедшее с 22 апреля 1978 года, дня пуска в эксплуатацию первого газового промысла, уренгойцы дали стране около 80 миллиардов

кубометров газа. В будущем же добыча достигнет 250 миллиардов кубометров газа в год, плюс к этому Уренгой будет давать 10—15 миллионов тонн газоконденсата и нефти.

И все же, несмотря на такие внушительные перспективы, в разговоре с архитекторами и проектировщиками будущего города нет-нет и уловить некоторую неуверенность — мол, любые, самые богатые запасы рано или поздно кончатся, и уйдут тогда добытчики дальше, а город останется заброшенным, «безработным». Как же в таком случае его строить — на века или на десятилетия, с расчетом на потребности лишь нынешнего поколения или же предугадывая запросы будущих веков?

Вот почему Тевьян с особой заинтересованностью и надеждой акцентировал мое внимание еще на одной цифре, характеризующей «выходные данные» нынешнего Уренгойа. Впрочем, эту цифру я уже знал, ее и невозможно было не узнать, побывав хоть раз в Уренгойе. Ее называют с гордостью, хотя никакого астрономического величия в ней нет.

Десятки тонн дизельного топлива и бензина начала выдавать ежесуточно экспериментальная установка, вырощая рядом с УКПГ-1.

Сюда мы приехали вместе с директором «Уренгойгаздобычи» И. С. Никоненко.

— Эта установка, перерабатывающая природный газоконденсат, пока единственная на Севере, — сказал он. — По сути, это первый объект нефтехимической промышленности в этих местах. Сейчас мы лишь в какой-то степени удовлетворяем собственные нужды в горючем, получаемый пока бензин низкооктановый, но... — И директор рассказал о планах по увеличению ко-

личества и улучшению качества получаемой продукции.

Подобный подход к делу — первый в практике эксплуатации газовых месторождений опыт комплексного освоения ресурсов. И, может быть, станет Уренгой одним из центров нефтехимии, работающим на собственном сырье, а в дальнейшем на сырье, доставленном сюда с других месторождений этого перспективного региона?

Но давайте вернемся в сегодняшний день города, давайте пройдемся по улицам Нового Уренгойа. Что нам покажут гостеприимные хозяева?

Первые крупнопанельные пятиэтажки, новую школу на 1200 мест, спортивный комплекс с самым большим в Ямало-Ненецком автономном округе спортзалом и первым в области крытым кортом, клуб «Факел», библиотеку, строящийся общественный центр...

Да простят мне уренгойцы столь скупое описание городских достопримечательностей, но кажется мне, что покраснели бы и чернила и типографская краска, употреби я в этом месте яркие эпитеты. Потому что, как ни хороши пятиэтажные первенцы, но можно ли забыть, что чуть ли не три четверти уренгойцев живут пока в вагончиках и «бочках». И «Факел», вмещающий 200 человек, — практически единственное помещение, где и фильмы демонстрируются, и самодеятельность собирается, и концерты проводятся, и собрания, и торжественные вечера... А ведь жителей в Уренгойе уже немало! Строящийся же общественный центр, в котором должны быть кино- и танцзалы, молодежное кафе, возводится так долго, что его в пору показывать как памятник бесхозяйственности...

Жилье — проблема номер один для всех молодых городов, особенно северных. В этом смысле Новый Уренгой не исключение. В 1979 году из запланированных к сдаче новоселам 33 тысяч квадратных метров жилья была введена лишь четвертая часть. В прошлом коллективы предприятий и организаций, занятые на обустройстве Уренгойского газоконденсатного месторождения, приняли совместные социалистические обязательства, которыми, в частности, предусматривалось ввести в эксплуатацию не менее 110 тысяч квадратных метров жилья. Когда этот номер журнала подписывался в печать, итоговых данных еще не было, но не было и оснований для мажорного тона.

В планах будущего города, разумеет-

ВСТУПИЛА В СТРОЙ НОВАЯ ШКОЛА НА 1200 МЕСТ.

В ОПЕРАЦИОННОЙ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ.

ся, заложено многое для удовлетворения потребностей его жителей, в том числе культурных и эстетических. Но, как вы понимаете, соловья планами не накормишь. Понимают это и уренгойцы. Потому-то в меру своих сил стараются украсить город уже сегодня, не дожидаясь, пока именитые дизайнеры родят в спорах свою истину.

Вот лишь один штришок, наверное, мелкий, неброский, не входящий в годовые отчеты, но тем не менее помогающий понять желание уренгойцев шагнуть в ногу со временем не только в труде, в производстве, но и в быту.

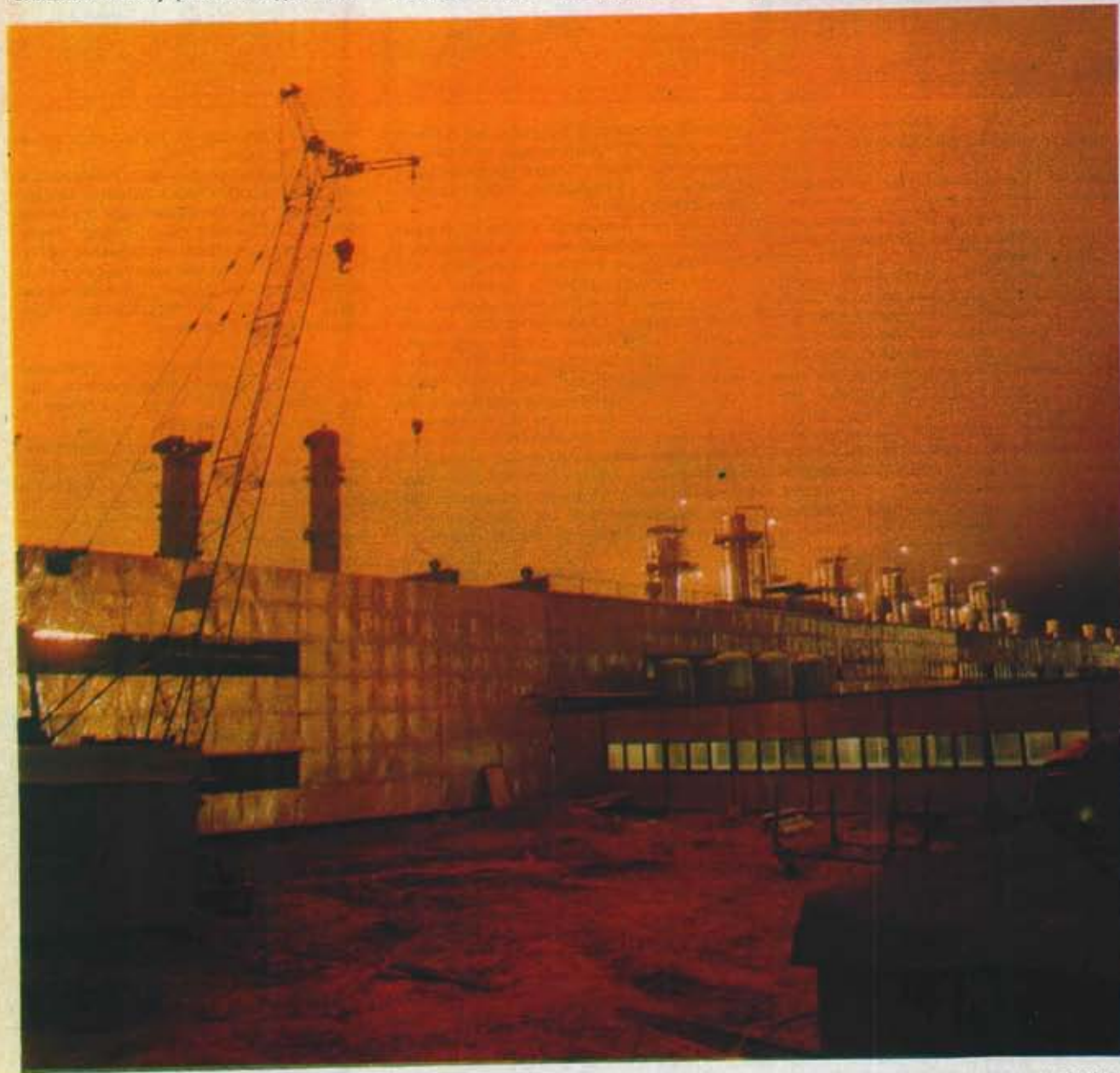
Евгений Петрович Орлов с вполне понятной гордостью рассказывал мне, что он был вссымым человеком в создаваемом объединении «Уренгойгаздобыча». Это была гордость не только за себя, но прежде всего за свою профессию. Евгений Петрович — художник, и сейчас он возглавляет в Уренгое целую группу художников-оформителей. Хотелось бы мне здесь сказать, что благодаря их стараниям поселок выглядит необычно, празднично, но это будет, к сожалению, большим преувеличением. Слишком мало у ребят сил для того,

ПО СТАЛЬНЫМ РУСЛАМ ТЕЧЕТ ГАЗ УРЕНГОЯ В ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ СТРАНЫ.

А может быть, это роскошь — иметь целую группу художников, когда так не хватает строителей? Может быть, на первых порах не до красоты?

Прежде чем ответить на этот вопрос, зайдите в любую комнату молодежного общежития, посмотрите на стены — пожалуй, не найдешь пустой, все украшено открытками и фотографиями, вырезками из журналов и самодельными рисунками... Ох, как часто этот доморощенный декор страдает отсутствием вкуса! И тысячу раз правы те руководители, которые предоставляют специалистам возможность создать своего рода эталон вкуса, пусть пока единственный, но реальный, который молодежь увидит не в журнале и не по телевидению, а здесь же, рядом, в двух шагах от собственного общежития. Так что оформление той же гостиницы — это еще и одна из форм эстетического воспитания.

Рассказывая о проблемах молодых городов, «Смене» уже приходилось пи-

СКОРО РЕЛЬСЫ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ПРИДУТ В УРЕНГОЙ.

В НЕПРОХОДИМОЙ ТУНДРЕ ВСТАЛИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОРПУСА.

В ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ НИКТО НЕ УСИДИТ ДОМА.

чтобы придать черты индивидуальности скроенным на скорую руку уренгойским постройкам. Но остановившийся хоть однажды в здешней гостинице «Русь» запомнит ее надолго. Хотя и далеко ей еще по уровню комфорта до своих именитых сестер в больших городах, но есть в уренгойской «Руси» нечто такое, что наполняет теплом душу и сердце. И это «нечто» — дело рук художников. Крылечко у входа, цветные витражи, чеканка, резьба — все сделано со вкусом, с любовью, так необходимой в этом северном крае и так наглядно показывающей серьезность намерений приехавших сюда людей.

сать, что жителям таких городов, где нет вековых традиций, нет исторических памятников, нет Третьяковки и нет прославленных театров, тоже надо иметь что-то свое «самое-самое», что стало бы их гордостью, городской достопримечательностью. Да и затраты на это не будут напрасными — ведь молодые города, как дети, растут очень быстро. К сожалению, доводы эти не находят понимания в различных и многочисленных нормах и правилах, регламентирующих, что, когда и какому населенному пункту можно иметь. Но жизнь берет свое. Вот и появляются на свет «незаконнорожденные» клубы и

стадионы, построенные во внеурочное время за счет «изыскания резервов», и в изобилии растут на всех крупных стройках «подснежники» — специалисты необходимых профессий, но в угоду штатному расписанию вынужденные числиться малярами да плотниками. Думается, пришла пора дать большую свободу действий руководителям на местах. Ну, а что касается «самого-самого», то оно все-таки в Уренгое есть — библиотека на 30 с лишним тысяч томов, хранилище присланных вами, наши постоянные читатели, книги. По официальным нормам такая библиотека могла бы появиться здесь еще не скоро.

Но библиотека уже справилась свою первую годовщину и полнокровной жизнью опровергла тезис о своей преждевременности. И новая библиотека — детская, с предложением создать которую обратилась к вам наша редакция, тоже, можете не сомневаться, найдет своего благодарного читателя, станет еще одним центром духовной жизни молодого города.

...Молодежь, приезжающая в Уренгой со всех концов страны, отнюдь не настроена на тепличные условия. Больше того, когда буквально через несколько дней после приезда сюда бойцов Всесоюзного ударного комсомольского отряда «Молодогвардеец» я разговаривал с некоторыми из них, интересуюсь самыми первыми впечатлениями, мои собеседники, ребята из Челябинской области, были даже удивлены неожиданным комфортом:

— Мы думали, придется в палатках жить, думали, здесь ничего нет, еще только начинается все, а тут уже настоящий город...

Спишем момент преувеличения и восторга за счет юта специально подго-

товленного для отряда общежития да еще за счет недостатка предварительной информации. Хотя, к слову сказать, организациям, готовящим в путь добровольцев, следовало бы более четко и определенно рассказывать им и об условиях предстоящей жизни и о положении дел там, куда они едут работать. Но сейчас речь не об этом. К концу нашей беседы ребята все же перешли от восторгов к «прозе жизни», а именно к тому, чего им здесь не хватает. Хочу подчеркнуть сразу, это были не жалобы, а скорее уступка «журналистскому давлению». Тем не менее что же выяснилось? Нет в магазинах кастрюль и стирального порошка («Мы бы сами иной раз готовили и стирали»), трудно попасть в кино...

Вот, пожалуй, и все критические замечания, которые мне удалось «выжать» из уренгойских новобранцев. И тем не менее, выходя из общежития, мои спутники, старожилы Уренгоя (тоже бойцы комсомольского отряда, только другого — имени XVIII съезда ВЛКСМ, прибывшего сюда двумя годами раньше) возмущенно хмыкнули:

— Ишь ты, кастрюль им не хватает!

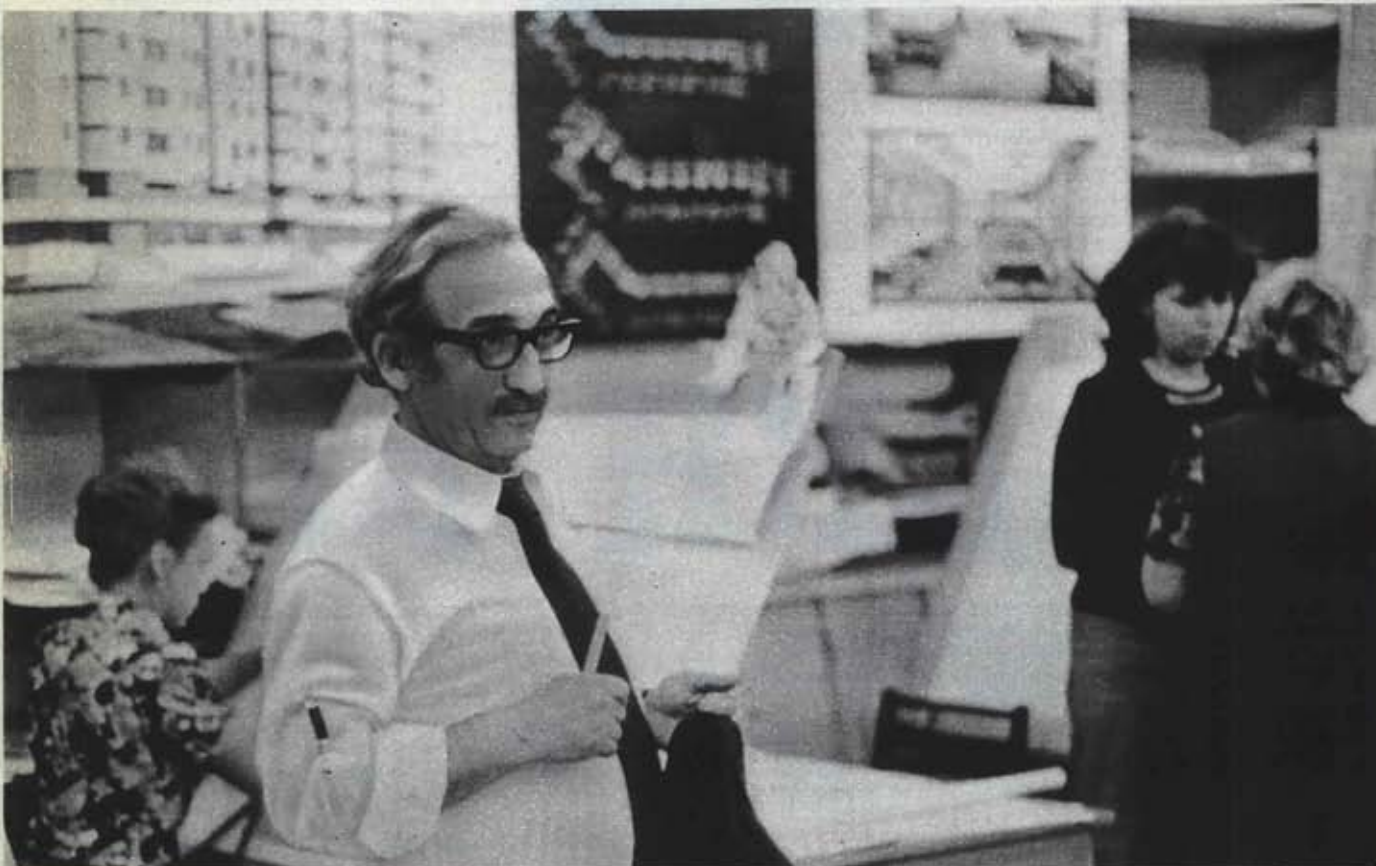
Вот и появляются «постоянные» временки — неблагоустроенные жилища для строителей, вот и приживается психология — едешь на новую стройку, бери с собой кастрюлю, там о тебе заботится некому и некогда.

А теперь давайте помечтаем. Хорошо бы было так: приезжает человек в новый город на работу, а там его уже ожидает благоустроенное жилье, кино-театр напротив, рядом магазин, а вечером — место в кафе, или дискотеке, либо в клубе по интересам — кому что нравится. Ну, и конечно, баня, прачечная, ателье и прочие разновидности сервиса. Возможно ли такое?

— Возможно, — считает Тевьян. — И именно в Новом Уренгое.

Тут необходимо одно пояснение. Аркадий Шазнович имеет в виду «свой» Новый Уренгой, который пока что строится на ватмане в Ленинграде. Его проектировщикам «повезло» — временки вытеснили будущие многоэтажные корпуса за протоку Евояхи, на новое место, которое сразу же приглянулось градостроителям, — возвышающееся над рекой, оно словно специально было

Для решения этой насущной задачи сейчас делается немало. В соответствии с принятыми ЦК КПСС и Советом Министров СССР мерами по дальнейшему развитию капитального строительства в этом районе осуществлены многие организационные мероприятия и в Уренгое. В частности, создан специализированный, призванный заниматься городским строительством трест, возглавляемый энергичным и опытным инженером, лауреатом премии Совета Министров СССР Юрием Александровичем Струбцовым, за плечами которого общепризнанная сейчас школа студенческих строительных отрядов, работа по возведению Надыма. Появился в Уренгое и еще один трест с необычным названием — «Ленуренгойстрой». За три года шефы из Ленинграда построят здесь 180 тысяч квадратных метров современного жилья. Не может не радовать строителей города и изменяющаяся к лучшему уренгойская транспортная схема. Полным ходом сооружается железная дорога Сургут—Уренгой. И есть все основания надеяться, что скоро молодой город получит надежный выход на Большую землю.

ЦВЕТНЫЕ ВИТРАЖИ, ЧЕКАНКА, ВЫПОЛНЕННЫЕ УРЕНГОЙСКИМИ ХУДОЖНИКАМИ, УКРАШАЮТ ГОСТИНИЧНОЕ КАФЕ.

АРКАДИЙ ШАЗНОВИЧ ТЕВЬЯН МЕЧТАЕТ ВОПЛОТИТЬ В ЖИЗНЬ МЕЧТУ О «ГОРОДЕ-ЛЕБЕДЕ».

Привыкли приезжать на все готовенькое.

Я мог бы сказать своим спутникам, что накануне был в общежитии «старожилов» и так же вот разговаривал с жильцами такой же просторной и уютной комнаты, приехавшими в Уренгой из Башкирии, Татарии и Амурской области, и услышал от них упреков в адрес организаторов уренгойского сервиса гораздо больше.

Я мог бы сказать это, но понял, что таким «выпадом» посягну на достаточно прочную жизненную позицию: право на сервис надо заработать. Возможно, в чем-то и правы мои сопровождающие, за два уренгойских года, несомненно, познавшие и испытавшие гораздо больше своих новоиспеченных коллег. Но ведь и они не были первыми, и им кто-то другой подготовил жилье. К сожалению, жилье временное, которое впоследствии становится баррикадами на пути запланированных городских кварталов. Руководителей уренгойских организаций можно понять: коли город запоздал со своим развитием (по единодушному мнению всех, с кем я беседовал в Уренгое, строительство его надо было начинать еще пять лет назад), то нужно искать выход, нужно где-то поселить людей.

подготовлено природой для будущего стотысячного красавца. Что ж, вариант достаточно редкий: капитальное строительство начнется на пустом, свободном от всяческих построек месте, а стало быть, будет иметь реальную возможность предельно четко соответствовать генеральному плану. Если, конечно, к началу строительства и эту территорию не успеют «захватить» временки.

«На таком месте грешно построить плохо, — любят повторять Тевьян. — Здесь Уренгой будет стоять как классический город, как белый лебедь».

Что ж, может быть, его строительство станет новой страницей в книге истории молодых городов! И пусть даже не спешат проектировщики, но пусть с педантичной точностью перенесут туда, за Евояху, каждый запланированный квадратик со своих чертежей.

Но уж совсем нельзя не спешить тем, кто работает сейчас по эту сторону реки. Если второй Уренгой — белый лебедь — еще парит в воображении, то первый, сегодняшний, уже стоит обеими ногами на земле и требует должного внимания. Требуется не хрустальных дворцов, но добротного жилья, школ, детских садов, клубов, магазинов...

Все эти радующие изменения должны быть сейчас направлены на одно, на главное — на принципиальное решение целого комплекса причин, приведших к столь значительному ныне отставанию строительства жилья от сооружения промышленных объектов. Причины эти, к сожалению, типичны для большинства молодых городов — это отношение к гражданскому строительству как к второстепенному, ведомственная разобщенность и ограниченность, отсутствие единого, настоящего городского хозяина, нехватка строительных мощностей, неподготовленность базы стройматериалов, недостаток рабочей силы («заколдованный круг» — чтобы построить жилье, нужны люди, чтобы принять людей, нужно жилье)...

Слов нет, нелегко разорвать этот «заколдованный круг», нелегко разрубить «гордиев узел» и многих других проблем. Но Новый Уренгой — один из самых молодых городов нашей страны. И именно молодость дает ему право дерзать. Дерзать, не откладывая на завтра, уже сегодня, сейчас, потому что и от того, как будет жить Уренгой сегодняшний, зависит, взлетит ли белый лебедь завтрашнего города.

...Существует примета — если хочешь куда-то вернуться, брось там монетку. Я бросил ее у выхода из уренгойской гостиницы «Русь». Но еще больше хотелось мне кинуть ее туда, за протоку Евояхи, где должен встать новый город.

В одном из откликов на первые мои статьи о воспитании говорилось: «Много у нас мудрствуют вокруг детей. Выдумали какое-то раннее развитие, заставляют грудных плавать, годовалых — тяжести поднимать, а в три года — на непосильную голову — читать да считать. Понавыдумывали теорий, как воспитать такое качество, сякое, десятое. Проще надо, без лукавого мудрствования: делай, как я делаю, поступай, как я велю, — вот и вся мудрость. Только не надо, чтобы твое слово и твое дело были лебедем, щукой и раком. Пусть тянут в одну сторону — и вытянут ребенка в хорошего человека». (Степан Еремеевич Ветлугин, пенсионер.)

Насчет лебеда, рака и щуки — это, конечно, правда. После трех лет малыши начинают улавливать разницу между тем, что говорят и что делают родители, и с этого возраста слово и дело становятся для них теми двумя рельсами, которые должны идти вместе, иначе не миновать крушения.

Но мало делать и говорить одинаково; главное — знать, ЧТО именно делать и ЧТО говорить. А тут у нас, к сожалению, царит докультура — воспитательная неграмотность, педагогическое невежество. Врачи выяснили: даже среди молодых родителей с высшим образованием больше половины не знают, какой должен быть режим, каким должно быть питание у малыша. Еще больше у нас незнаний (и антизнаний) о моральном, эмоциональном, умственном развитии детей. Здесь — многие, наверное, понимают это — нужен массовый ликбез; он резко облегчит воспитание, повысит долю родительских радостей, понизит долю горестей и тягот.

Воспитание детей — трудная наука и трудное искусство. Чтобы хорошо воспитывать, надо много знать и много уметь. Надо знать младенческую

«Один отец значит больше, чем сто учителей». Наш Карамзин подтверждал: «Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы».

Для нормального развития детей нужно равновесие женских и мужских влияний. Такого равновесия сейчас, к сожалению, нет во многих семьях. По данным социологов и педагогов, в большинстве семей отцы мало, а то и никак не занимаются детьми. В аслях и садах мужчин нет совсем, в начальной школе тоже. Все детство — время складывания характера — проходит под властью почти одних женских влияний, в атмосфере «матриархата»; это явно вредит детям, особенно мальчикам. Во многом из-за нехватки мужских влияний и появилась так называемая «феминизация» (от латинского «fémina» — «женщина») многих юношей и, наоборот, уродливые, варварские виды мужественности.

Во многих девочках из-за нехватки мужских влияний не вырастает очень важный для них подсознательный идеал мужчины; обычно этот идеал складывается постепенно и подспудно влияет потом на сердечные влечения. Психологи заметили, что дочери хороших отцов влюбляются в юношей, которые чем-то похожи на их отцов; дочери плохих — в юношей, которые их отцам противоположны. Но многим девушкам сейчас не помогает этот компас подсознания. Возможно, и поэтому так выросли в последнее время девичьи метания, нетвердость в симпатиях, ошибочный выбор.

По всем этим причинам резкий взлет отцовского участия в воспитании — одна из главных нужд семьи и один из основных, наверно, рычагов улучшения всей семейной атмосферы. Ведь там, где родители не связаны этой дополнительной связью — лепкой человека в человек (а значит, и в себе), семья более подвержена распаду; у мужа и жены здесь меньше сил стяжения, больше сил разбегания.

Увеличение доли мужского участия в воспитании уменьшило бы домашнее полубезделье многих отцов, облегчило бы жизнь матерям, помогло сделать теплее семейный климат. Это хорошо отозвалось бы на целых поколениях детей, могло бы восстановить в их душах нарушенное равновесие женских и

ваит чувства, которых нет у ребенка; у него самого есть дети, он их кормит, растит, воспитывает. Словом, пятилетний может чуть больше, чем новорожденный; взрослый — несравнимо больше, чем пятилетний. Это само собой бросается в глаза, об этом говорит простейший здравый смысл.

Но не будем торопиться: может быть, Толстой не так уж и преувеличивал?

Что такое новорожденный? Биологическое существо, которое не может делать ни одного из человеческих дел. Ест он не по-человечески, а как все сосунки млекопитающих; завершает обмен веществ тоже не по-человечески — непроизвольно; не может говорить, думать, чувствовать чувствами человека, ничего не знает о мире; не умеет стоять, сидеть, даже поворачиваться с боку на бок; не умеет ничего делать руками; не владеет своим телом; чувствует лишь смутные волны ощущений, физических нужд. Он беспомощен и ничего не может сделать для себя.

За первые годы жизни он проходит гигантскую дорогу от предчеловека к человеку, овладевает главными человеческими умениями и способностями. К трем годам вес его мозга удваивается по сравнению с рождением, а за остальную жизнь вырастает только на четверть. Значит, большая часть органического развития мозга (и вообще нервной системы) проходит в раннем детстве.

В эти годы малыш осваивает все главные виды человеческих движений: он стоит, ходит, владеет руками, телом. В эти годы входит в строй нервные механизмы всех воспринимающих органов человека, и малыш обретает то, чего у него не было при рождении: человеческое — осознанное — зрение, слух, обоняние, осязание, вкус.

В эти годы у малыша рождается речь, кристаллизуются основы мышления, опоры человеческого разума. В эти годы в нем созревают главные человеческие чувства, вырастают фундаменты характера, личности. Он овладевает почти всеми основными каналами общения с миром, с другими людьми. За годы раннего детства в нем рождаются почти все главные свойства, которые отличают человека от животных. Такого скопления гигантских переворотов нет больше ни в одном другом

Беседы
о молодой
семье

ЗАГАДКИ ДЕТС

психологию, которая резко отличается от взрослой. Надо знать, как лучше развить «такое качество», а как — «сякое»; знать постоянно растущую по трудности цепочку требований, все время усложняющуюся лестницу целей, которые мы ставим перед детьми.

Чтобы хорошо воспитывать, приходится постоянно держать в голове все сплетение этих целей, которое действует сегодня, будет действовать через неделю, через месяц. Мы одновременно учим малыша, чтобы он сам умывался и чистил зубы, сам застегивал пуговицы и завязывал шнурки, сам ел — и при этом пользовался ножом и вилкой, сам наливал чай в блюдце или суп в тарелку, сам мыл посуду и вытирал ее, подметал, стирал, убирал свои книги, игрушки. И еще пел, декламировал, умел прыгать и бегать, и играл в разные игры, и водился с детьми, и разговаривал со взрослыми, и умел кончить игру, когда пора есть или спать, и умел пересиливать усталость, и учился делать то, что не хочется, и много-много другого...

Множество частных целей, из которых складываются сквозные цели, множество способов и методов, из которых надо выбирать лучшие для этой цели и этого ребенка, — из постоянной их смены, из постоянных поисков, из каждодневного решения десятков новых загадок и состоит труднейшее искусство воспитания.

Отцы и матери

Родители, как уже говорилось, играют решающую роль в формировании психики человека. Именно в семье создается психологическая сердцевина детской личности, ее корневые фундаменты. На них потом накладываются все другие влияния жизни, но их восприятие, степень переработки в двигатели поведения зависят именно от тех корневых основ детской личности, которые закладываются в семье.

В этом состоит уникальная роль родителей, роль, в которой их не может заменить никто. И это касается отца не меньше, чем матери. Джордж Герберт, английский поэт XVII века, верно говорил:

мужских влияний. Многие, наверно, понимают, что одни свойства в детях легче воспитывать матери, другие — отцу. Очень хорошо говорит об этом Лена Алексеевна Никитина, мать из семьи Никитиных, известной своей системой раннего развития детей. У матери, считает она, из-за самой ее женской природы лучше может идти воспитание чувств, нравственное и эстетическое развитие малышей, привитие им богатства и тонкости человеческих отношений. Но у матери есть и слабые места: подсознательная боязнь за ребенка, инстинктивная — чаще всего неверная — тяга уберечь его от опасности, чрезмерная жалость к нему. Поэтому отец может лучше приучать детей к сложностям жизни, ему легче воспитывать в них смелость, упорство, самостоятельность, легче заниматься их физической закалкой, развитием ума. Так делятся воспитательные обязанности у Никитиных, и это дает хорошие плоды.

У отца, как и у матери, есть свои слабые места, которые идут от его мужской природы: повышенная жесткость и резкость в воспитании, подсознательная тяга убыстрять, подхлестывать детское развитие, силовой напор, нехватка душевной тонкости.

Лучше всего идет воспитание, когда достоинства матери сплавляются с достоинствами отца, и этот сплав умеряет естественные минусы того и другого. В таком союзе мать и отец оба — творцы детей, и чем больше они дают детям, тем больше получают от них и друг от друга.

Уникальность младенчества

Лев Толстой как-то написал: «От пятилетнего ребенка до меня только шаг. А от новорожденного до пятилетнего страшное расстояние».

Многим, наверно, это непонятно. Что умеет пятилетний? Есть, пить, играть — и все: не намного больше, чем новорожденный. Зато между взрослым и пятилетним — пропасть; взрослый работает, умеет делать тысячу всяких вещей; он знает жизнь, понимает множество ее явлений; у него есть развитый ум, самостоятельность, он читает, пишет, ему доступна в принципе вся человеческая культура; он испыты-

возрасте человека; такой сверхскорости созревания человек тоже не испытывает больше никогда.

Во всем этом — уникальность младенческого возраста, уникальный характер детского развития, которое резко, в корне отличается от развития взрослого. Первые четыре-пять лет жизни — взрывание со скоростью бамбука почти всех стеновых человеческих свойств; остальная жизнь — куда более медленный их рост и прибавление к ним некоторых других.

И, наверно, прав А. С. Макаренко, который в унисон с Толстым говорил: «Главные основы воспитания закладываются до пяти лет, и то, что вы сделали до пяти лет, — это 90% всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается, но в общем вы начинаете вкушать ягоды, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет».

Впрочем, это было известно очень и очень давно. Еще в XVII веке Ян Амос Коменский, основатель педагогики, говорил: «Только то в человеке прочно и надежно, что вошло в природу его в его первую пору жизни». Французский философ, писатель и педагог Руссо писал в XVIII веке: «Воспитание человека начинается с его рождения; он еще не говорит, еще не слушает, но уже учится». Сто лет спустя великий русский ученый Пирогов подтверждал: «Все мыслители, я думаю, пришли к заключению, что воспитание нужно начинать с колыбели».

И, наконец, в XX веке наука психология окончательно утвердилась на этой истине. «Ребенок, — писал один из известнейших детских психологов начала века, — приобретает все основные душевные функции в первые 3—4 года своей жизни, и во всю последующую жизнь он не делает таких основных духовных успехов».

В последнее время психологи и педагоги все больше говорят об исключительной роли раннего развития ребят. Некоторые ученые даже считают, что половина умственного роста ребенка приходится на первые 4—5 лет жизни. К этому времени, говорят они, ребенок проходит полпути в создании основ своего умственного багажа, в развитии познавательных способностей.

«Молочное» и «коренное» сознание

Многие родители не знают детской психологии, ее резкого отличия от взрослой. Это незнание больно бьет по самому фундаменту воспитания, круто снижает весь его кпд.

Дети чувствуют мир куда обостреннее, чем взрослые, у них всегда и во весь «голос» работают все их пять чувств. У малышей-дошкольников — особый тип сознания, особая психология. У них нерасчлененные, слитные психологические восприятия: чувство, мысль, воля — все сплавлено воедино и почти всегда неотличимо друг от друга. Эту смутную неразделенность называют **детский синкретизм** (от греческого слова, означающего «соединение», «смесь»).

Синкретическое сознание — это как воздух, в котором соединены между собой кислород, водород, азот и другие газы. В потоке детской психики все перемешано: физиологические и психологические ощущения, струйки чувств и мыслей, вспышки инстинктов, полусознанные и осознанные порывы. И поэтому вся внутренняя жизнь малышей в корне отличается от взрослой. Мысль у них не развита, она почти не отличается от чувства, иногда только превращается в более отчетливое, более оформленное чувство, выраженное в словах или словесных туманностях. В этом отличие мысли синкретической, первичной, детской от мысли аналитической, развитой, взрослой, которая отделена от чувства и выглядит четкой, неразмытой.

Чувства детей, как и мысли, тоже отличаются от чувств взрослых. Они часто туманны, неясны, не осознаются, а только ощущаются; ребенок вообще почти никогда не обращен в себя, он чаще всего обращен «наружу». Но главное, наверное, здесь — это накал чувств: они сильнее, чем чувства взрослого человека. Взрослый чаще всего переживает лишь частью своего существа, кроме, может быть, любви, в которой он участвует весь, и чувств-вспышек, чувств-приступов: гнева, ярости, злости. Маленький ребенок переживает всем своим суще-

КОИ ПСИХОЛОГИИ

ством, у него чувства-великаны. Они как бы поставлены под увеличительное стекло.

И это тоже одна из главных черт младенческого (синкретического) сознания. Для детей поэтому нет полутонов, все для них максимально, предельно, все полно крайностей: ночь беспросветно черна, конфета самозабвенно сладка, горе — нестерпимая тяжесть. Но чувства их всегда коротки, это чувства-вспышки, чувства-импульсы, и своей краткостью они тоже отличаются от чувств взрослых. Горести, радости, переживания у малышей — всегда на несколько секунд.

И еще одна важная черта есть у синкретической психологии — детская игра в слова. У малышей текучее сознание, у них нет еще жесткого закрепления признаков за вещами, они переносят признаки одной вещи на другую. Это рождает детскую метафористику, неожиданные сравнения, всю детскую «рассыпанность» языка. Без этой незакрепленности нельзя понять психологию малышей.

Для детского мироощущения поразительно важны главные физиологические нужды — еда, питье, естественные надобности. Они занимают в мире детей куда больше места, чем в мире взрослых, и наслаждения от них стоят в первом ряду детских радостей. Эти физические радости идут у детей в сплав с психологическими радостями, одним аккордом с ними. Все детские ощущения — телесные, душевные — слиты между собой и от этого как бы множатся друг на друга, резко усиливают друг друга. Именно поэтому детские чувства — это бурные порывы, именно поэтому дети чувствуют всем своим существом, всеми нервами и клетками.

К сожалению, почти ни в одной книге не говорится сколько-нибудь глубоко о младенческом сознании. В психологии и педагогике это белое пятно. Когда, например, кончается синкретическое сознание? Наверное, года в 4—5 начинается переход к аналитическому сознанию: дети в это время много спрашивают. «Почему?» — это уже попытки уйти от неясности, найти различие вещей. Это начало очень важного перехода в сознании ребенка: как меняются зубы, так и тут «молочное» сознание меняется на «коренное».

Чувства, мысли, волевые порывы начинают как

бы отслаиваться друг от друга, делаться самостоятельными; постепенно вырастает фантазия — взлет мысли над сиюминутным действием малыша, освобождение ее из плена того, чем занят малыш в данную секунду; начинается заглядывание внутрь себя, осознание своего «я»; постепенно появляется способность сдерживать порывы чувств — может быть, потому, что они уже чуть стихают, делаются не такими взрывными.

В эти годы психология у малыша уже не просто синкретическая, а сплав из двух психологий — синкретической и аналитической. Перелом этот — очень важная возрастная ступень, он так же важен, наверно, как известный всем переходный возраст. В общем-то это тоже переходный возраст, но только духовный, не физический. Можно даже сказать, что это первый переходный возраст. К концу его, годам к шести-семи, в детях уже складываются будущие основы характера, его фундамента.

Наука психология молчит об этом, а ведь именно тут лежат ключи к детскому воспитанию. Если к детям не относятся как к людям с особой психологией, с особым восприятием жизни — значит, к ним относятся неправильно, воспитывают вслепую, на ощупь и часто ломают их или не развивают того, что в них заложено.

Почему, кстати, литература о маленьких детях чаще всего непсихологична? Может быть, потому, что об их особой психологии говорить очень трудно? Но ведь тем важнее открывать скрытый — внутренний — мир ребенка, постигать своеобразие его чувств, ощущений, переживаний. Тем важнее внедряться в душу ребенка, отыскивать особые дружные его поступков и настроений, которые совсем непохожи на наши, взрослые.

Каковы же основные признаки синкретической психологии? Особые чувства, мысли, словесная игра. Нет наблюдательности, осознанного внимания. Нет знаний о мире — нет и основных различающих способностей. Мир для детей — как для нас ночное небо: на нем много звезд, а как они называются, в какие складываются созвездия, мы чаще всего не знаем. У детей как бы сказочное сознание: вместо знаний о вещах — мифы о вещах, детские сказочные представления.

Наверно, где-то года в два-три мир смутно делится на три части. Первая — и самая близкая — мать с отцом. Вторая — знакомые вещи: игрушки, одежда, домашняя обстановка. Все они друзья, с каждой можно разговаривать, и их любят, относятся к ним, как к близким. Третья группа — все незнакомое, неприятное: камень, о который ушибаешься, чужой человек, лекарства, уколы, боль вообще. Иногда к третьей группе относится надоевшая манная каша, мама, которая шлепнет, папа, который строго скажет.

Между группами границы открыты, вещи переходят из одной в другую, и очертания групп туманны. Муравей, который укусил, переходит из хорошей группы в плохую. Каша, когда ее долго нет, опять делается другом.

Вещи видны смутно, как облака ночью, связей между ними нет или почти нет. Себя и то малыш не осознает, не понимает, что он — это он. Себя для себя как бы не существует, а когда начинается осознание своего «я», начинается и переход к аналитическому сознанию.

Нестреленные таланты

Пожалуй, самое золотое детское время от двух до пяти лет. Малыши уже многое умеют сами, уход за ними круто облегчается, а забавность круто вырастает. Одна из главных «интересностей» этого времени — перлы словесного детского творчества.

Малышу ничего не стоит создать слово, до которого не додумается ни один поэт. «Лакти», — снайперски говорит двухлетняя девочка о крашенных ногтях. «Мамочка, полидуй меня», — просит она и тянет к маме щеку. В три года она кормит куклу и наставляет ее: «Не зажмуривай рот», — а увидев сардельку, бурно радуется: «Ой, сосискина мама!» В четыре года она нечаянно сплавляет в одно слово мужа и жениха, в другое царя и короля — и рассказывает, как принц стал Золушкин **мужик**, а его

Окончание на 22-й стр.

МЕДВЕЖЬИЙ УГОЛ

Репортаж
об интересном

Игорь КОНСТАНТИНОВ.
Фото автора.

Медвежий угол... Так по привычке называем мы глухие, отдаленные места. Но, как ни странно, настоящие медвежьи края находятся не за тридевять земель, а совсем рядом с Москвой, по соседству с городом Нелидово, с небольшими деревеньками, недалеко от шоссе и железной дороги, на возвышенности между двух рек — Волгой и Западной Двиной. Зовутся эти места Центрально-Лесным заповедником. Как считают ученые, плотность «медвежьего населения» здесь одна из самых высоких в Европе.

Издавна на Руси к медведю было особое отношение. Его ласково называют Мишкой косолапым, толстопятым. А сколько сказок, песен ему посвятили — не сосчитать! Некоторые города — Ярославль, Новгород, Пермь, Череповец, Пошехонск, Вольск — даже изображали его на своих гербах.

Медведь — зверь нелюдим. Не по душе ему соседство человека. Зверю подавай лесную глухомань. А где ее взять, когда осваивается природа, строятся города, сквозь дебри проходят дороги! Вот и пришлось создавать специальные заповедники, в которых никто не нарушит медвежьего покоя.

Леса заповедные разошлись во все стороны на многие километры. И что, пожалуй, главное — в них медведь находит и стол и дом. В полях его не часто увидишь. Лишь осенью, в пору созревания осов, когда солнце не торопясь, скрывается в осиннике, осторожно выходит из чащи медведь, долго озирается, шмыгает носом. Кажется, все в порядке. Зверь подходит к посевам и начинает, причмокивая, сосать сладкие стебли и зерна овса. Конечно, в таких «операциях» участвуют далеко не все косолапые.

Люди давно заметили медвежьи «выходы в поля», и на Руси бытовала специальная охота «на овсах», когда строили настилы, забирались на них и до темноты ждали зверя. Сейчас в Калининской области медведи неприкосновенны. Впрочем, таким статусом они обладают во многих местах.

По своей природе медведь — хищник. Но тем не менее в пищу его большую часть занимают растения — ягоды, орехи, грибы, молодые побеги деревьев и кустарников, корни. Не отказывается он и от насекомых. Не пропустит ни одного встреченного муравейника, непременно погром устроит в конусообразном доме. Мясо не часто бывает на столе у косолапого. В основном попадает к нему падаль. На крупного зверя медведь охотится редко. Правда, случается, что и лось заваливает.

Все лето и осень, оставляя следы от когтистых лап, бродят медведи по лесу. У каждого зверя имеется свой участок, куда пришельцу вход закрыт. Ну, а если нарушается лесной закон, то все решает сила — слабый уступает дорогу.

С каждым осенним днем заповедный лес просматривается глубже и глубже. И вот уже листочки на деревьях сосчитать можно. Но не опустело вокруг. Прилетели сюда гости с севера — хохлатые свиристели, красногрудые крепыши-снегири. Они будут зимовать в заповеднике. А пока с пересвистом летают по лесу, клюют ягоды — рябину, калину. Иной раз стайка облепит дерево, точно елочными игрушками, посидит, все до единой ягоды склюет и улетит.

Все чаще идет снежок. Иногда, правда, проглядывает солнце, и тогда загорается лес короткими желтыми красками поздней осени. И снова холодно, ветрено. А медведь ни на что не обращает внимания, в берлогу не ложится. Погоде его не провести. Значит, еще будут теплые дни. И точно, утреннее солнце растворило узоры инея.

В эту пору медведей частенько можно увидеть. Последние дни звери разгуливают по лесу — заботятся о плотной пище, чтобы жиру побольше накопить. Впереди долгие дни зимнего сна, тогда грамм не съешь, глотка воды не выпьешь. Из берлоги выйдут, когда на пригорках да на солнышке покажется первая трава.

Зимние квартиры косолапые строят в буреломах, в завалах под корнями деревьев. Прежде чем залечь, звери мастерят себе постели из мелкого лапника, сухих гнилушек. И уже после того, как готова перина, устраиваются на покой. Найти берлогу в лесу сложно. Медведь старается не оставлять следы около нее. Он долго петляет, прыгает из стороны в сторону, подобно зайцу, ходит кругами.

Исчезли из лесу медведи — и сразу пришли морозы, метели, вьюги, сугробы.

Однажды не на шутку разошелся снежок, он не переставал целый день и

почти всю ночь, лишь под утро решил отдохнуть. А когда над лесом взошло солнце, зимнее покрывало засверкало в его лучах, и не было на нем ни точки, ни ямки, ни бугорка, ни царапинки — все орнаменты, сплетенные накануне лесными жителями, слились на его гладком фоне. Снегопад все сравнял.

И начали звери и птицы в который раз своими незатейливыми узорами украшать его. У каждого свой почерк, своя манера «письма». Трезубцы рябчики оставили, пятячки — визитная карточка зайцев, глубокие борозды лоси проложили, тонкая стежка горностаю принадлежит, точечные четырехугольники мыши наделали...

Зимний ковер — книга леса. Она рассказывает и о том, где кто прошел и куда спрятался и сколько зверей в лесу, здоровы ли они, где кормились. Но читать эту книгу может не всякий. Каждую ее страницу осилит лишь человек очень внимательный.

Но для сотрудников Центрально-Лесного заповедника это обычное занятие. Сразу после снегопада они начали разбираться в сплетенных узорах и выявлять их создателей — биологи считали четвероногих жителей заповедника.

Следопыты разошлись по лесу и стали, что называется, прочесывать дебри. Каждый звериный след наносился на специальную схему, и тут же на снегу его стирали. Это для того, чтобы не учесть след еще раз.

Короток зимний день, не успели обойти весь заповедник люди. И наутро снова встали на лыжи и продолжили поиск тех, чьи следы не попались на глаза накануне. Потом схемы сверили. Так люди узнали количество четвероногих, которые бодрствуют в морозную пору.

Обычно такие переписи повторяются несколько раз.

Разумеется, это не единственный метод учета лесных жителей. Количество

В ЗАПОВЕДНЫХ ЛЕСАХ МЕЖДУ ВОЛГОЙ И ЗАПАДНОЙ ДВИНОЙ ОБИТАЕТ МЕДВЕЖЬЕ ПЛЕМЯ. ПРИВОЛЬНО ЗДЕСЬ КОСОЛАПЫМ И СЫТНО. ХРАНЯТ ПОКОЙ ЖИВОТНЫХ ДЕЛА. БЛАГОДАРЯ ИХ ЗАБОТАМ МНОЖИТСЯ ЗВЕРИНОЕ ПОГОЛОВЬЕ В КАЛИНИНСКИХ ЛЕСАХ.

Она выкапывает ее из-под снега. Изучив рацион куницы, ученые «реабилитировали» ее перед охотниками, с давних времен считавшими обладательницей шелковистой шубки своим конкурентом в охоте на рябчиков, куропаток, белок. Биологи доказали, что в питании куницы они составляют ничтожную долю. Прийти к этому выводу людям во многом помогло изучение оставленных на снегу следов.

А тут кто-то вдруг вспугнул белку. Какая-то хищная птица заставила ее прервать трапезу и броситься в свое шарообразное гнездо.

На поляне несколько лунок, а рядом — будто кто-то с плугом проехал. Это кабаны прошли и разбудили ночевавших под снегом тетеревов. Птицы вылетели и на соседних березах уселись. Почки там клюют.

Любителей снежных ванн в заповеднике немало. Вот один из них — рябчик. Зимой его голоса не услышишь. А весной засвистит по лесу. Всю свою жизнь рябчик связал с ельниками, которых здесь очень много.

Ель — главное дерево заповедника. Еловые леса ученые делят на четыре типа: сложные, зеленомошные, сфагновые и болотнотравяные. Все они отличаются друг от друга подлеском, почвами, древесными породами и габаритами самого дерева.

Самые высокие и стройные, с густой кроной растут на пологих холмах — в сложных ельниках. Тут немало елей-богатырей, поднявшихся над лесом на десятки метров, а в диаметре достигающих чуть ли не метра. Лишь несколько человек, взявшись за руки, могут обнять такого исполина. Все ели-великаны в заповеднике на учете. За ними постоянно наблюдают биологи, учитывают урожай шишек, регулярно проводят обмеры.

Уже много лет работники заповедника совместно с учеными Ботанического института АН СССР выявляют причины разрушения еловых пород, ищут пути повышения биологической продуктивности леса. Чтобы проникнуть в тайну жизни дерева, ученые определяют геологическое строение территории заповедника, состав почв, гидрологический и климатический режимы местности.

Зимой стайки клестов целый день в ельнике. Шелушат золотистые шишки, вытаскивают крестообразными клювами, похожими на попугайчи, вкусные семена. Глядя на них, никак не скажешь, что забот у них сейчас полно, — немало из них в холодную пору стали родителями. Это случается, как считают ученые, в годы хорошего урожая еловых шишек — основного корма птиц. Птенцам не нужны ни червяки, ни комарики, ни бабочки. Свое потомство родители выкармливают кашцей из полупереваренных семян.

Родителями зимой стали и медведи. В некоторых берлогах по одному, а есть такие, где по два, а то и по три крохотных медвежонка появилось. До апреля пролежат малыши с медведицей. И лишь когда весеннее солнце растопит снег и звенящая капля холодной воды разбудит косолапого, он встрепенется и встанет на ноги. Затрепещат вокруг ветки, поднимутся остатки грязного снега, и из берлоги выйдет хозяин медвежьего угла.

глухарей и тетеревов определяют в брачный период — на токах, певчих птиц — в конце весны по голосам. Олений-самцов — во время гона — по реву. Учетом животных зимой не ограничиваются работы сотрудников заповедника. На широких лыжах ходят люди по лесу и следят за жизнью зверей и птиц. И много интересного им рассказывают следы на снегу.

Вот протянулась лисья цепочка — оказывается, приходила хозяйка на пригорок за мышами. Охотилась и ничего не поймала.

В березняке оставила визитную карточку — узенькую стезжку — куница. Она прибежала сюда за мышами. Зимой, по мнению биологов, они составляют примерно половину ее рациона, который весьма разнообразен — тут и ягоды, и ежи, и мелкие птицы, и кроты. Даже зайцы становятся добычей юркого, проворного зверька. Иногда на стол к кунице попадает и скорлупа птичьих яиц.

ЗАГАДКИ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Начало на 18-й стр.

папа, царь, сказал, что Золушка лучше всех танцует.

Родители часто жалеют, когда малыш выходит из этого возраста: он как бы тускнеет, теряет младенческую прелесть, перестает быть трогательным, наивно незащищенным. Резко спадает его необычность, он осваивает правила речи и поведения, и его забавные отклонения от них почти совсем пропадают. Все меньше у него отходо от обычной колеи, выходов за рамки привычности — того, что мы почему-то боимся назвать блестящими таланта, всплесками творческого детского поведения.

А ведь дело именно в этом. Возраст до пяти лет — золотой век младенческой талантливости. Правила еще не отстоялись в голове малыша, звенья их не сплелись в жесткие цепи, которые мешают двигаться. Малыш сам, на ощупь орудует этими правилами: то берет одно вместо другого, то сплавляет их в немислимые сочетания — стихийно творит множество деталей своей жизни. Он именно творец — искатель, познаватель, строитель, и чем меньше мы «стреноживаем» его по мелочам, чем больше даем будничной свободы и самостоятельности, тем больше в нем крепнет естественная для детей, нормальная творческая жилка.

Словесное творчество — только, наверно, самый заметный знак этой подспудной детской талантливости. Психика малыша — здорового, не забитого строгостью — свободна от пут, в ней, как почки в апреле, набухают самые разные способности — и невероятно сильна способность к развитию всех способностей.

Чтобы эти почки не погибли, чтобы способности, которые так и рвутся на свет, раскрылись, им нужен и этот свет, и тепло — свет умного воспитания, тепло умной любви.

В большинстве случаев мы, к сожалению, не умеем продлить золотой век детства: не умеем развивать малыша так, как этого ждет, хочет, требует сама их глубинная психологическая природа. Не умеем, потому что не знаем детскую психологию, не знаем, что именно делать, чтобы развертывались свернутые в ней пружинки.

А что бывает, когда в семье два или три ребенка и они рождаются с промежутком в несколько лет? Тогда на смену возрасту одного малыша приходит возраст другого, и родители вдвое, втрое больше наслаждаются им, получают от детей в два, в три раза больше излучений той неповторимой младенческой человечности, той безмятежной счастливости, которая так просветляет всю нашу жизнь, так насыщает ее радостью.

И дети лучше растут, когда их двое-трое, когда они все время с себе подобными, с такими же, как они, по всему складу эмоций, мыслей. От них они могут многое получить куда легче и проще, чем от взрослых, и это заметно облегчает все воспитание. В них меньше эгоизма, они легче привыкают к общению с другими малышами, в них раньше вырастает тяга к такому общению, способность к нему. А это лучше готовит детей к общественному воспитанию, явно уменьшает нагрузку взрослых. Старший может быть младшему немножечко матерью или отцом, а воспитывая младшего, он от этого воспитывается и сам.

Знаменитые Никитины убеждены, что воспитывать нескольких детей гораздо легче, чем одного, и вполне возможно, что они правы; растить нескольких труднее, а воспитывать проще. То же самое, кстати, говорил в свое время и Макаренко: «Воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей».

Автопортрет счастливых воспитателей

Все мы, наверно, понимаем, что домашнее счастье или несчастье во многом зависит от того, какие в семье дети и хорошо ли, дружно ли растут их родители. Дети или сближают жену и мужа, тех, у кого хорошие отношения и похожий воспитательный подход, или отдаляют их, особенно тех, у кого неверные или непохожие воспитательные взгляды.

Последние годы я слежу за жизнью нескольких счастливых семей (именно счастливых, не просто хороших), и в каждой из них дети — один из

главных фундаментов счастья. Мужья и жены из этих семей говорят: любовь к детям углубляет нашу любовь друг к другу, а любовь друг к другу усиливает любовь к детям.

Дважды я проводил «круглый стол» счастливых семей: его участники отвечали на разные тест-анкеты, в том числе о воспитании. Вот что ответила самая младшая и самая неопытная пара — Лайла и Петерис Блате из Латвии (Петерис — колхозный садовник, Лайла — инженер, они живут под Ригой), рассказывая о своих детях — Гирте (3,5 года) и Томе (1,5 года).

Обратите внимание: вопросы в анкете подобраны так, что охватывают почти все главные стороны развития малыша и все главные основы родительского воспитательного подхода. Ответы на них очень естественно и ладно смыкаются друг с другом, как веточки, которые растут из одного ствола, как штрихи, которые создают рисунок. Перед нами как бы портрет — правда, штриховой, схематичный — воспитания, которое делает детей и родителей счастливыми.

1. Укачивали вы или нет своих детей? — Нет.
2. Как они вообще засыпают у вас — одни или с вами? С какого возраста стали засыпать одни? — Одни, с самого начала.

3. Когда ребенок стал есть сам? — Гирт — с 1 года, Том частично с 1 года.

4. Когда он стал мыть посуду, убирать за собой? — Гирт помогает с двух лет, а Том учится класть все вещи на место.

5. Когда научился одеваться сам (застегивать пуговицы, завязывать шнурки и т. п.)? — С двух с половиной лет умеет почти все.

6. Чем помогают вам дети в домашних делах? — Участвуют почти во всем, по-настоящему.

7. Занимается ли ребенок физкультурой? — Поощряем физические упражнения и даем свободу движений.

8. Закаляете ли вы его? Как, с какого возраста? — С первого года жизни Гирт много купался, целые дни жил на свежем воздухе, по возможности меньше одетый. (Лайла и Петерис живут на хуторе.) Зимой не кутаем: если ему холодно, он больше движется. Родители, а особенно бабушки, не учитывают, что дети мерзнут меньше взрослых, ведь они больше двигаются. Разрешаем Гирту и Тому есть мороженое, если они не кашляют. По утрам умываются холодной водой: Гирт — до пояса, Том — лицо и руки. Купаться разрешаем даже в холодное время, если они хотят. Простуд от этого не было.

9. Сколько раз болеют ваши дети в течение года? — Гирт за 3,5 года болел 4 раза; Том от Гирты заразился ветрянкой, больше не болел.

10. Как вы воспитываете в детях самостоятельность? Поощряете или нет попытки сделать по-своему, но неправильно? — Говорим: попробуй сам, ты это уже можешь сделать. Поощряем попытки сделать что-то самостоятельно, не ругаем за ошибки. Разрешаем даже поступить неправильно, если это не опасно: пусть сам убедится, хорошо это или нет. Гирт скоро узнал, что трудно найти вещи, не поставленные на место.

Стараемся не вмешиваться в отношения детей, если это не опасно. У Гирты есть подруга шести лет, мы не вмешиваемся, и он сам отвергает попытки властвовать над собой.

11. Как вы воспитываете в детях сообразительность, находчивость? — Главное: не спешим давать советы, когда это не нужно. Пример: Гирт в два года должен идти в ванную помыться, а свет включать высоко. Мы говорим: попробуй сам. Он думает, тащит табуретку и включает. Ребенок не будет искать решения сам, если привык к опеке и подсказке. Воспитываем сообразительность и разными задачками, коварными вопросами, играми. Один раз привезли три детских шампуня и один взрослый. Учим решать реальную задачу: у нас три детских шампуня, отдадим один твоему другу, у него нет. Гирт согласен. Спрашиваем, сколько нам останется. Гирт: «Три». Папа возмущен: «Ну, как это три — подумай». Гирт защищает свою правоту: «Два детских и один взрослый»...

12. Как воспитываете доброту, не эгоизм? — В первую очередь личным примером, отношением друг к другу, внимательностью к людям. Лайла пришла домой, Гирт оставил ей яблоко и говорит: «Ты рада? Я очень рад, что ты радуешься». Обычно разрешаем Гирту развиваться, громко смеяться. Но когда дома бабушка, он себя сдерживает: ей трудно переносить шум.

Том любит перебирать посуду на кухне. Спрашиваем Гирта: ты согласен, если мы купим Тому игрушечную посуду, а тебе ничего не купим, потому что нет денег. Гирт соглашается без огорчения. Так же он радуется новым покупкам для других: мы всегда показываем их всем. Так как мы не имеем привычки отдавать все вкусное детям, то и Том уже привык делиться самым вкусным с нами. Они оба никогда не чувствовали себя обиженными. Они

понимают, что делиться — это нормально и естественно.

13. Как вы воспитываете правдивость, изживаете неправдивость? — Всегда говорим только правду, и Гирт еще нам не соврал. На его поступки реагируем так, чтобы не дать повода скрыть правду. Признаем свои ошибки, если не правы по отношению к нему. Учим его тоже признавать ошибки.

14. Какой метод изживания вы больше используете: прямой — словесное и эмоциональное осуждение; косвенный — развитие достоинств и вытеснение ими противоположных недостатков? — Оба, по обстоятельствам. (Ответ меня разочаровал: по моему, второй метод куда верней и сильнее, и он должен бы быть главным, а первый — подсобным. — Ю. Р.)

15. Как действуете вы, когда дети не слушаются? Обостряете или сглаживаете конфликт? Повышаете голос или убеждаете? — Обычно убеждаем, на обострение не идём. Если не помогает, то не обращаем внимания, пока не поймут, что неправы. Обычно это происходит быстро: Гирт успокаивается и извиняется. Если Том плачет без причины, он тоже скоро затихает, когда видит, что на нас это не действует.

16. Какие наказания и поощрения вы применяете? — Обходимся без наказаний. Мы можем рассердиться на ребенка, но только не притворяясь, а когда по-настоящему возмущены. Этого хватает, и бывает это редко. Поощряем словами: ребенок доволен, что мы рады за него.

17. Как воспитываете самоуважение, ощущение ценности личности? — Относимся к детям с уважением, никогда не унижаем их, не кричим, не отмахиваемся от них. Внимательно относимся к их вопросам, просьбам. Требуем того же и от них.

18. Как при этом оберегаете от эгоизма? — Не забываем о себе и о других людях, не отдаем детям предпочтения — не даем им быть эгоистами. О воспитании доброты, внимания к другим, заботы о них мы уже говорили. И потом их двое — это легче.

19. Как вы оберегаете детей от мягкотелости, от неумения защитить себя? — Здесь нам легко: Гирт умеет защищаться сам, никогда не жаловался, что его обижают, а Том такой решительный, сам может обидеть.

20. Как вы обходитесь с драчливостью, агрессивностью детей? — Мы детей не бьем, и у них нет драчливости. С другими детьми учим их выяснять отношения по возможности без кулаков.

Как видим, воспитание лаской, вниманием, доброе и уважительное отношение к детям делают родительские занятия Лайлы и Петериса не тяжелыми, не обременительными. Занятия эти дают много радостей и им, и детям. И все это потому, что родители с самого начала (взгляните на первые вопросы) стали на правильную дорожку и дружно идут по ней. Из их ответов ясно, что у них умный воспитательный подход: с их ответами можно даже сверять верность своего воспитания.

Вершина в пирамиде профессий

Из всех занятий, которые есть на свете, детское воспитание — самое сложное, самое тонкое, самое трудное. Родители — скульпторы человеческих душ (хорошие или плохие), творцы детской психики — наисложнейшего из всех самых сложных инструментов жизни.

Будничное выращивание человеческой души не только сверхсложно, но и сверхважно. «Человеко-строительство», созидание человека в человеке — главная цель нашего общества. Исключительная важность детского воспитания должна подкрепляться таким же исключительным уровнем нашей педагогической подготовки. К сожалению, тут царит обратное — исключительная неподготовленность многих из нас. Как и в других областях семейной жизни, большинство из нас здесь самоучки, а то и просто неучи: воспитательные наши знания и умения обратно пропорциональны их важности.

В принципе, в норме все мы, родители, должны бы профессионально знать детскую психологию, профессионально уметь воспитывать детей. Ведь родители — создатели будущих поколений, стало быть, творцы будущего, а можно ли делать это на уровне полужизни?

Всему, что связано с работой, у нас учат, а воспитанию (да и вообще культуре личной жизни) не учат совсем. К максимально сложному умственному труду мы минимально готовим людей — и расплачиваемся за это недопустимым воспитательным браком.

Наверное, в будущем к воспитанию детей станут относиться как к главной профессии каждого человека; но и для нас и для наших детей будет лучше, если это будущее как можно скорее станет настоящим.

СЕРГЕЙ ЗАПЛАВНЫЙ
РАССКАЗЫ
О ТОМСКЕ

Биография сибирского города

Из этой книжки вы узнаете о том, как была построена Томская крепость, почему река, давшая ей свое имя, называется Томью, как отразились события далекого прошлого в сказаниях и легендах местных народов; о землепроходцах, составивших первые карты и описания неведомых мест; о кузнице Федоре Еремееве, нашедшем у стен города горнорудное железо, как его открытие было предано забвению, чтобы три с лишним столетия спустя стать реальностью; о первом в Сибири крестьянском бунте; о том, как родился герб Томска, какие изменения претерпел, почему вздыбленный конь, ставший его эмблемой, вошел детально в гербы Кузнецка, Красноярска и других сибирских городов; о том, как был образован Томский мушкетерский полк, о сражениях за Отечество, в которых участвовали томичи, о воинских традициях, сложившихся после Тридцатого Октября; о том, как царская ссылка породила Томск с различными городами и народами, как ссылнопоселенцы обогатили сибиряков непреходящими культурными и духовными ценностями; как самодержавие безуспешно противилось созданию первого сибирского университета и как Томск объединил народные дарования, став одним из ведущих городов и научно-культурных центров Сибири социалистической; о том, как Ново-Соборная площадь в Томске стала площадью Революции; о том, как поднимался город на Томи в сегодняшний день по ступеням пятилеток; как, строя новое, томичи хранят старину; о комсомольцах-томичах, создавших первый в стране студенческий строительный отряд; наконец, о том, каким Томск станет завтра...

Да, все это и еще многое есть в точной и энергичной книге Сергея Заплавного «Рассказы о Томске» (Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1980 г.). Следуя в чьей-то традиции Карамзина, Ключевского, а также Шишкова, Маркова, автор сумел историю насытить сюжетами живой жизни, человеческих судеб. В результате достигнута густая плотность повествования. Разноплановость лексикой, обусловленная теми или иными особенностями материала, не нарушила единства авторской интонации, а лишь укрепила ее. Информационность и эмоциональность книги из одного корня — из корня знания и любви к Томску. Возможно, здесь один из секретов притягательности этого документально-художественного повествования: во многом удовлетворяя читательский интерес к городу — одному из нефтяных центров страны, — оно одновременно рождает желание узнать о нем еще и еще...

Поучительны, по-настоящему интересны «Рассказы о Томске». В них то с эпическим размахом, то с репортажной стремительностью, но всегда с художественным проникновением чередуются времена, события, история борений, поисков истины.

Борис ФАИН

«Мы перед нею в долгу!»

В предисловии к новой книге Анатолия Петрова «Зерна земли» («Современник», 1979 г.) Олег Шестинский отмечает, что в ней привлекают прежде всего «стихи, в которых выражено «здоровое земное начало», и взволнованные стихи о военном детстве».

Военное детство в блокадном Ленинграде — что еще, кажется, можно сказать нового о нем после Олега Шестинского, Юрия Воронова, Олега Цакунова? Анатолий Петров находит собственные слова и образы, они сами возникают в памяти — ведь в воспоминаниях у каждого есть что-то свое, неповторимое. «Навек заклиненные доты» можно найти и у других поэтов, но вот Петров говорит, что его дорогу детства «неожиданно и жестоко обкусила, как нитку, война». Подобные строки останавливают внимание, понимаешь, что перед тобой человек со своим голосом, своей творческой индивидуальностью.

В предисловии отмечается также «исповедальный тон» поэзии Анатолия Петрова. Он яственно дает о себе знать в стихах, развертывающих картины блокадного Ленинграда, где «каждый подросток — солдат», где «дом — все восемь этажей — дрожит и охват от боли». Вот поиски пропитания на ледяной Неве: «Два окушка, покрытых белым пухом, — два сиротливых на январском льду». Вот сочувствие жертвам бомбежек: «дворцовые рушились залы, боги обгорали тела! Враг целил не только в солдат, но и в детей, в искусство, в существование целого народа. Вспоминая пережитое, поэт выстраданно говорит: «мне столько зим, мне столько лет!» Драматичным было военное детство.

И все же не согнулось, как пруттик, В неполных пятнадцать годов На страшных военных распустьях, У выморжких Летних садов.

Сил в борьбе прибавляли вера в народ, чувство Родины, родная природа. Не случайно соединяются образы войны и природы: «Кочуют ночные туманы до утренней светлой звезды... Россия глядит на курганы, курганы военной беды». От блокадных лет — чуткость сердца поэта, его беспокойство, например, судьба того одинокого старика в деревне, к которому не спешит единственный сын («Старик»). От блокадной стужи — радость встречи с весенней природой и взволнованная грусть осеннего расставания с ней: «Прощусь с летом, как с любимой, последний вздох, последний миг».

Как же не любить мир родной природы, где «за рекой калитствует кулик», «жуки взмывают

идей», «Превращения гиперболюда инженера Гарина», «Крушение парадоксов», «Аксель Берг», «Мир наизнанку», «Предчувствия и совершения», — автор знакомит нас с жизнью и деятельностью творческих людей, с влиянием результатов их труда на судьбу каждого из нас. Среди героев книги доминируют советские ученые всех поколений.

Творчество и жизнь наполняют и те главы книги, где рассказывается о наших зарубежных друзьях, деятелях науки и искусства. Рассказывая о совместных работах, автор подчеркивает, что созвучие разумов характерно для интеллектуальной атмосферы наших дней. На этом же зостряет свое внимание и автор послесловия академик А. И. Берг: «Хочу подчеркнуть, эти две главы («Созвучие разумов» и «Экзотика без экзотики») представляются мне очень важными как иллюстрация продуктивности и неизбежности контактов между социалистическими странами СЭВ и между социалистическими и капиталистическими странами во всех возможных сферах науки, техники и просто в плане человеческого содружества. Созвучие разумов — залог мира на земле, залог общих достижений человечества».

Анализируя творчество современных ученых, Ирина Радунская, по существу, исследует анатомию ИТР. Чтобы сделать понятным тот поистине гигантский скачок к вершинам цивилизации, которое сделало человечество в наше время, автор начинает повествования с тех сдвигов в науке конца XIX — начала XX века, которые послужили фундаментом рождения новых квантовых идей и теории относительности, трамплином для современного прогресса.

Книга «Кванты и музы» охватывает самые разнообразные вопросы творческой жизни современного общества, питаемой плодами ИТР и, в свою очередь, дающей новые соки ее дальнейшему развитию. По словам автора, эта книга «о встречах с людьми, которые участвовали или участвуют в творении новых центров кристаллизации открытий. О встречах с идеями, сдвинувшими или готовыми сдвинуть с места застывшую глыбу неразрешенных проблем, связавшими первый узелок в разном клубке противоречий. О встречах со сдвинувшими, нашумевшими открытиями и со скромными результатами, нахлывающимися день за днем и вызывающими предчувствие грядущих перемен или надежду на взрыв прозрений».

Эта книга особенно интересна для молодежи, ведь ей предстоит вступить в самостоятельную жизнь, выбрать точку приложения своих сил, избрать дело, которому стоит посвятить всю жизнь.

Наум РЕЙНОВ,
доктор физико-математических наук

Владислав ШОШИН

Творчество и жизнь

Признаюсь, я с некоторой опаской брал в руки новую книгу Ирины Радунской, названную ею «Кванты и музы» (издательство «Советская Россия», 1980 г.), предполагая, что в ней обсуждается пресловутый конфликт между физиком и лириками. Первые фразы: «Герой этой книги — творчество. Точнее — творчество и его результаты» — направили мои опасения в другую плоскость: не попала ли случайно в отдел художественной литературы науковедческая книга?

К счастью, уже следующий абзац рассеял мои опасения. И. Радунская не изменила ни своей творческой манере, ни своим героям. А ее постоянные персонажи — наука, ее творцы и их идеи, вернее, развитие этих идей.

В рецензируемой книге, как и в предыдущих — «Безумные»

идей», «Превращения гиперболюда инженера Гарина», «Крушение парадоксов», «Аксель Берг», «Мир наизнанку», «Предчувствия и совершения», — автор знакомит нас с жизнью и деятельностью творческих людей, с влиянием результатов их труда на судьбу каждого из нас. Среди героев книги доминируют советские ученые всех поколений.

Творчество и жизнь наполняют и те главы книги, где рассказывается о наших зарубежных друзьях, деятелях науки и искусства. Рассказывая о совместных работах, автор подчеркивает, что созвучие разумов характерно для интеллектуальной атмосферы наших дней. На этом же зостряет свое внимание и автор послесловия академик А. И. Берг: «Хочу подчеркнуть, эти две главы («Созвучие разумов» и «Экзотика без экзотики») представляются мне очень важными как иллюстрация продуктивности и неизбежности контактов между социалистическими странами СЭВ и между социалистическими и капиталистическими странами во всех возможных сферах науки, техники и просто в плане человеческого содружества. Созвучие разумов — залог мира на земле, залог общих достижений человечества».

Анализируя творчество современных ученых, Ирина Радунская, по существу, исследует анатомию ИТР. Чтобы сделать понятным тот поистине гигантский скачок к вершинам цивилизации, которое сделало человечество в наше время, автор начинает повествования с тех сдвигов в науке конца XIX — начала XX века, которые послужили фундаментом рождения новых квантовых идей и теории относительности, трамплином для современного прогресса.

Книга «Кванты и музы» охватывает самые разнообразные вопросы творческой жизни современного общества, питаемой плодами ИТР и, в свою очередь, дающей новые соки ее дальнейшему развитию. По словам автора, эта книга «о встречах с людьми, которые участвовали или участвуют в творении новых центров кристаллизации открытий. О встречах с идеями, сдвинувшими или готовыми сдвинуть с места застывшую глыбу неразрешенных проблем, связавшими первый узелок в разном клубке противоречий. О встречах со сдвинувшими, нашумевшими открытиями и со скромными результатами, нахлывающимися день за днем и вызывающими предчувствие грядущих перемен или надежду на взрыв прозрений».

Эта книга особенно интересна для молодежи, ведь ей предстоит вступить в самостоятельную жизнь, выбрать точку приложения своих сил, избрать дело, которому стоит посвятить всю жизнь.

Наум РЕЙНОВ,
доктор физико-математических наук

Радость жить беспокойно

Проходит детство, и вчерашние мальчишки оказываются у порога взрослости — вот она,

кипучая и многосложная жизнь, в которой предстоит реализовать свою пока еще легкий багаж. Реализовать и «утяжелить» — предстоит стать человеком, живущим активно. Кое-кто, правда, оказывается из этого порога неожиданно для себя — и тогда, как воздушные шарик, лопаются романтические мечты, а хрупкие крылышки оказываются не способными перенести их обладателя в «заоблачные дали». Едва-едва вскарабкивается такой юный человек на небольшой холмик и долго потом бубнит всем, что, мол, вот она, его высота, вот только время подойти должно. И на высоту он не попадает в результате, и холмик зарастает бурьяном бездеятельности, мхом несбытоского. Потому что невдомек ему, юному и многообещающему, что значит обрести свое место в жизни, быть на нем, отвечать за него.

Тем, кто вот-вот окажется у порога взрослости, — подросткам, адресует свою новую книгу «Похищение из провинциального музея» («Детская литература», 1980) Ирина Стрелкова. И название и то, что книга вышла в известной серии, выпускаемой издательством, — «Библиотека приключений и научной фантастики», довольно однозначно подсказывает читателю, что ему предстоит окунуться в водоворот остросюжетных сюжетов. Да, действительно так: в каждой из трех повестей, собранных под одной обложкой, разворачиваются события детективного характера. Из музея похищен шедевр живописи: из городского Дома культуры украдены дорожки фотокамеры; наконец, на одной из улиц находят раненого юношу — вот какие события потрясают одно за другим городок Путятин. Главным же герой повестей — вовсе не работник милиции, что казалось естественным в подобной ситуации. Просто Володе Киселеву, недавно пришедшему работать в музей, есть до всего дело. Нет, он не любопытен, не встраивает в дела следствия, но принимает самое активное участие в расследовании детективных «узелков». И распутывает. Но главное, как бы подсказывает писательница, не в сыских способностях Володи — в его человеческой позиции, в жадном желании глубоко разобраться в окружающей его действительности, в людях. Счастлив человек, обретший такую позицию.

По-разному распутываются детективные «узелки» в каждой из повестей. И, конечно, Киселев вовсе не претендует на лавры частного сыщика — его одноклассник, офицер милиции Фомин, справляется с делами на профессиональном уровне. Но в каждом конкретном случае Володя оставляет свой человеческий автограф: он, гадавший, что картина похищена вдовой художника, понимает мотивы преступления и доказывает Фомину, что оно совершено без преступных намерений; приматривая к трудному подростку, фигурирующим в деле о краже фотокамер, он старается найти в них ростки хорошего, чистого — этот поиск, которым он захватывает и Фомина, приводит их к настоящему похитителю, решившему, что трудные подростки — надежная ширма; наконец, Киселев обнаруживает по-граждански острое неприятие всякого рода «жучков», пораженных микробом накопительства, когда расследуется дело о ранинии Саши Горелова.

Сюжетно каждая повесть захватывающе интересна — не пересказать. Но главное достоинство книги видится в том, что писательница не оказалась пленником детектива и познакомила нас с человеком, охваченным радостью жить беспокойно. Такой человек — с багажом, с позицией — ценен в любом деле. И нужен людям.

Андрей КОМАРОВ

“АПОЛЛО” ИДЕТ В ЧУЖИЕ ВОДЫ

Олег ИГНАТЬЕВ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

ОТ АВТОРА

В номере лиссабонского еженедельника «Эспрессо» я обратил внимание на небольшую, без подписи, заметку, опубликованную на первой странице. Приведу ее полностью: «В связи с утечкой информации, касающейся чрезвычайно важных государственных вопросов, ряд правительственных служб вынужден в ближайшие недели осуществить операцию по обнаруживанию подслушивающих телефонных устройств. Откровенно говоря, упомянутые правительственные службы дали понять, что утечка информации осуществляется в интересах отдельных посольств стран Запада».

Вот и все. Кто установил «подслушивающие устройства», в интересах каких «посольств стран Запада» — об этом ничего не говорилось. Позвонил знакомому журналисту из «Эспрессо»: «Слушай, нельзя ли узнать дополнительные подробности?» «Могу только сказать, — отвечает знакомый, — что посольство Монако в этой истории не замешано, потому что княжество не имеет чести содержать в Португалии свое посольство. Что же касается каких-либо конкретных деталей, то советую обратиться в небезызвестное здание, расположенное на авениде Дуки ди Лоуле».

Так ответил мне журналист из «Эспрессо». На первый взгляд ничего не сказал, но все стало на свои места. «Здание на авениде Дуки ди Лоуле» в расшифровке для тех, кто живет в Лиссабоне, не нуждается. На этой авениде расположено посольство США, под крышей которого удобно расположились сотрудники скандально известной организации — Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки (ЦРУ).

ЦРУ, ЦРУ, ЦРУ... Не проходит и дня, чтобы в прессе, по радио, по телевидению не сообщалось бы об очередной грязной операции этого ведомства в каком-либо районе земного шара.

Португалия не являлась и не является исключением из правила. ЦРУ действовало в этой стране при фашистском режиме, принимало участие практически во всех операциях против демократических сил после свержения фашизма и продолжает плести нити заговоров сейчас.

Действия ЦРУ в Португальской Республике являются лишь звеном в глобальных стратегических планах этой организации, служащей орудием в руках тех, кто дергает за ниточки власти в Соединенных Штатах, кто питает лютую ненависть к демократическим силам планеты. Иран, Вьетнам, Сальвадор, Боливия, Ангола, Куба, Эфиопия, Португалия... Список можно было бы опоясать земной шар вдоль и поперек не один раз, потому что действия ЦРУ во всех странах мира не прекращаются и не прекратятся.

В документальной повести, предлагаемой вашему вниманию, описаны события, происшедшие всего лишь за один год: с 25 апреля 1974 года по 25 апреля 1975 года. Искусственное ограничение повествования хронологическими рамками не означает, что с описанными в повести событиями заканчиваются и операции агентов ЦРУ, осуществлявшиеся ими в Португалии. После апреля 1975 года имели место и новые заговоры, и вмешательство во внутренние дела этой страны, и преступные акции. Сейчас большинства тех, кто находился в лиссабонском здании на авениде Дуки ди Лоуле, уже нет на территории Португалии, но «свято место пусто не бывает», и новые люди ЦРУ продолжают разрабатывать новые операции против португальских демократических сил.

...Сколько я ни пытался, мне так и не удалось узнать, где сегодня находится плавучая шпионская база — яхта «Аполло». В одном можно не сомневаться: «Аполло» — в чужих водах. И занимается тем же, чем прежде, чем всегда.

Н

а рассвете в четверг 24 апреля 1974 года в особняке, расположенном на проспекте Торре да Белен португальской столицы, в аристократическом районе Рештелу, раздался телефонный звонок.

Лежавший в постели мужчина чертыхнулся, протянул руку к ночному столику и, нащупав часы, посмотрел на светящийся циферблат. Стрелки показывали пять минут шестого. Без сомнения, кто-то ошибся номером. Кляня всех и все на свете, мужчина встал, прошел в соседнюю комнату и поднял трубку.

— Это сеньор Эберт?

— Да. Кто говорит?

— Это Аллан. У меня срочное дело.

— Послушайте, Аллан, после попойки советую идти спать, а не будить человека в пять часов утра.

— Сеньор Эберт, я абсолютно трезв. В Лиссабоне переворот, в город вошли танки.

— Что вы болтаете, какой переворот?

— Военный. Антиправительственный.

— Не впадайте в панику, утром разберемся. Будьте у себя в конторе в обычное время и ничего не предпринимайте без моего звонка.

— У нас сейчас работает лишь один телефон. 76-62-41.

— Перенесите его в свой кабинет. Я свяжусь с вами до обеда. И не паникуйте. О'кэй?

— О'кэй.

В трубке раздался частые гудки, а советник посольства США в Португалии Эберт Окун, задумавшись, не клал ее на рычаг.

«Нужно было прямо сказать ему, что он болван», — произнес вслух Окун, и эти слова относились не к мелкой сошке Аллану, а к его превосходительству Чрезвычайному и Полномочному Послу Соединенных Штатов Америки в Португальской Республике Стюарту Нэйш Скотту.

В отличие от обстановки, сложившейся на протяжении многих лет в большинстве посольств Соединен-

ных Штатов, где процветало соперничество между сотрудниками ЦРУ и персоналом военной разведки Пентагона, в посольстве США в Лиссабоне обе службы поддерживали между собой довольно тесные контакты, не ставя друг другу подножек.

Вот некоторые из донесений военного атташата, ставшие известными Окуну...

26 октября 1973 года военный атташе информировал свое начальство в Пентагоне о слухах по поводу брожения среди офицеров португальской армии.

8 ноября того же года в Пентагон ушла шифровка, где говорилось, что 860 армейских капитанов подписали документ протеста против политики, проводимой правительством Марсело Казтану в африканских колониях Португалии. Сообщив об этом факте, военный атташе высказывал мнение, что недовольные капитаны не собираются совершать революцию, а лишь являются сторонниками более гибкой политики.

В феврале 1974 года военный атташе информировал Пентагон о мерах, принятых португальским правительством в отношении 1500 молодых офицеров, подписавших еще одну петицию, направленную правительству в декабре 1973 года.

В свою очередь, Эберт Окун делился с военным атташе сведениями о левых элементах в вооруженных силах Португалии — ведь главной задачей агентов ЦРУ в Лиссабоне являлся сбор и обработка информации о всех оппозиционных силах, действующих на Иберийском полуострове — и в Испании и в Португалии, — а также координация контактов с ультраправыми организациями в обеих странах.

Окун — главный резидент Центрального разведывательного управления США в Португалии — не отчитывался перед послом Стюартом Скоттом о своей деятельности, но иногда подбрасывал ему информацию. Так, еще в начале марта он предупредил посла о брожении среди молодых офицеров португальской армии. Аналогичное предупреждение поступило к Скотту и от военного атташе. Однако посол был настроен чересчур благодушно и, как попугай, твердил о прочности режима Марсело Казтану. Когда 16 марта Окун пришел к послу сообщить о попытке переворота, то Скотт с улыбкой сказал ему: «Любезный Эберт, я оказался прав. У военных мальчишек, фантазеров-идеалистов, ничего не вышло и не могло выйти. Ваши опасения насчет разных «брожений» имели под собой, без сомнения, какую-то почву, но, как видите, все оказалось не так уж страшно. И мы правильно информировали Вашингтон о прочности режима. Правда, я не в курсе дела, о чем вы сообщали своему начальству, но ведь между нами всегда было согласие».

«Согласие»... Окун даже плюнул от возмущения, вспомнив этот разговор. Нет, генеральный директор ЦРУ Уильям Колби получал от него отнюдь не убаюкивающие депеши, и наверняка в Лэнгли придерживались его мнения, а не мнения Скотта.

Эберт Окун имел основания так думать, потому что за его плечами был более чем двадцатилетний стаж службы в американской разведке, службы, проходившей не в тиши кабинетов за синими, красными и желтыми дверями коридоров «А», «Б» и «С» территориальных отделов ЦРУ, а все время на оперативной, горячей работе.

Способный к изучению языков, Эберт Окун прекрасно говорил по-русски и по-немецки, владел португальским, испанским, французским. Родился он в 1930 году, а когда ему исполнилось 22 года, вступает в американскую армию, уже числясь в штатном расписании Центрального разведывательного управления США.

Не прошло и трех лет, как в 1955 году Окун переводят на службу в государственный департамент и посылают в Мюнхен. Там он действует как офицер по связи между ЦРУ и в то время секретной антикоммунистической службой, находившейся под руководством гитлеровского подполковника Рейнхарда Гелена.

С 1959 года круг обязанностей Эберта Окун расширяется. Ему поручают сбор секретной информации у агентов ЦРУ, действующих в различных странах.

К 1964 году Эберт Окун перебазирован в бразильскую столицу Бразилию, где числится на должности консула. В то время американской разведывательной службой в Бразилии руководил полковник Вернон Уолтерс, с которым у Окун сложились самые тесные отношения. Под руководством Уолтерса Окун принимает активное участие в подготовке военного переворота в Бразилии, являясь связным между Уолтерсом и возглавлявшим переворот бразильским маршалом Умберто Кастело Бранко. 1 апреля 1964 года законное правительство Бразилии, возглавлявшееся президентом Жоао Гулартом, было свергнуто. За участие в этой операции Эберт Окун получает повышение по службе.

До появления в Португалии Окун обосновывается в Неаполе, где занимает пост специального советника при Южном командовании НАТО. Таков послужной список руководившего деятельностью сети ЦРУ в Португалии Эберта Окун к моменту описываемых событий.

...Окун включил приемник, посмотрел на часы. Четырнадцать минут шестого. Быстро прошелся указателем по шкале. На волне «Радио — клубе португеш» — бравурная мелодия марша. Через минуту музыка обрывается, и слышен голос диктора: «Говорит командный пост Движения вооруженных сил. Внимание

всех, принадлежащих к полиции и военизированным подразделениям! После того как вооруженные силы приняли решение взять на себя ответственность за нынешнее положение, впредь будет считаться серьезным преступлением со стороны военизированных подразделений и полиции оказание какого-либо сопротивления вооруженным силам, которые окружили город Лиссабон. Военизированные подразделения и полиция должны в дальнейшем находиться в своих казармах до получения нового приказа от Движения вооруженных сил».

В семь часов утра Эберт Окун вывел из гаража машину. Как обычно, в такое раннее время улицы были пустыни. Проехав по проспекту 24 июля и свернув на проспект Инфанте Санту, Окун было притормозил, подумав, не заскочить ли на улицу Сакраменто ду Лапа, где находилась резиденция посла, но потом махнул рукой и поехал дальше: старик наверняка уже сидит в посольском кабинете, уткнувшись носом в приемник.

Ровно в половине восьмого Окун вошел в кабинет посла, где уже находились все руководящие работники. Как раз в этот момент по радио начали передавать очередное коммюнике. «Говорит командный пост Движения вооруженных сил. Как уже сообщалось, вооруженные силы провели сегодня на рассвете ряд акций, ставших своей целью освобождение от режима, который столько лет господствовал в нашей стране. Убеденное в том, что выражает истинную волю нации, Движение вооруженных сил будет и дальше осуществлять свою освободительную миссию. Да здравствует Португалия!»

— Что вы скажете на это, Эберт? — спросил Стюарт Скотт, нервно потирая руки. — Вы считаете, что возможен поворот влево?

— Раз вправо двигаться некуда, то единственная альтернатива — влево.

— Вы исключаете естественную в таких ситуациях простую смену верхушки?

— Господин посол, вы не обратили внимания на одну фразу только что переданного коммюнике этого никому не известного Движения вооруженных сил — «Вооруженные силы провели ряд акций, ставящих целью освобождение от режима». Не от Марсело Казтану, а от режима.

— Если это не секрет фирмы, вам известен кто-либо из этого, как его, «Движения»?

— Радиостанции еще не упоминали ни одного имени. Уверен лишь в одном: как сказали бы французы — «шерше ля коммунизм». А сейчас, прошу извинить, необходимо предпринять некоторые превентивные меры, поэтому я покину вас. И как только появятся какие-либо новости, немедленно поставлю в известность.

В полдень у подъезда дома под номером 10 на проспекте Жулио Диниш остановилась автомашина с обычным городским знаком. Из нее вышел Эберт Окун и, подойдя к двери, нажал верхнюю левую кнопку переговорного устройства. Кто-то поднял трубку.

— Аллан?

— Слушаю вас.

— Это Эберт.

Щелкнул замок, и дверь открылась. Окун вошел в лифт и поднялся на верхний, 5-й этаж. Там его поджидал невзрачного вида мужчина лет пятидесяти.

— Мистер Окун, я не думал, что вы приедете сами...

— Шут их знает, кто сейчас сидит на телефонной станции. Может, и ко мне и к вам уже подключились. Есть сейчас кто-нибудь в конторе? Португальцы явились на работу?

— Нет, здесь только четверо наших.

— Прекрасно. Ситуация пока не ясна, но мы не можем ставить себя под удар и должны сегодня же, пока в городе царит полная неразбериха, принять меры предосторожности. Все копии документов уничтожить немедленно. То, что может пригодиться, до вечера перебросить в Сетубал на «Аполло». Пошлите телекомом шифровку филиалу в Фуншале и передайте мое распоряжение провести полную чистку всех помещений. Шифры пусть сожгут, а те, что здесь, унесите ко мне домой. Надеюсь, в ближайшие дни новые власти не станут шарить по квартирам дипломатов. Понятно?

— Понятно, но двумя или тремя машинами ехать в Сетубал небезопасно, а в одной и за два рейса все не перевезти.

— Тогда уберите все до единой бумаги из комнат, где работают португальцы, и отнесите их во вторую квартиру. Но в ближайшие дни придется все перевезти на «Аполло». Действуйте и вечером приходите ко мне домой, доложите, как прошла операция. Только без звонка.

Окун вышел, закрыв за собой дверь, на которой виднелась медная табличка с надписью «СИНДУКТА — Консультореш Индустриаш, Лимитада».

СИНДУКТА являлась португальским отделением компании ОТК.

Калифорнийское общество «Оперейшн энд транспорт корпорейшн, лимитед», которое впредь мы будем называть ОТК, согласно официально данным, было образовано за шесть лет до описываемых здесь событий. ОТК называла себя «компанией, которая создана для представления консультаций всевозможным компаниям в любых странах земного шара». Фирма была зарегистрирована в Панаме и имела филиалы в ряде стран. У руководства ОТК, согласно данным, предстваленным фирмой, стоит триумvirат в составе Брайана Александера Ливингстона, Барри Нельсона Уотсона и Джойса Пофамы. Кто эти люди — неизвестно. Два журналиста из итальянского журнала «Еуропа», Коррадо Инчерти и Сандро Оттолени, попытались разыскать их, но им был дан лишь номер почтового ящика в Соединенных Штатах, абонированного фирмой ОТК. После проверки оказалось, что ни одно из перечисленных лиц не значится проживающим в Соединенных Штатах.

Согласно разъяснениям служащих ОТК, в задачу фирмы входит предоставление консультаций правительствам, торговым компаниям, государственным деятелям, служителям церкви, воинским подразделениям, органам обеспечения безопасности и частным гражданам. Цель консультаций — обучить персонал умению наиболее рационально вести дела; ликвидировать дефицит, находить новые рынки.

В проспекте ОТК говорится: «Мы заявляем о своей готовности устранить любое административное затруднение, каким бы оно ни было». Однако ни в Португалии, ни в Испании, где имелись отделения ОТК, не удалось разыскать ни одного клиента, который пользовался бы услугами фирмы!

В ноябре 1972 года ОТК открыла в Лиссабоне отделение, арендовав последний этаж уютного дома, фасад которого облицован кафелем, на небольшой улочке, носившей название «проспект Жулио Диниш», неподалеку от стадиона «Кампу пекену», предназначенного для проведения корриды — боя быков.

СИНДУКТА (так стало называться отделение ОТК в Лиссабоне) вскоре организовала филиал на португальском острове Мадейра, в городе Фуншал. Руководителя отделения ОТК в Лиссабоне никто не знал, и все дела вел вице-директор СИНДУКТА американец Гарн Вернон Титус.

Но вернемся к событиям 25 апреля 1974 года.

В пять часов вечера из гаража, расположенного в подвальном помещении дома, где находилась СИНДУКТА, выехал «пикап» и направился в сторону моста имени Салазара. По другую сторону моста обе ленты шоссе перегораживали несколько шлагбаумов, и возле каждого из них круглые сутки сидели контролеры, взимавшие с автомобилистов плату за проезд через мост. На этот раз, вероятно, впервые с августа 1966 года, когда было закончено строительство и открыто движение по мосту, контролеры около шлагбаумов отсутствовали, а на шоссе командовали движением человек десять солдат в маскировочных комбинезонах с автоматами в руках. Солдаты проверяли документы у водителей и пассажиров.

Шофер «пикапа» и сидевший рядом с ним пассажир предъявили итальянские паспорта и водительские права.

— Куда направляетесь? — поинтересовался молодой сержант.

— В Сесимбру, — улыбаясь, ответил водитель. — На день рождения к одному португальскому другу.

— Что же вы, — укоризненно произнес сержант, — в такой момент, когда мы скинули фашистский режим, и уезжаете из столицы?

— Откровенно скажу, — ответил пассажир, — если бы мы знали вчера о том, что произойдет сегодня, то наверняка эта поездка не состоялась бы.

— Что ж, желаю хорошо повеселиться. «Пикап» тронулся, а сержант уже подходил к следующей машине.

Шоссе было почти пустое, и за час доехали до Сетубала. Проезжая проходную сетубальского порта, водитель Карло лишь чуть-чуть снизил скорость и помахал рукой знакомому вахтеру. Шофер «пикапа» поменьше мере раза три в неделю навещался сюда в порт в последние два-три месяца.

У одного из причалов стояла яхта «Аполло», которую связывали с СИНДУКТА наитеснейшие узы.

В порту «Аполло» трудно было не заметить. Ослепительно белого цвета с золотистой полосой по борту, красавица яхта выглядела королевой, неизвестно как и почему попавшей в общество замызганных, почерневших от старости и невзгод плывунов — сухогрузов, неуклюжих буксиров и танкеров.

Лихо развернувшись на пятачке причала, «пикап» остановился у трапа, спущенного с борта яхты. Вахтенный, шурясь от яркого солнца, узнал гостей и сообщил кому-то на палубе: «Скажите дежурному офицеру, что Карло приехал и съездил Марию».

— Хосе, — запрокинув голову, обратился к вахтенному Карло, — пусть выделит четырех человек. Нужно груз перенести. И учти, дело срочное, на разгрузку дается не больше пяти минут.

Ко времени описываемых здесь событий «Аполло»

¹ Резиденция Центрального разведывательного управления США.

уже исполнилось 36 лет. Возраст почтенный для любого мало-мальски себя уважающего судна. А «Аполло» по праву мог претендовать на определенную роль в истории. Сойдя со ступеней английских верфей в 1938 году, «Ройал скотмен», как тогда был окрещен корабль, должен был бы использоваться как корабль поддержки. Но вскоре началась вторая мировая война, и на борту «Ройал скотмен» разместились английской и американской штабы военно-морского флота. В то время экипаж корабля состоял из 50 человек — вполне достаточный для боевой единицы водоизмещением всего лишь в 3200 тонн.

Военно-морская часть биографии «Ройал скотмен» завершилась в 1968 году, когда его приобрела в собственность известная нам компания ОТК. Экипаж яхты (потому что, по существу, это яхта, причем, вероятно, ее можно считать самой большой яхтой в мире) увеличили в пять раз, и теперь личный состав ее насчитывал 300 человек. «Ройал скотмен» перестал существовать, сменив название на «Аполло». Яхту модернизировали и установили на ней самые современные средства связи и навигационное оборудование. Затем на корме подняли флаг государства Сьерра Леоне, но вскоре сменили его на панамский. «Аполло» являлся флагманским кораблем флота, принадлежащего ОТК, которая владела и двумя другими кораблями («Афина» и «Диана»).

Район действий «Аполло» — побережье стран Западной Европы, Северной Африки и Средиземноморья. Из портов Иберийского полуострова «Аполло» предпочитал находиться в португальских портах Лиссабон, Сетубал, Лейшоеш и испанском порту Виго, а также порту Фуншал на португальском острове Мадейре и порту Санта-Крус-де-Тенерифе на принадлежащих Испании Канарских островах. С февраля 1972 года по 1974 год «Аполло» в общей сложности стоял 332 дня в Лиссабоне, 181 день в Сетубале, 112 дней в Фуншале и 45 дней в Лейшоеше!

На борту «Аполло» постоянно находились одна группа спортсменов и две артистические группы: «Трубадуры «Аполло», «Звезды «Аполло» и «Звезды танца». Но главное, там имелись сейфы, в которых хранились 150 тонн документов. О документах я расскажу несколько ниже, а что касается артистических коллективов, то они выступали с концертами перед приглашаемой на яхту местной публикой в портах пребывания, а в то время как специальный персонал устанавливал контакты, завязывал связи и занимался «социологическими исследованиями». По сообщениям печати, «Аполло» крейсировал у берегов Чили перед фашистским путчем и свержением конституционного правительства Сальвадора Альенде, «Аполло» находился у берегов Греции во время переворота, организованного «черными полковниками». После 16 марта 1974 года, когда имела место попытка военного переворота в Португалии, «Аполло» вошел в порт Сетубал. Одним словом, эта яхта обладала одной удивительной особенностью — появляться всегда у берегов тех стран, где происходили какие-нибудь события, связанные с возможным изменением существующего режима.

Летом 1974 года журналисту лиссабонской газеты «Диариу Популар» Силва Моура удалось совершить небольшую экскурсию по «Аполло». Вот выдержки из репортажа...

«Меня поразила прежде всего служба связи: около десятка телетайпов, действующих круглые сутки и передающих закодированную информацию, являющуюся сплошной абракадаброй для людей непосвященных. Как объяснили сопровождавшие меня сотрудники ОТК, в частности сам капитан Уильям Робертсон, закодированная информация пересылается по телетайпам в главную контору компании. Я проходил по коридорам, заставленным бронированными сейфами, в которых, как мне любезно сообщили, хранятся картотеки. Я шел мимо кают, в которых работали десятки людей, сидевших за столами, заваленными бумагами и заставленными телефонами, а также радиотелефонами. Я, конечно, спрашивал, что это все означает, и мне отвечали, что информация, отправляемая по телетайпам, закодирована для того, чтобы уменьшить расходы на отправку фбч-ных многословных сообщений и что информация отправляется в Соединенные Штаты и там помещается в архивы предприятий и организаций, которые обращались и продолжают обращаться в настоящее время в ОТК за консультацией и помощью. Работу на яхте ведут специалисты ОТК в областях, связанных с методами управления и рекламой. В большинстве своем это граждане США, а также мексиканцы, итальянцы, немцы, аргентинцы и, естественно, испанцы и португальцы. Несгораемые шкафы и сейфы нужны для хранения конфиденциальных документов, получаемых от клиентов, и ОТК гарантирует стопроцентное сохранение секретности, даже «от любой полиции». Большое количество телефонов и радиотелефонов необходимо для поддержания и обеспечения связи с клиентами, на которых ОТК работает в настоящее время. Однако что это за фирмы и компании, мне никто не пожелал сказать».

...Прошла неделя. Первая бурная неделя новой для португальского народа жизни. Не была она простой и для Эберта Окуня и его команды. Они не успевали отвечать на запросы, поступающие из Лэнгли. А тут еще провалы нескольких местных агентов и осведомителей ЦРУ, работавших в ПИДЕ! Правда, их аресто-

вали как сотрудников ПИДЕ, но если начнутся допросы, очные ставки, то не исключена возможность, что кто-нибудь из них проговорится о связях с американским посольством, и тогда начнет раскручиваться веревочка, конец которой может затянуться на шею самого Окуня, и начальство будет вынуждено отозвать его из Португалии. Поэтому, запросив предварительно руководство и заручившись его согласием, Окунь начал реорганизацию своего хозяйства. В частности, деятельность СИНДУКТА сократили до минимума. Оставшиеся документы не стали перевозить на «Аполло», а постепенно переправили на территорию посольства.

Длинный, как крокодил, лимузин, даже не притормозив у проходной, въехал на территорию ЦРУ и нырнул в подземный гараж. Это приехал «сам»: директор Центрального разведывательного управления США Уильям Колби, уже около года занимавший столь ответственный в бюрократическом аппарате Соединенных Штатов пост.

Он не был пришлым элементом в системе ЦРУ. В 1971 году Колби непосредственно занимался осуществлением в Южном Вьетнаме «Операции Феникс», в результате которой погибло более 20000 вьетнамских гражданских жителей, в основном женщин и детей. Рвение ответственного за массовые убийства было замечено начальством: Уильяма Колби назначили руководителем отдела «грязных трюков», разрабатывавшего и осуществлявшего операции против правительств и государственных руководителей других стран. В середине 1973 года он возглавлял лично одну из таких операций — против правительства Сальвадора Альенде.

Колби вышел из машины и поднялся на лифте к себе на седьмой этаж. В этом крыле ЦРУ расположено пять лифтов, но одним из них, который поднимается из гаража без остановок прямо на седьмой этаж в кабинет Директора, пользуется только глава шпионского ведомства.

Нажав кнопку, Колби вызвал помощника.
— Разыщите Уолтерса. Пусть немедленно придет.
— Слушаюсь, сэр. За ваше отсутствие был звонок от государственного секретаря. Я сказал, что вы будете в 15 ноль-ноль.

— Спасибо. Да. Уильям Нелсон на месте? Хотя я сам к нему позвоню. Можете идти.

Уильям Нелсон был заместителем директора ЦРУ по операциям.

Колби посмотрел на часы: три минуты четвертого. Взял трубку правительственной связи, набрал номер госсекретаря.

— Это Колби, добрый вечер, слушаю вас... Да, я внимательно знакомлюсь со всеми донесениями, поступающими от Скотта... Нет, на мой взгляд, он на многие вещи смотрит сквозь розовые очки... Сейчас, пожалуйста, отзывать Стюарта Скотта чуть рановато... Через две недели я дам вам информацию, полученную из первых рук... Нет, не поздно. Две недели ничего пока не решают... Бай-бай.

Колби повесил трубку, задумался, снял очки, медленными движениями тщательно протер стекла. В кабинет вошли два заместителя — генерал Вернон Уолтерс и Уильям Нелсон.

— Прошу садиться, — произнес Директор. — Не кажется ли вам, что пора несколько активизировать нашу деятельность?

— Какую же сторону нашей деятельности желательно активизировать? — вопросом на вопрос ответил Уолтерс.

— Речь идет о Португалии. — Директор сел в кресло, закинув ногу на ногу. — Я считаю необходимым уже сейчас начать подготовку именно к активным действиям. В качестве первого шага создадим «Португальскую оперативную группу»¹. Это входит в вашу компетенцию, Уильям. Подберите для нее толковых руководителей. Пусть комплектуют персонал. Для начала выделим человек восемьдесят, а потом будет видно. Вас же, генерал, — шеф повернулся к креслом к Уолтерсу, — я попросил бы совершить поездку в Португалию.

Через день генерал Вернон Уолтерс летел в Париж, чтобы там пересечь в самолете португальской компании ТАП, совершающий рейсы между французской столицей и Лиссабоном. Из аэропорта Портала он направился в отель «Шератон», где ему уже был забронирован номер.

Кто же такой Вернон Уолтерс? Прежде чем сесть в кресло заместителя директора ЦРУ, он преодолел все ступеньки родственной ЦРУ организации — военной разведки. Уолтерс был особенно доволен своей деятельностью в Бразилии, где, будучи в чине полковника, занимал пост военного атташе посольства США и руководил службой разведки в Рио-де-Жанейро. Под его началом в треугольнике Рио — Сан-Паулу — Бразилия находилось около 900 «специалистов». В марте 1964 года Вернон Уолтерс возглавил проведение

¹ «Оперативные группы» создаются ЦРУ для планирования и проведения быстрых и активных действий в «горячих точках» планеты. Так, в 1960 году была создана такая группа по Конго, в 1962 году действовала «оперативная группа» по Кубе, в 1973-м — по Ливии, в 1975-м — по Анголе.

самой крупной в своей жизни операции, где на карту была поставлена судьба ключевой страны Южной Америки — Бразилии. Полковник Уолтерс с первых шагов заговорщиков был в курсе всех их планов, за несколько часов до путча он еще раз встретился с одним из его бразильских руководителей, генералом Луисом Карлосом Гэдесом, уточнив все мельчайшие детали и дав «добро» «начинать операцию». Так в Бразилии была установлена военная диктатура, и Вернон Уолтерс несказанно гордился своей ролью в «операции 1 апреля».

Вечером в день прибытия в Лиссабон генерал Вернон Уолтерс созвал в посольстве совещание, в котором участвовало около десятка сотрудников ЦРУ. Среди них были Эберт Окунь, Джон Морган, Джеймс Лоулер, второй секретарь посольства консул Антони Арредондо, Лесли Илигус и Филипп Снел.

Уолтерс проанализировал донесения, посланные резидентурой ЦРУ из Португалии, а также из других стран, но касающиеся португальской проблемы, затем дал оценку деятельности агентов ЦРУ, работавших под «крышей» посольства, ответил на заданные вопросы, определил первоочередность задач.

— Ту работу, ради которой вы находились здесь, в Португалии, — сказал Уолтерс, — нужно продолжать и в настоящее время, только все делать наоборот.

Заметив удивление на лицах кое-кого из присутствующих, генерал почему-то обратился к «консулу» Антони Арредондо:

— Вот вы, мистер Арредондо, какую задачу считали главной в своей работе?

— Главная задача, стоявшая перед всем нашим коллективом, заключалась в оказании помощи нашим португальским коллегам в их борьбе против подрывной коммунистической деятельности, и потом мы считали, что находимся в центре, где координируются все антикоммунистические акции в романских странах Европы и аккумулируются все данные, связанные с такими акциями, — без малейшей заминки произнес Арредондо, как будто только и ждал такого вопроса.

— Верно, так вас инструкторовали, направляя сюда, этой цели вы отдавали свои силы и знания. Причем в военной среде в основном действовали наши коллеги военные, а мы занимались строго определенным делом: давали рецепты по коммунистическому противоядию. А теперь все вывернулось наизнанку. Кто сейчас вздумает, если он не душевнобольной, выявлять коммунистов? Или социалистов? Вон они шатаются по городу совершенно открыто, с красными флагами, горланя песни. Раньше мы спокойно ходили по солнечной стороне улицы, а они действовали из подполья. Теперь же все наоборот. Они ходят по солнечной стороне улицы, а нашим друзьям приходится действовать из подполья. Правда, еще не действуют, потому что никакого подполья за минувшие две недели не создали. И наша сейчас главная задача показать этим людям, что мы их не забыли, что они нам нужны и что мы поможем им создать это подполье для борьбы с коммунистами. Работать будет более хлопотно, чем раньше. Предупреждаю: спокойная жизнь кончилась. Пока кончилась. Кто стремился добиться назначения в Португалию, чтобы нагуливать здесь жирок, загорая на пляже рядом с Силва Паишем¹, тот сейчас же пусть пишет докладную с просьбой об отставке... На этом наше совещание закрываю, прошу остаться Эберта и Джона Моргана. Остальные могут идти.

— На сегодняшний день, — сказал Уолтерс Окуню и Моргану, — Португалия — наш самый горячий участок. Подписан приказ о создании «Португальской оперативной группы». Вчера нас с Директором принял президент. Разговор шел только о Португалии. Вы так расписывали в ваших шифровках антикоммунизм Спинолы, что мы с Колби решили предложить сделать ставку на него. Хотя бы на первое время. Потом фигуру можно будет сменить.

Генерал Уолтерс вынул из внутреннего кармана маленькую записную книжку, не спеша перелистал ее, что-то подчеркнул ногтем, посмотрел на Окуня, приглаживавшего свои рыжие волосы:

— Два маленьких вопроса, Эберт. Каковы ваши предложения в связи с «Аполло» и что намереваетесь делать с этим, как его, «Ажинтерпресс»?

— СИНДУКТА свернула деятельность и передает на «Аполло» лишь коммерческую информацию. Яхту пока никто не беспокоит. Что касается людей из «Ажинтерпресс», то мы с первого мая не поддерживаем с ними контактов. Им нужно перебазируться или в Испанию, или, что еще лучше, во Францию.

— Меня интересует не то, куда они перебазируются, а то, что у них есть компрометирующие нас материалы. Эти антикоммунистические террористы, без сомнения, полезные люди, но достаточно беспечные. К тому же в этом «Ажинтерпресс» много не профессионалов, а любителей. Нужно, не откладывая это ни на один день, послать к ним нашего человека забрать все до одной бумажки, которые им

¹ Силва Паиш — руководитель португальской охраны ПИДЕ.

давал кто-нибудь из наших. Вы в одной телеграмме сообщали, что все, касающееся связей с нашими людьми, хранится в «Ажинтерпресс» в отдельной папке, находящейся в сейфе?

— Да, генерал.

— Вот пусть эта папка с завтрашнего вечера уже хранится в вашем сейфе. Понятно?

— Понятно, генерал.

— Перейдем теперь к текущим делам. Подготовлены у вас встречи с людьми, о которых я сообщал в последней телеграмме?

Окун (вопрос был обращен к нему) вынул из ящика письменного стола папку, где лежал один-единственный листок бумаги, и подал его Уолтерсу:

— Пока четыре встречи. Войдите в наше положение, генерал: шифровку о вашем прилете мы получили лишь вчера в восемь часов вечера, одновременно с планом программы пребывания. Но за завтрашний день будут подготовлены еще три встречи. Основные. Местные финансовые тузы. А там, если на то будет ваше согласие, пойдет по принципу цепной реакции.

...Через неделю после многочисленных встреч Уолтерс вылетел из Португалии. Но направлялся он не в Вашингтон, а в Брюссель. Потому что очередной тур переговоров, касающихся будущих операций в Португалии, должен был быть проведен именно в бельгийской столице.

Читателю может показаться странным, почему Вернон Уолтерс избрал столь кружной путь для возвращения в Вашингтон. Может быть, заместителю директора ЦРУ захотелось посмотреть на оставшийся после Всемирной выставки «Атомium» или полюбоваться на прекрасный собор Сен-Мишель-э-Гюдюль?

Нет, генералу Уолтерсу чужды прелести архитектуры и вообще он никогда не страдал от избытка возвышенных эмоций. В Брюсселе генералу назначил встречу Гарольд Генин — президент административного совета могущественной североамериканской монополии ИТТ («Интернешнл Телефон энд Телеграф Корпорейшн»).

Правда, штаб-квартира ИТТ находится в Нью-Йорке, на Парк-авеню, 32, и Генин мог бы спокойно переговорить там с Уолтерсом в своем кабинете на 12-м этаже серого небоскреба ИТТ. Но у президента как раз в эти дни нашлись какие-то срочные дела в Брюсселе, и когда он предложил Вернону Уолтерсу встретиться в бельгийской столице, то заместителю директора ЦРУ поблагодарил и, естественно, не мог не согласиться. Потому что заказывает музыку тот, кто платит, а в отношениях между ЦРУ и ИТТ шпионское ведомство выступало в роли подрядчика, монополия же — в роли заказчика. Раз заказчик просит прибыть в Брюссель — значит нужно лететь именно в Брюссель.

В Португалии на апрель 1974 года ИТТ владела рядом предприятий и компаний. Назову 7 основных: 1. Стандарт Электрика. 2. ИТТ Семикондукторес. 3. Рабор — Конструсаеш Электрикас. 4. Отейш Шератон ди Португал. 5. Олива — Индустиаш Металлуржикас. 6. Олива Комершиал. 7. Импримарте — Публика-соиш э Артес-Графикас.

Общая сумма капитала этих предприятий составляла примерно 40 миллионов долларов, а число рабочих и служащих около семи тысяч человек. Для масштабов операций ИТТ, привыкшей ворочать сотнями миллионов долларов, капиталовложения в Португалии составляли мизерную сумму. Но она принадлежала ИТТ, которая привыкла задавать тон в любой стране, куда удавалось закинуть щупальца. И когда ее «деловому престижу» грозила опасность, ИТТ начинала действовать, не гнушаясь самых грязных методов.

В ЦРУ с особым почтением относились к ИТТ и, разрабатывая планы дестабилизации экономики какой-нибудь страны, организовывая экономический саботаж, ЦРУ всегда в первую очередь обращалось за советом и помощью к ИТТ. Так было в Чили во время заговора против правительства Народного единства, подобная операция планировалась и против новых португальских властей. Вот зачем прилетел Уолтерс в Брюссель, к Гарольду Генину.

Гарольд Генин, шестидесятичетырехлетний президент ИТТ, начал карьеру финансового дельца с «поста» мальчика на побегушках при брокерах биржи Нью-Йорка еще в 1926 году и тридцать три года спустя сменил Состенса Бена на посту президента административного совета ИТТ. Покровительствуя политикам из республиканской партии, Генин оказывал влияние на министров и генералов, а те, в свою очередь, содействовали ИТТ в получении выгодных заказов от Пентагона. Что же касается ЦРУ, то между Уильямом Колби и Гарольдом Генином существовали самые дружеские отношения, о чем прекрасно был осведомлен генерал Вернон Уолтерс.

В кабинете бельгийского филиала ИТТ шел нетопливый разговор.

— Я понимаю, дорогой генерал, ваше стремление поскорее начать хотя бы превентивные действия, которые могли бы послужить отправной точкой для движения в желательном для нас направлении. Но, — Генин откинулся на спинку кресла и развел

руками, — всякая спешка в деловых операциях чревата пагубными последствиями, и каждый шаг необходимо тщательно взвесить. Вот вы говорили об оказании давления на португальскую экономику. Действительно, расшатать ее особого труда не представляет, потому что при прежнем режиме она и так, без нашей помощи, была, так сказать, в «расшатанном» состоянии. А что это даст?

— Мне кажется, мистер Генин, все довольно просто: когда рухнет экономическая структура, то падает режим, находящийся у власти в момент падения этой экономической структуры.

— Вы правы лишь частично, друг мой. Режим падает, если он является первопричиной банкротства, то есть сотворил сам такую структуру. А нынешних капитанов из Движения вооруженных сил мы в таких действиях обвинить не сможем.

— Но в Чили...

— Не советую сравнивать Чили с Португалией. Вернее, ставить их на одну доску. Там чрезвычайно сильны крупные иностранные компании. В Португалии же практически таковых не существовало. Например, наши интересы не превышают там пятидесяти миллионов долларов. Это же ничтожная сумма для ИТТ. Кроме того, один и тот же ход не советую делать дважды.

— Значит, по вашему мнению, экономической давлению на Португалию отпадает?

— Не нужно быть столь категоричным. Этот рычаг мы не сбрасываем со счетов, но он будет рычагом вспомогательным, второстепенным. Например, можно попробовать провести операцию «Стимулирование недовольства». Суть ее очень несложна. Не помню точно, но, кажется, месяца три или четыре тому назад мне дали на просмотр бумагу, где говорилось о выступлении рабочих одного из наших португальских предприятий. Это, как обычно, набившее оскомину требование о повышении зарплаты. Все желают меньше работать и больше получать за безделье. Как правило, я категорически запрещаю давать мне на просмотр такого рода бумаги, но здесь был особый случай, когда наш представитель приложил к бумаге свое особое мнение, в котором просил, в виде исключения, разрешить пойти на прибавку зарплаты ради укрепления позиции какого-то министра из кабинета Марселу Казтану, который выступал участником переговоров рабочих с нашей дирекцией. Конечно, я наложил отрицательную резолюцию. К чему я клоню? Безусловно, сейчас в Португалии пройдет волна требований о повышении зарплаты, а государственная казна, как я знаю, пуста. Наши предприятия такая волна не минует. Как нам следует поступать? Рабочие станут добиваться повышения зарплаты на 40 процентов, а мы увеличим им зарплату на 240 процентов. Подумаешь, что значит для нас, для ИТТ пять или десять миллионов долларов! Тогда на других предприятиях тоже станут требовать увеличения зарплаты в два с половиной раза. Новые власти не в состоянии удовлетворить подобные абсурдные требования. Начнется недовольство новым режимом, столкновения, забастовки. Мелкие и средние предприятия станут лопаться, как мыльные пузыри. А дальше вы лучше меня знаете, что нужно будет предпринимать, какие рычаги гнуть в ход.

— И самое время начинать именно сейчас, когда в стране царит полная, на мой взгляд, неразбериха.

— Считайте, что администрация ИТТ в Португалии начнет проводить операцию уже со следующей недели.

Генин сделал пометки, раскрыв лежавший на столе бювар.

— Как будто, — довольным тоном произнес он, — мы обсудили интересующие нас проблемы. Когда вы думаете вылететь из Брюсселя?

— Сегодня же вечером, — ответил Уолтерс.

— Жаль. Завтра днем я вылетаю в Нью-Йорк своим самолетом. Очень был бы рад, если бы вы смогли составить мне компанию.

— К сожалению, на утро в Ленгли назначено важное совещание, на котором мое присутствие необходимо.

Вернон Уолтерс поднялся с кресла. Генин тоже встал, проводил гостя до двери и, дружески потрепав Уолтерса по плечу, пожелал ему мягкой посадки в Вашингтоне.

Удобно расположившись около иллюминатора, Уолтерс накрыл ногу пледом и, подложив под голову пару маленьких подушек, откинул спинку сиденья до упора. В первом классе он оказался единственным пассажиром. Нажал кнопку вызова стюардессы. Попросил принести последний номер «Интернешнл геральд трибюн» и двойную порцию виски со льдом.

Как и следовало ожидать, никаких новых для Уолтерса информации из Португалии в газете не было. Интересно, чем занимается в данный момент Окун? Сейчас в Лиссабоне восемь часов вечера. Наверно, сидя дома, тоже пьет виски.

...Уолтерс не угадал. Окуну было не до виски.

Тихая, крутая улочка Дас Прасас за все долгие годы

существования никогда не была столь многолюдна, как в то утро 22 мая. Грузовик с автоматчиками, въехав в нее, остановился около дома под номером 13. Спрыгнув с машины, вооруженные солдаты вошли в подъезд и открыли дверь, возле которой висела табличка «Ажинтерпресс».

Не прошло и минуты, как возле дома столпилось около сотни зевак. Одни утверждали, что в «Ажинтере» обнаружили склад оружия. Другие клялись, что видели своими глазами, как солдаты, войдя в помещение, набросились на двух до зубов вооруженных мужчин и стали связывать их. Как обычно бывает, слухи не соответствовали истине.

Конечно, никакого склада оружия в «Ажинтере» не было. Солдаты же прибыли, потому что из арестованных агентов ПИДЕ, содержавшихся в крепости Кашиа, несколько человек, давая показания, упоминали агентство «Ажинтерпресс», которое, по их словам, действовало в полном контакте с ПИДЕ и выполняло задания охраны. Такие признания невозможно было оставить без внимания. Комитет по ликвидации ПИДЕ распорядился провести обыск в агентстве, расположенном в доме 13 на улице Дас Прасас. Тут же была выделена группа автоматчиков под командованием лейтенанта Кошта Коррея провести инвентаризацию и внимательно изучить привезенные документы.

Закончив обыск, лейтенант Матос приказал погрузить все обнаруженные документы и другие вещественные доказательства в грузовик и вернулся в форт Кашиа. Там часть конфискованного имущества сложили в небольшую комнату на первом этаже и закрыли на ключ, а досье, папки с вырезками и архив свалили в большом зале около лестницы.

Вечером того же дня майор Абрантеш Серра поручил лейтенанту Кошта Коррея провести инвентаризацию и внимательно изучить привезенные документы.

Естественно, журналисты — дотошный народ, и, еще когда обыск был в полном разгаре, человек десять репортеров и фотокорреспондентов уже толпились у дверей «Ажинтер», безуспешно пытаясь пробраться внутрь и получить самые свежие новости из первых рук. Убедившись в бесплодности своих попыток, они принялись опрашивать жителей дома, публику, столпившуюся на тротуарах, и одна из вечерних газет успела дать в номер на первую полосу сенсационное сообщение: «Раскрыто шпионское гнездо! Под вывеской «Ажинтерпресс» скрывалось отделение ПИДЕ!».

На самом деле все обстоит гораздо серьезнее. Под вывеской «Ажинтерпресс» скрывался филиал международной неонацистской организации «Порядок и традиция», в уставе которой говорилось, что целью ее является борьба с коммунизмом во всем мире. Конторы «Ажинтерпресс» имелись в Бонне, Женеве, Стокгольме, Риме, Тель-Авиве, Вашингтоне, Буэнос-Айресе, Тайбее, Сайгоне. В Сайгоне оно действовало под непосредственным руководством обосновавшейся здесь Всемирной антикоммунистической лиги, находящейся в ведении Центрального разведывательного управления США. В Сеуле «лига» абонирует почтовый ящик 7173 и расположена в здании Фридом сентер.

В операциях «Ажинтерпресс» с португальской стороны участвовали агенты ПИДЕ, а во Франции, Италии и Испании услугами «агентства» пользовались ультраправые организации.

Во время обыска на улице Дас Прасас в помещении «Ажинтерпресс» были обнаружены матрицы, с которых печатались фальшивые французские удостоверения личности, бланки коммерческих предприятий и водительские права. Там же находилась лаборатория для изготовления самых различных фальшивых документов, множество официальных печатей, в том числе испанских пограничных постов, паспортной службы Парижа, полиции французского департамента Верхняя Гаронна, граничащего с Испанией. Как явствовало из конфискованного в «Ажинтере» досье, руководителем его являлся француз Ив Геран-Серак, разыскиваемый французской полицией и полицией Италии как участник и организатор ряда террористических акций на территории этих государств.

Корреспондент французского журнала «Нуэль обсерватер» Рене Бакман собрал материал о действиях «Ажинтера» во Франции. Вот что он сообщил в своем репортаже: «Во Франции сотрудники «Ажинтера», кроме своей деятельности по сбору информации о французских левых и ультралевых силах, выполняли задания, связанные со слежкой за португальскими эмигрантами, в частности за оппозиционерами режима Казтану, находящимися в эмиграции, за руководителями португальских левых сил... Все это — в тесном сотрудничестве с агентами ПИДЕ, работавшими среди португальских эмигрантов».

Полученные данные о левых силах «Ажинтер» передавала по телексу в Лиссабон, в СИНДУКТА, и оттуда они после предварительной обработки поступали на «Аполло».

Продолжение следует.

СЕРВЕДА ОБИЩАНИЕ

1

Прохор Савельич Баланин, кладовщик совхоза «Орлинский», встал рано. В половине шестого он уже вышел из дома, выпустил кур из сараюшки и, зябко поеживаясь, зашагал по тропинке через залущенный парк. В совхозе начали сбор картофеля, и Баланин торопился. В шесть к складу должны были подъехать машины за ящиками.

Солнце с трудом пробивалось сквозь густой утренний туман, начинающая жухнуть трава серебрилась от росы. «И не выкосил никто, — пожалел Прохор Савельич. — Скотину люди не держат — коров по пальцам пересчитать можно».

Склад помещался в старой церкви с разрушенным куполом. Закрыли церковь еще в тридцатые годы. Все хотели приспособить под клуб, да так и не дошли руки. После войны устроили здесь склад. Сначала хранили капусту и картошку. Несколько лет назад приезжала какая-то комиссия из района. Сказали, что от сырости здание разрушается. Овощи хранить запретили, и теперь там складывали ящики.

У церкви было пусто — не подъехал пока ни один грузовик. Баланин, с трудом поднимая лицо к разрушенному куполу, привычно перекрестился — был Прохор Савельич от рождения горбат, а к старости и совсем скрючился. Ходил, глядя себе под ноги. Открыв огромный амбарный замок, кладовщик вошел в церковь.

«Пока они там чухаются, — подумал Прохор Савельич о шоферах, — я успею дюжину ящиков починить». И пошел было за алтарь взять молоток с гвоздями, но едва не споткнулся о распростертое на полу тело. Баланин хотел выругаться, подумав сначала, что запер с вечера на складе кого-нибудь из деревенских забулдыг, но увидел около головы лежащего лужицу запекшейся крови.

— Этого еще не хватало, — прошептал старик и, опустившись на колени, попытался перевернуть лежащего на спину. Но все его лицо было залито кровью, и Баланин испугался. Ему показалось, что у человека разбит череп.

— Ох ты, господи, беда-то какая, — теперь уже в голос крикнул Прохор Савельич и, поднявшись, побежал к выходу.

К церкви как раз подъехал первый грузовик. Кинувшись к водителю, Баланин замахал руками и закричал:

— Павлик, вылезай поскорее! Человека убили! Шофер не спеша вылез из кабины и с недоверием глядел на старика.

— Из наших, что ли? — Откуда я знаю. Весь в кровищи. Пойдем. — Прохор Савельич дернул шофера за рукав ватника.

Павлик шел с неохотой, и старик все время подталкивал его:

— Давай, давай. Может, он жив еще... Вместе они перевернули лежащего на спину. Это был молодой мужчина с маленькой бородкой и тонкими усиками. Из-под синего старенького халата торчал воротник замшевой куртки.

— Нет, не наш. — Павлик внимательно разглядывал мужчину. — Я его ни разу не видал...

— Никак дышит? — сказал Прохор Савельич. — Ты, Павел, давай его в больницу вези.

— Не надо трогать, — проворчал шофер, — умрет в дороге, потом хлопот не оберешься. Я счас «Скорую» вызову.

— К Филиппычу стукнись, — попросил Баланин. — Все равно мимо поедешь.

Филиппыч, старший лейтенант Владимир Филиппович Мухин, был участковым инспектором и жил в их деревне.

Когда он приехал к церкви на своем мотоцикле, собралось уже довольно много народу: шоферы, женщины, присланные из города в подшефный совхоз на уборку.

— В больницу-то Пашка Гавриков спугался на своей машине везти, — сказал кладовщик, когда они вошли в церковь и старший лейтенант молча остановился около лежащего на полу мужчины.

— И правильно, — хмуро отозвался Мухин. — Сейчас приедут. Я тоже позвонил... Народу много потопталось? — обернулся он к старику.

— Не. Только я да Пашка. И женщина одна, из городских. Объявилась, что доктор, а как посмотрела, так плохо ей стало.

— Не наш, — сказал участковый, покачав головой. Совсем как перед этим сказал шофер Гавриков. — Ты, Прохор Савельич, расскажи-ка, что и как.

— Рассказывать тут нечего. — Баланин прислонился к ящикам. Ему было трудно смотреть снизу на рослого милиционера. — Замок открыл...

— Замок был цел? — удивился Мухин.

— Целехонек. И засов задвинул.

— А ты контрольку в замок ставишь?

— Ставлю. Как же. Хоть и невелико богатство, а поживиться есть чем. Ты, Филиппыч, не сомневайся — все в целости было. И замок и контролька. Я, как наткнулся на него, — старик кивнул на распростертого мужчину, — подумал сперва, что из наших алкоголиков. Забрался с вечера да заснул... Но потом вспомнил: церковь я вчера днем закрыл — с полдня дирекция заседала. Там штаны просиживал...

Приехала «Скорая». Пожилой врач осмотрел раненого, покачал головой. Потом кивнул двум санитарам, стоявшим с носилками тут же.

— Погодите минуту, — попросил старший лейтенант. — Может, документы при нем есть? — Он стал на колени, отвернул полы синего халата, который был на пострадавшем, осмотрел боковые карманы замшевой куртки. В них ничего не было. Потом он сунул руку во внутренний карман, на мгновение замер и тут же вытащил большой черный пистолет. Один из санитаров присвистнул.

— Ничегошеньки! — сказал старик Баланин. — А документа нету?

Участковый несколько секунд смотрел на пистолет в задумчивости, потом, вынув платок, завернул в него и спрятал в сумку. Из другого кармана он вынул два ключа на тонком колечке. Один — маленький, французский, другой — длинный, с какой-то очень сложной бородкой.

— Больше ничего. Вы его везите. Я в больницу наведу вас.

Мужчину унесли. — Ну что, Андрей Петрович? — спросил участковый врача.

— Тяжелый случай. Не по нашим силекам. Тут, похоже, опытный нейрохирург требуется. Сейчас с Гатчиной свяжусь.

Врач ушел. Было слышно, как заурчал мотор, потом, уже издали, несколько раз донесся вой сирены.

— Как же он сюда попал? — задумчиво сказал инспектор, внимательно оглядываясь по сторонам. Всюду высилась горы ящиков, пустые бочки. — Другого хода нет?

— Был, да его давно кирпичом заложили, — отозвался Баланин.

— Все же посмотрим. Осторожно обойдя темнее пятно, расплывшееся на мраморных плитах пола, они прошли за икрностас. Когда-то там был вход, но дверной проем был прочно заделан кирпичной кладкой.

Старший лейтенант для верности потрогал кирпичи рукой.

— Ладно, Прохор Савельич, — сказал Мухин. — Похоже, дело серьезное, надо начальству в район доложить. Давай-ка запрем храм божий, да поеду я названивать.

— Не выйдет закрыть, — покачал головой Баланин. — надо ящики мужикам отдать. Мне директор башку открутит. Сам понимаешь — каждый день дорог.

— Ладно, — согласился участковый, — ящики пускай забирают от дверей, а внутрь — чтоб никто ни ногой.

Позвонив с почты в район, инспектор Мухин заехал в поселок Дружная Горка, в больницу. Оказалось, что потерпевшего уже отправили в Гатчину.

«Быстро они сработали, — с одобрением подумал

Владимир Филиппович. — Бывает, «Скорой» часами ждать приходится, а тут...» Он заглянул в кабинет к главврачу, своему старому приятелю и верному товарищу по рыбалке.

— Как живем, Иван Иванович? — Ты по поводу раненого? Увезли... — Знаю. В сознание не приходил?

Главврач, не старший еще, но совсем лысый, с маленькими острыми глазами, мотнул головой.

— Ты что! Довезут ли еще... — Ударили?

— Нет, Филиппыч, не ударили. Похоже, что он откуда-то упал. Пролом черепа, и бедро сломано.

— Упал он на мою шею, — сердито сказал Мухин. — А впрочем... Так, так, так. — Он хитро сощурился. — Упал, значит? Проверим.

Иван Иванович смотрел на него с чуть заметной улыбкой. Он знал, что его приятель — мужик во всех отношениях основательный, но тугодум.

— Ты мне, Иван Иванович, скажи: ничего при нем не обнароужили? Я насрех посмотрел...

Главврач открыл ящик стола и положил перед инспектором два ключа на брелоке в виде какой-то большой монеты.

— Все, и боле ничего. — Ни документов, ни записной книжки? — Ничего.

Инспектор взял ключи. Внимательно разглядел их. Ключи были от автомобиля.

— Ты мне, Иваныч, позвони, если будут новости, — он поднялся. — А я поехал начальство встречать. Из уголовного розыска инспектор приедет.

То, что пострадавшего не ударили, круто меняло дело. На участке Мухина уже несколько месяцев не было никаких серьезных происшествий, и утренний вызов его огорчил. Теперь же появилась надежда, что произошел несчастный случай. Правда, несколько странный несчастный случай — это инспектор понимал.

У пострадавшего в карманах вместо документов, как должно быть у каждого порядочного гражданина, — пистолет «ТТ». Нет ни паспорта, ни удостоверения личности, ни записной книжки. Ключи от дома, ключи от автомобиля. А где этот дом? Где автомобиль? Инспектор сделал еще одну заметку на память.

Подумал: нельзя скидывать со счета и такой вариант — мужчине могли «помочь» упасть. Но у Владимира Филипповича имела своя версия, и ее следовало поскорее проверить.

К тому времени, когда из Гатчины приехал инспектор уголовного розыска Гапоненко, Мухин еще раз облазил церковь, долго, задрвав голову, разглядывал разрушенный купол, шепча себе под нос: «Свалился он на мою голову. Как пить дать, оттуда свалился».

Потом он, распугивая кур и гусей, объехал на мотоцикле село, все его закоулки, дальние и ближние концы.

Они сели с Гапоненко на бревнах рядом с церковью, закурили, и Мухин подробно рассказал инспектору о случившемся.

Владимир Филиппович недолюбливал Гапоненко. Встречаться им приходилось нечасто, но даже из этих редких встреч Мухин вынес впечатление, что капитан — человек равнодушный. Главное, что раздражало Мухина, так это то, как легко и быстро капитан делал выводы и как потом легко отказывался от собственного мнения. Владимир Филиппович уж если и делал после долгих раздумий какой-нибудь вывод, так стоял на этом до конца. В том числе и в отношении к капитану. Гапоненко чувствовал, что дружнгорский инспектор его не жалуется, и держался с ним настороженно.

— Ну и что ты думаешь об этом? — спросил Гапоненко.

— Думаю, что приехал человек пошарить, нет ли в церкви икон. Этих шаромыжников развелось много. Вон в прошлом году Рождественскую церковь обчистили...

— Знаю. — Залез он через разрушенный купол. — Мухин поднял голову и показал на ржавый скелет купола. — Там и лестница валяется. Я проверил. Залезть-то залез, да сорвался...

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

— Логично. Только почему же лестница валяется? Что он, залез, а лестницу спихнул? Или ветром сдуло?

— Нет. Лестница здоровенная. Откуда он ее только приволок?

— Проверь,— строго сказал Гапоненко.

— Видать, матерый дядя. Пистолет в кармане, документов никаких.

— Ты, Владимир Филиппович, протокол оформил? Мухин кивнул.

— Все чин-чином? С понятиями?

Мухин пропустил этот вопрос мимо ушей и продолжил:

— Ключи от машины в кармане. А машины нет. Я все объехал. Нету. В карманах у него никаких билетов. Значит, скорее всего на машине прибыл.

— Машину будем потом искать,— сказал Гапоненко.— А сейчас давай займемся делом.— Они встали с бревен и пошли к церкви...

Вечером Мухину позвонил главврач дружногорской больницы. Потерпевший скончался по дороге в Гатчину. Не приходя в сознание.

На следующий день утром мальчишки нашли в кустах у соседней деревни Лампово автомашину «Жигули» с ленинградским номерным знаком. Ключи, обнаруженные в кармане пострадавшего, к автомашине подошли. В «бардачке» «Жигулей» лежали водительские права на имя Анатольева Дениса Петровича.

Владимир Филиппович долго сравнивал фотографию, наклеенную в водительских правах, с фотографией погибшего и в сомнении качал головой. И бороды, и усы на карточках одинаковые, и овал лица похожий, а люди были разные.

А когда он, приехав в Ленинград и выяснив в Петроградском райотделе ГАИ адрес Анатольева, завалился вечером на его квартиру с неприятным чувством, что он несет родственникам печальное известие, Анатольев сам открыл ему дверь. Оказался он совсем не таким, как на фотокарточке,— толстым, кучерявым и добродушным.

— Права-то мои, голуба,— удивленно крутил он головой, рассматривая водительское удостоверение.— Скажу так: корочки мои, а физика чужая. Ну и личность! Какой-то типус-опус.— Анатольев вытащил из пиджака другое водительское удостоверение. На нем стоял штамп «дубликат», с фотокарточки улыбался сам Денис Петрович.

Полтора года тому назад, по словам Анатольева, он остановился около магазина купить хлеба. Было жарко, пиджак висел у него в машине. Денис Петрович взял только мелочь из кармана. Вернувшись

через несколько минут, он машины своей на месте не обнаружил.

Мухин, разглядывая улыбочивого и добродушного толстяка, почему-то неприязненно подумал, что Анатольев не за хлебом ходил, а пил, небось, пиво. Но к делу это никакого отношения не имело, и старший лейтенант спросил только:

— А машина у вас была «Жигули»? Третья модель?

— Да, третья. Машину нашли через неделю на Таллинском шоссе, а пиджачок-с—увы. Вместе с правами, деньжатами и прочей полезной мелочью... Вперед наука!

— Нашли, значит, машину,— разочарованно сказал Мухин, уже выстроивший свою версию.

— Да, целехонькую. Даже приемник не вытащили. Экспертиза подтвердила, что фотография на украденном у Анатольева водительском удостоверении переклеена, печать подделана. Подделан и штамп о годовом техническом осмотре в техлапорте.

В тот же день в научно-техническом отделе Главного управления внутренних дел была произведена трассологическая экспертиза пистолета, найденного у разбившегося в Орлинской церкви мужчины. В пулехранилище Главного управления имелась пуля, которой две недели тому назад был убит научный сотрудник института литературы Николай Михайлович Рожкин.

2

К вечеру стало чуть прохладнее. Подполковник Корнилов почувствовал, как в открытое окно потянуло свежим ветерком. Стих уличный гул, и только время от времени грохотали по Литейному трамваи, да с нарастающим шелестом проносились троллейбусы. Заглянул в кабинет франтоватый Бугаев.

— Звонили из Сестрорецка, товарищ подполковник. Задержали там бродягу на пустой даче. Очень похож на Степку-прыгуна...

— Степан Валерьяныч объяснит?

— Полной уверенности нет— молчит. Но ребята из Сестрорецка зря бы не беспокоили. Я почти уверен...

— Почти, почти... Это я уже слышал,— недовольно сказал Игорь Васильевич.— Ты мне сразу скажи, как только его опознают. А потом уж сам беседы с ним беседу.

— Будет сделано!— улыбнулся Бугаев.

Степана Прыгунова, квартирного вора и пьяницу, ленинградский уголовный розыск искал уже полгода.

Корнилов даже подозревал, что Прыгунов окончательно спился и умер где-нибудь под забором.

— Так я домой, Игорь Васильевич?!— сказал Бугаев.— Мама сыночка ожидает...

— Она же у тебя на даче?— спросил подполковник, подозрительно оглядывая с иголочки одетого капитана.

— Все верно! Через десять минут электричка. Ребята обещали до Финляндского подбросить. Уже уходя, он сказал:— А у вас, Игорь Васильевич, наверное, борщ дома стынет? Ольга Николаевна зажда-

лась.

— Она сегодня в поликлинике дежурит,— улыбнулся Корнилов.

Потом зашел Белянчиков. Они поговорили минут пять о делах на завтра. День прошел без серьезных происшествий, можно было со спокойным сердцем собираться домой. Корнилов закрыл окно, подергал по привычке ручку от сейфа.

— Ты на машине или пешком?— спросил Белянчиков.

— Пройдусь пешком.

Они вышли в приемную. Секретарь отдела Варя Дудышкина уже давно ушла. В большом кресле, тяжело навалившись на ручку, дремал старший лейтенант. Рядом с ним, прислоненный к ноге, стоял толстый черный портфель... Светлые длинные волосы растрепались, упали на загорелое лицо. Загар у него был плотный, красноватый, и Корнилов подумал о том, что посетитель приехал из деревни. Услышав щелчок замка, старший лейтенант поднял голову и вскочил, убирая со лба волосы.

— Вы ко мне?— спросил Корнилов.

— Так точно, товарищ подполковник. Старший лейтенант Мухин из Гатчинского района. Из Орлина, товарищ подполковник.

— Чего же вы тут дремлете?

Мухин смутился.

— Девушка сказала, что вы заняты... чтобы я подождал. Ну и...

— Ладно, заходите,— подполковник открыл дверь. Махнул на прощание Белянчикову.

— Вы меня простите, товарищ подполковник,— извиняющимся голосом начал Мухин, входя в кабинет, но Корнилов перебил его.

— Да чего уж, ладно.— Корнилов, пригласивший Мухина на шесть часов, решил, что тот сегодня уже не придет. Из Орлина добираться не ближний свет, если нет машины.— Это наша секретарь виновата, заставила вас ждать, а сама ушла. Садитесь, докладывайте...

Когда человек долгие годы занимается одним и тем же делом, вместе с опытом, с навыками, позволяющими работать лучше, быстрее, у него складывается стереотип мышления — повторяющиеся исходные ситуации подсказывают ему определенный конечный результат. Есть десятки и сотни профессий, где такой стереотип мышления — благо. Но только не в работе с людьми. Мотивы, причины человеческих поступков при всей их кажущейся определенности не поддаются строгой классификации. Они, как папилярные узоры на пальце, неповторимы. Долгий срок работы в уголовном розыске привел подполковника Корнилова к мысли о том, что всякая попытка при расследовании преступления, особенно сложного, искать аналогий в уже раскрытых делах может завести в тупик. В работе уголовного розыска, считал он, самое страшное дело — утерять новизну восприятия. Поэтому, когда на следующий день на совещании в отделе майор Белянчиков начал вспоминать не слишком давнюю историю спекулянтов старинными иконами, перессорившихся из-за награбленных ценностей и пытавшихся убить своего же товарища, Игорь Васильевич остановил его.

— Юрий Евгеньевич, пустая затея насаживать новое дело на старую колодку. — Он недовольно побарабанил по столу длинными пальцами. — Запутаемся. Давайте танцевать от пещки.

— У нас и пещки-то нету, товарищ подполковник, — сказал Белянчиков. — Пустое место, ноль.

— Лучше строить на пустом месте, чем потом разрушать старое! — Подполковник сказал это с нажимом, и все, принимавшие участие в оперативном совещании, поняли, что словесная разминка закончилась.

— Лебедев, — обратился Корнилов к молодому блондину, — за последние два дня не было никаких заявлений об исчезновении людей?

— Нет, товарищ подполковник. Даже дети не терялись.

— Тогда ноль действительно абсолютный. Давайте распределим обязанности. — Игорь Васильевич развернул сложенный вчетверо лист бумаги со своими записями, разглядел его.

— Я осмотрел ключи, найденные у погибшего. Скорее всего это ключи от его квартиры. Один — очень сложный. Не уверен, но думаю, что ключ и замок, который им открывается, делал очень хороший мастер. В магазине такие не продаются. Ты, Володя, займись ключами, — кивнул Корнилов Лебедеву. — На всякий случай проверь и в торговой сети. А потом постарайся найти умельцев, которые способны создать такие замки. Зайди, кстати, к Ерофееву, он большой специалист по замкам.

Ерофеев работал в их управлении и слыл знатоком по части взломов.

— Бугаев займется автомобилем. Машина, наверное, краденая. Может быть, в розыске. Номера, я думаю, перебиты. Пускай в ЭНТЭО проведут срочную экспертизу.

— Да, попался нам субъект — ничего своего, все чужое, — проворчал Бугаев.

— По машине чтобы завтра к вечеру была полная ясность. Понял?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Юрий Евгеньевич, тебе придется пойти к вдове Николая Михайловича Рожкина. С нею уже много раз беседовали. Не очень-то удобно опять ее дергать... — Корнилов поморщился. — Но выхода нет. В прокуратуре, кстати, недовольны тем, как расследуется это дело. И наши коллеги из Петроградского района не слишком расторопно действуют.

— Понятно, — кивнул Белянчиков. И спросил: — А не стоило бы кому-то из нас в Орлино съездить? У этого человека могли сообщники из деревенских быть. Откуда он про иконы узнал?

— Местный участковый инспектор тоже так считает, — сказал Корнилов. — Он у меня вчера вечером был. Хорошее впечатление мужик производит. Жаль, что лет уже многовато: я бы взял его в управление. Такой с виду увалень, а цепкий. Сорок лет — старший лейтенант. До капитана, конечно, дослужится... — Подполковник покачал головой. — Трудная у них служба, у деревенских инспекторов.

— И у городских нелегкая, — тихо сказал Бугаев и хитро глянул на Корнилова, но тот никак не среагировал на его реплику.

— Участковый инспектор подозревает, не работал ли погибший в совхозе на уборке. Среди тех, кого шефы в помощь присылают... Не обязательно в этом году. Мог и в прошлом работать. Заприметил иконы. До поры до времени не мог выбраться.

— Также вариант, — согласился Белянчиков.

— Шеф у совхоза постоянный — «Красный треугольник». Ты, Юрий Евгеньевич, поручи райотделу заняться. А в совхозе пока инспектор Мухин поработает с гатчинскими товарищами. — Сказав так, Корнилов подумал о том, что неплохо было бы и самому съездить в Орлино. В прошлом году, разматывая

историю гибели старшего помощника с теплохода «Иван Сусанин», он побывал в этом красивом селе на берегу озера.

Всякий раз, когда представлялась возможность, подполковник выезжал на место преступления сам — ощущение реальной обстановки, в которой было совершено преступление, помогало ему правильнее организовать розыск. А нередко и обнаружить то, мимо чего прошли другие.

— Какие еще вопросы, сомнения, предложения? Нету? — Игорь Васильевич оглядел собравшихся. — Ну тогда ножками, товарищи, ножками!

3

В те редкие дни, когда Юрий Евгеньевич Белянчиков не задерживался на работе, жена и сын ужинать без него не садились. У них даже сложился настоящий ритуал для таких случаев. Ирина Степановна накрывала ужин не на кухне, где они обычно ели на скорую руку, а в большой комнате, служившей им и гостиной, и спальней, и столовой. За едой почти не разговаривали. Вечерние беседы начинались за чаем. Костя Белянчиков докладывал отцу свои школьные новости. С первого сентября он пошел учиться в восьмой класс. Тут же, на импровизированном семейном совете, решались всевозможные спорные вопросы. Такие, например, как стоит ли обижаться на своего товарища Нахапетова, который поехал в Павловск, куда они давно собирались поехать вместе, не с Костей, а с двумя девочками из их класса. Или сделать вид, что ничего не произошло? Права ли историчка Варвара Сергеевна, рассказавшая на уроке, что слова «И ты, Брут?» были сказаны Цезарем, когда он увидел Брута среди заговорщиков, напавших на него. А он, Костя, читал у Светония, что Цезарь воскликнул: «И ты, мой мальчик?» Потому что Брут якобы был его сыном.

Дело в таких спорах обычно завершалось тем, что отец с сыном зарывались в книги, а мать уходила на кухню мыть посуду. Потом Юрий Евгеньевич играл с Костей в шахматы. Нередко игра заканчивалась плачевно. Костя был очень самолюбив и азартен, не любил проигрывать, а отец считал, что поддаваться сыну, даже в игре, нельзя. Это может нежелательно сказаться на его характере, причит Костю к легким победам. Дело иногда доходило до слез, и Ирина Степановна выговаривала потом мужу, что он мог бы и поддаться. Подумаешь, игра, а ребенок теперь разнервничался и будет плохо спать. Но Костя быстро отходил, возвращался из своей комнаты как ни в чем не бывало и спрашивал отца:

— Пап, а все-таки я тебя здорово прижал двумя конями? Если бы не зевнул ладью, то выиграл.

Юрий Евгеньевич соглашался, и все заканчивалось миром. Костя шел спать, а Белянчиков выпивал еще чашку чаю и выслушивал теперь все новости из конструкторского бюро, в котором работала Ирина Степановна. Потом он ложился на диван, читал «За рубежом». Иногда просматривал «Следственную практику». Но к этому журналу он относился с профессиональной пристрастностью, считал, что сложные дела расследуются там слишком гладко, замалчиваются неудачи и промахи, а все следователи выглядят тонкими психологами и прозорливцами. Если на завтра на службе не намечалось каких-то серьезных дел, в одиннадцать Белянчиков ложился спать. Когда же такие события намечались, Юрий Евгеньевич удалялся на кухню, служившую ему одновременно кабинетом, и часто просиживал там за полночь. Он усаживался за кухонный стол, разворачивал толстую ученическую тетрадь за девяносто шесть копеек и скрупулезно продумывал каждый свой шаг, каждую фразу. И это повторялось всегда: готовился ли он к серьезной операции по поимке преступника или просто собирался встретиться со свидетелями, опросить потерпевших. Во-первых, Юрий Евгеньевич был педант, а во-вторых, он являл собой тот редкий экземпляр человека, который не только хорошо знает свои недостатки, но и по мере возможностей старается компенсировать их своими достоинствами. Среди недостатков Белянчиков числил за собой неспособность к ментальной импровизации, качеству для сыщика немаловажному. Не то, чтобы он совсем не мог действовать быстро, применяясь к любому изменению ситуации. Просто каждый раз, когда срывался заранее намеченный план, ему стоило больших трудов перестраиваться и принять новое, обязательно правильное решение. Позже он находил свой единственно верный ход, но это было позже, а обстановка чаще всего требовала моментальных решений.

Сидя на кухне, Юрий Евгеньевич заносил в свою тетрадку вопросы, которые следовало задать свидетелю, продумывал их последовательность. Даже намечал для себя, как он будет их задавать: вскользь, как бы между прочим, или не скрывая от собеседника свою заинтересованность. Корнилов, хорошо знавший про клеветчатую тетрадь Юрия Евгеньевича, не раз пытался уговорить его рассказать молодым работни-

кам о своем методе работы. Но Белянчиков был неумолим.

— Ты что, хочешь, чтобы надо мной потешались? Вот, дескать, видали вы самоуверенного долдона из угрозыска? Нет, пусть Семен Бугаев опытом делится, он мужик хваткий, он и без всяких тетрадей распишет все как надо.

За педантизм и въедливость кое-кто в управлении считал Белянчикова службистом. Но Юрий Евгеньевич меньше всего думал о продвижении по службе. Так уж он был скроен — дисциплинированный, враг всяких недомолвок, аккуратист. Иначе он работать не мог. Служи он в бухгалтерии, на стройке или еще в каком другом месте, он везде отдавал бы работе всего себя.

В этот вечер, несмотря на то, что поручение, которое ему предстояло утром выполнить, было совсем простое, Белянчиков тоже удалился на кухню, прихватив свою тетрадку.

Все, конечно, просто, если вдова Николая Михайловича Рожкина не опознает человека на фотографии, — думал Белянчиков. — А если опознает? Тут возникнет масса нюансов. Случайный ли это знакомый? Приятель? У вдовы тоже возникнут вопросы. Почему показывают фотографию мертвеца, какое он имеет отношение к ней? Все это необходимо предусмотреть заранее, а потому — сиди, Юра, сиди и думай.

...Еще с вечера Белянчиков позвонил Рожкиной и условился о встрече. Рожкина работала во вторую смену, с утра была свободна, и майор поехал к ней домой в Озерки. Жила Рожкина в большом панельном доме, недавно построенном среди озерковских деревянных особнячков. Вокруг стоял сосновый лес, невдалеке поблескивало озеро, и было слышно, как где-то рядом проносятся электрички.

Наталья Викторовна оказалась молодой еще женщиной, с простым, не то чтобы красивым, но очень милым русским лицом. Темно-каштановые волосы были зачесаны на прямой пробор и закрывали уши. Белянчикову показалось, что Рожкина чем-то похожа на одну известную балерину.

Усадив Юрия Евгеньевича на диван в небольшой, очень светлой и чистой комнате, она спросила, не хочет ли он кофе.

— Спасибо, Наталья Викторовна, — сказал майор. — Я ведь на минутку.

Рожкина села напротив и закурила сигарету. Потом, спохватившись, пододвинула Юрию Евгеньевичу пачку «Столичных» и пепельницу. Белянчиков поблагодарил ее кивком, но закуривать не стал. Он не курил.

— Нашли? — спросила Рожкина. Майор чувствовал, как она волнуется.

— Нет, Наталья Викторовна, не нашли. Не все у нас получается так, как хотелось бы... — Он вытащил из кармана несколько фотографий, среди которых было фото мужчины, найденного в Орлинской церкви, и положил перед Рожкиной.

— С этими людьми вам никогда не приходилось встречаться?

Медленно перебирая карточки, она внимательно вглядывалась в лица. Долго рассматривала фото неизвестного из Орлинской церкви. Наконец, догадавшись, спросила:

— Это мертвец?

Белянчиков неопределенно пожал плечами. Рожкина положила фотографии на столик, сделала глубокую затыжку и мотнула головой.

— Нет, никого из них я не знаю. В первый раз вижу и, судя по всему, в последний. — Она посмотрела на фото мертвого еще раз. Потом взяла в руки и чуть повернула к свету. — Нет, нет...

Больше майору Белянчикову делать у Рожкиной было нечего. Но он не мог просто так встать и уйти. Ведь перед ним сидела женщина, у которой недавно убили мужа, а убийца до сих пор гуляет на свободе.

«А может быть, и мертв, — подумал Юрий Евгеньевич, пряча фотокарточки. — Но сказать пока об этом вдове нельзя». Если бы Белянчиков еще хоть курил, то можно было бы, закурив сигарету, молча посидеть несколько минут, обменяться парой ничего не значащих фраз и откланяться.

— Вы меня извините за то, что я побеспокоил вас, Наталья Викторовна, — сказал майор. — Побеспокоил, а ничего нового не сообщил.

Рожкина кивнула.

— Этот человек имеет отношение к убийству? — спросила она.

И Юрий Евгеньевич понял, что Наталья Викторовна спрашивает о мертвце. Женским своим чутьем выделила его фото из всех остальных.

— Трудно сказать. Мы думали, кто-то из знакомых Николая Михайловича. Кстати, у него не было друзей среди коллекционеров старинных икон?

— Наверное, были. Он ведь занимался историей России... Даже наверняка были. Как-то Коля мне рассказывал про большую коллекцию. — Она покачала головой. — Кажется, он называл фамилию Замчевского.

— Это кто?

Рожкина пожалала плечами.
— Не знаю. Наверное, кто-то из знакомых.
— У вас нет телефона, адреса? Может быть, остались в бумагах мужа?

Наталья Викторовна вздохнула.
— Нет, не остались. Единственное, что пропало в тот день,—так это Колина записная книжка.

— Пропала записная книжка?—удивился Белянчиков. Он читал материалы по делу, и там ничего не было сказано об этой пропаже. Наоборот, одной из особенностей убийства Рожкина как раз и являлся тот факт, что ничего не пропало. Ни деньги, ни часы, ни документы...

— А вы говорили об этом следователю?
— Нет. Я обратила внимание на пропажу много позже. Когда понадобилось разыскать телефон одного Колиного приятеля. Николай рассказывал мне незадолго до смерти, что наткнулся на следы коллекции старинных документов и книг, а какой—не сказал. Я думала, что об этом знает Флорентий Никифорович... А записную книжку могли обронить и в «Скорой» и в больнице. Мало ли что могло случиться. Пришлось звонить на Колину службу, узнавать телефон там.

— Ну и что же ответил вам Флорентий Никифорович?—спросил Белянчиков. Он не любил безответных вопросов, даже в том случае, когда они никакого отношения к делу не имели.

— Флорентий Никифорович ничего об этом не слышал.

— Он не коллекционирует старинные иконы?
— Нет.

— Назовите, пожалуйста, его фамилию.

— Лосев. Флорентий Никифорович—известный ученый, специалист по фольклору. Коля очень любил его.—Рожкина замолчала и рассеянным взглядом обвела стеллажи с книгами.—Кому теперь нужны эти ученые записки?—с горечью сказала она.—Даже к букинистам не отнесешь... А Коля был жив, и книги жили.

— Наталья Викторовна, вам так и не удалось выяснить, что за коллекцию обнаружил Николай Михайлович?

Рожкина развела руками.
— Он не сказал об этом никому. Так странно... Коля был очень общительным человеком. Может быть, не был уверен, что все удастся? Вы знаете...—Женщина как-то болезненно сморщилась, словно вспомнила что-то очень неприятное.—Коля последние дни ходил очень расстроенный.

Белянчиков вдруг почувствовал острое сожаление оттого, что муж этой приятной и, судя по глазам, доброй и умной женщины погиб как раз в тот момент, когда обнаружил что-то интересное. Какую-то коллекцию книг и документов. Это обстоятельство волей-неволей наводило на определенный ход мыслей. И Белянчиков спросил:

— Эти документы времен войны?
— Не знаю,—с сомнением ответила Рожкина. Она несколько секунд помолчала, вспоминая, при каких обстоятельствах рассказывал ей муж о находке. Потом покачала головой.—Нет, нет, к войне они относиться не могут. Коля сказал: «Мать, кажется, я наткнулся на что-то новое. Наш старик разинет варежку».—Наталья Викторовна грустно улыбнулась.—Коля любил шутку, острое слово. На самом-то деле он уважал институтское начальство.

— Но почему вы решили...—начал Белянчиков.
— Понимаете, Коля имел в виду академика Яцимирского. А он занимается петровской эпохой.

«Ну и что?—подумал Юрий Евгеньевич.—Одно другому не мешает. Яцимирский занимается стариной, а Рожкин мог найти документы, проливающие свет на чью-то деятельность в годы Отечественной войны. И мог предположить, что академик «разинет» рот от удивления, узнав что-нибудь неприятное о своих сотрудниках». Но вслух сказал:

— Почему же вы не сказали об этом следователю?
— Это все так далеко...

— Но ведь, наверное, надо продолжить поиски? Пусть возьмутся коллеги.

— А что искать?—тихо спросила Рожкина.—Он не оставил никаких записей. Никакого намека.

— А где он мог наткнуться на документы?—спросил Белянчиков. Он плохо представлял себе характер работы покойного.

— Трудно даже предположить. Коля занимался архивами в самом институте, бывал в рукописном отделе Публички... В государственном архиве...—Она задумалась, припоминая, где еще работал муж.—Ездил в Москву, в Институт мировой литературы. Был в экспедиции в Архангельской области.

— Да-а, размах серьезный,—вздыхнув, сказал Белянчиков.

— Вот видите! Даже предположить трудно. А ведь мог еще кто-то из случайных знакомых рассказать. Или даже показать...

Прощаясь, Юрий Евгеньевич сказал Рожкиной:
— Вы уж извините, Наталья Викторовна, но, может быть, придется вас еще побеспокоить... Следователя

наверняка заинтересует пропажа записной книжки. Рожкина молча пожалала плечами. Лицо у нее было усталое и отрешенное.

4

Володя Лебедев нервничал. Прошло уже полдня, а результатов не было никаких. Старший лейтенант посетил управляющего хозторгами, побывал в большом хозяйственном магазине в Гостином дворе, объехал три колхозных рынка, где в захудалых будках пьянчужного вида умельцы чинили замки, делали ключи и выполняли еще самую разную слесарную работу. Никто не признал тонкий изящный ключ с замысловатой бородкой.

— Нет, наша местная промышленность еще не доросла до таких сложных изделий,—покачал головой управляющий хозторгами, с удовольствием разглядывая ключ.—У нас недавно была выставка финских бытовых изделий. Много замков... Даже с дистанционным управлением. Но таких ключей я и там не видел.

— А вы считаете, что этот ключ фабричного производства?

Управляющий посмотрел на Лебедева с сожалением.

— Я думаю, английская работа. Наверное, кто-то привез замок из-за границы. Никакому кустарю это не под силу.

На всякий случай старший лейтенант заглянул еще в Гостиный двор. Продащица из секции скобяных товаров скользнула по ключу равнодушными глазами:

— Впервые вижу... Наверное, финский. У нас таких в продаже не бывает.

Ближайшим от Гостиного двора был Сенной рынок. Туда, уже без особого энтузиазма, и поехал Лебедев.

Небритый, хмурым старик взял ключ, подкинул слегка в темной костистой ладони и тут же вернул Лебедеву.

— Ну так что?—повторил старший лейтенант свой вопрос.—Не приходилось вам делать замки с такими ключами?

— Сорок рублей и полбанки,—сказал старик.—Полбанки сейчас.

— Вы что, делали такой замок?—У Лебедева появилась надежда.

— Тебе-то что, делал не делал! Иди за бутылкой. Я тебе посложнее сварганю.

— Но вы можете мне ответить—делали замок под этот ключ?

Дед сердито крикнул и отвернулся.

Теряя терпение, Лебедев достал удостоверение и сунул ему в окошечко:

— Я вас серьезно спрашиваю. Делали или нет? Взглянув на документ, старик отрезал:

— Не делал.

Чувствуя, что теперь от него ничего не добьешься, Лебедев сказал почти ласково:

— Вы поймите, папаша, я ведь к вам без всяких претензий. Нашли человека—машина сбила—никаких документов. Только ключи.

— Небось, родственники объявятся,—усмехнулся старик. Потом нагнулся, достал ополовиненную бутылку пива, ловким щелчком большого пальца скинул пробку и одним духом выпил. Заметив, что Лебедев все еще стоит рядом с будкой, сказал ворчливо:

— Да не делал, не делал я. А попросишь—смогу. Сорок рублей и бутылка. Бутылка—сейчас.

Лебедев вздохнул. Спрятал ключ в карман.

— А вы походите по домам-то,—засмеялся старик.—Походите! Может, к какому замку и подойдет. Я даже кино такое видел.

Третий рынок, на котором побывал Лебедев, был Некрасовский. Ларек «Металлремонта» был закрыт. Старший лейтенант зашел к директору рынка, но тот ничего о мастере не знал.

— Может, обедает. Они тут сами по себе: захотел—пришел, захотел—ушел.

— Ну что, товарищ инспектор?—спросил шофер, когда Лебедев молча сел рядом с ним.—Куда теперь? Может, на Охтенский?

— На Андреевский. А потом на Сытный.

— А я вот походил по рядам, посмотрел,—сказал шофер.—Рынки разные, а цены одинаковые. Картошка везде по тридцать. Яблоки по полтора рубля. Только цветы—как бог на душу положит. На Сенном три гладиолуса—четыре рубля, а здесь—пять. Ну и дерут, я вам скажу!

— Да, дерут,—рассеянно согласился Лебедев, с тревогой думая о том, что шансов у него на успех совсем мало. Да, может, обойдется все и без ключа? Не может же человек исчезнуть бесследно. Время пройдет—хватаются. Но эти мысли утешали мало. Задание оставалось невыполненным.

Только не следующее утро Лебедев закончил свой выезд мастерских. Никто из опрошенных ключ не признал. Но это была капля в море. Замок мог сделать какой-нибудь мастер и дома и в заводском цехе.

Старик-мастер с Сенного рынка не давал инспектору покоя. Перемена в его поведении после того, как он увидел милиционерское удостоверение, настораживала. «Темнит старик,—думал Лебедев,—чует мое сердце, темнит». Он остро переживал свой неудачный разговор со стариком. Инспектор попросил шофера еще раз подъехать к Сенному рынку. Но за окошком мастерской сидел совсем другой человек—молодой, атлетического сложения парень. На вопрос, куда делся старик, он сказал:

— Запил Никитич. Теперь неделю не появится. А то и больше. Считается, что мы вдвоем тут с ним мастерим.

— А где он живет?

— Где-то в Гавани. Где, точно не знаю. Он у нас прижимистый. В гости не приглашает. А вам чего? Заказ ему давали?

Лебедев вытаскил из кармана ключ. Положил перед парнем.

Мастер внимательно, оценивающим взглядом посмотрел на него.

— Такой ключик я могу вам изобразить. Дня через три. Сейчас работы завал. И вся срочная.

— А замок могли бы под такой ключ?

— Нет. Придется Никитича дожидаться. Это только он умеет.

— Адрес его где можно узнать?

Парень безнадежно махнул рукой.

— Пустое дело. Он сейчас не только напильник в руках не удержит—двух слов не свяжет.

— Ну а все же?

— Идите в контору. На Владимирский. Там скажут. Петр Никитич Гулюкин его зовут.

5

Семен Бугаев с утра заехал в прокуратуру и попросил у следователя разрешение использовать автомашину потерпевшего. «Если я приеду на станцию технического обслуживания на этих «Жигулях»,—рассуждал он,—больше шансов, что кто-то вспомнит и владельца. Иной мастер лучше знает машину, с которой возится, чем ее хозяина».

Следователь замысел Бугаева одобрил.

На станции капитан заглянул к директору, договорился, чтобы ему выписали документы на техосмотр, въехал во двор, но остановился поодаль от вереницы автомобилей, ожидавших своей очереди перед воротами цеха.

Первым к нему подошел мужчина в заношенной спецодежде с испитым почерневшим лицом.

— Замок для «запаски» нужен?

Бугаев мотнул головой.

— Ножной насос?—В голосе мужчины чувствовалась надежда.

— Имеем свой.

Мужчина сплюнул чуть ли не на ботинки капитану и, шаркая подошвами по асфальту, удалился.

Потом из ворот цеха с деловым видом выскочил длинный тощий парень в синем берете и внимательно оглядел выстроившиеся колонной автомашины. Из кармана его спецовки торчали отвертка и кронциркуль. Заметив Бугаева, он почти бегом пересек двор.

— Вы от Роберта Максимовича?

— Нет.

— Странно,—протянул парень.—Кого ждем?

— Вам эта карета знакома?

Парень посмотрел на машину. Пожал плечами.

Бугаев поиграл ключами, у которых вместо брелока был американский серебряный доллар с изображением президента Кеннеди. Сказал:

— Мой товарищ у вас ТО делал. Денис Анатольев...

— Всех разве запомнишь,—поскуцнев, сказал парень и опять внимательно оглядел двор. Одна машина, тоже белая, как и та, на которой приехал Бугаев, привлекла его. Капитан слышал, как он спросил владельца, тучного молодого мужчину в больших роговых очках:

— Вы от Роберта Максимовича?

Толстяк кивнул. Парень сел за руль его машины, толстяк—рядом, и машина, минуя очередь, скрылась за воротами цеха.

Почему он не показал слесарю фотографию погибшего, Бугаев и сам не знал. Скорее всего не почувствовал к нему доверия. Такой сразу трепанет товарищу, через полчаса об этом будут знать не только все слесари, но и их клиенты. Набравшись терпения, Бугаев ждал.

Минут через пятнадцать из цеха вышел еще один мужчина. Тоже в синем берете, из кармана спецовки тоже торчал инструмент. Достав сигарету, капитан подошел к нему. Попросил прикурить.

— Очередь у вас, не приведи господь...

Мужчина скользнул взглядом по автомобилям. Озабоченно покачал головой.

— Оформляют в конторе больше, чем мы пропустить можем. Покурить еле вырвешься.

Продолжение следует

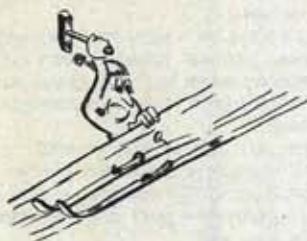
Рисунки Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Михаила СЛОБОЖАНИНА

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

1

2

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА
СМЕНЫ

Дорогие читатели! Мы открываем новую, 23-ю по счету шахматную олимпиаду и приглашаем всех вас и знакомых вам любителей древней, мудрой и популярной в нашей стране игры принять уча-

стие в традиционном заочном соревновании.

В этой олимпиаде будет десять туров, в каждом по несколько заданий, которые, думается, удовлетворят шахматные вкусы всех участников. Вам предстоит задумываться над замысловатыми задачами, углубляться в замаскированные идеи этюдов, разбирать разнохарактерные фрагменты из сыгранных партий, оценивать шансы сторон в несложных по конструкции шахматных позициях, отвечать на вопросы общедоступной викторины, наконец, выступать в роли популяризаторов шахмат при проведении турниров новичков (об этом задании мы расскажем в материале о втором туре) или комментаторов содержательного гроссмейстерского поединка.

За выполнение каждого задания в зависимости от степени его трудности участнику олимпиады присуждается от 1 до 10 баллов. В случае, если найдено побочное решение, нерешаемость и т.п., участник получает оценку, обусловленную для правильного ответа на данное задание. Максимально возможная сумма баллов по олимпиаде в целом — 100.

Устанавливаются классификационные нормативы: 31 балл — для получения четвертого, 51 балл — третьего, 91 балл — второго разряда. Справки о присвоении спортивных разрядов по шахматам высылаются при обязательном участии во всех десяти турах. Аналогичные справки редакция вышлет также всем участникам олимпиадных классификационных турниров, кто наберет 60 процентов и более очков.

Каждый читатель, желающий включиться в эту олимпиаду, присылает нам письмо с ответами на задания первого тура. Кроме решения, исполненного в сокращенной шахматной нотации, следует четко указать свою фамилию, имя и отчество, возраст, подробный домашний адрес, где и кем работаете (или учитесь), имеете ли и какой спортивный разряд. В конверт нужно вложить почтовую открытку, чтобы жюри могло оперативно сообщить вам олимпиадный регистрационный номер. На лицевой стороне конверта ясно и аккуратно напишите адреса редакции «Смены» и отправителя, а слева сверху сделайте, пожалуйста, пометку «23-я шахматная олимпиада, тур первый».

В ответах на второй и остальные туры вы будете пользоваться только открытками (без конвертов).

Шесть участников, удостоенные наиболее высокой оценки, объявляются победителями олимпиады и премируются. Занявшие после-

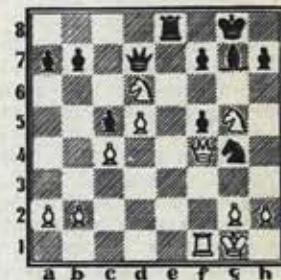
дующие двадцать мест, а также самые активные организаторы олимпиадных шахматных классификационных турниров будут отмечены. Фамилии отличившихся читателей мы опубликуем вместе с итогами этого заочного соревнования.

ПЕРВЫЙ ТУР

(Диаграмма)

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балл).

Ход черных. Каким путем они добиваются победы? (2 балла).

Заломните срок отправления писем на первый тур — 28 февраля 1981 года (по почтовому штампу).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.11.80. Подписано к печати 03.12.80. А 06717. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1130000 экз. Изд. № 38. Заказ № 3484. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125885, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Конкурс Эрудитов III ТУР

В прошлом году редакция журнала «Смена» объявила конкурс эрудитов, принесший более двенадцати тысяч писем от читателей. Судя по почте, игра вызвала большой интерес, особенно у молодежи, проявившей при этом широкие знания, разносторонние интересы.

По многочисленным просьбам читателей «Смена» продолжает конкурс эрудитов в новом году. Условия остаются прежними. Напоминаем их: авторами конкурса эрудитов являетесь вы сами, дорогие читатели. Вопросы из разных областей науки, литературы, искусства, общественной жизни — в любом количестве — составляете и присылаете вы. При этом к каждому вопросу прилагается ответ с четким указанием первоисточника.

Вопросы, опубликованные в этом номере, взяты из присланных вами писем.

Претендовать на победу могут те, кто наиболее точно и полно ответит на наибольшее количество предложенных вопросов. Победители определяются в конце тура. Призы — книги и альбомы. Участвовать в последующих турах может любой, даже если он не принимал участия в предыдущих турах.

Итак, ждем от вас интересных, содержательных ответов на III тур и вопросов для следующего, IV тура. Срок отправки ответов на III тур и вопросов на IV тур — до 1 марта (по почтовому штемпелю).

Предлагаем задания третьего тура:

1. Какие строки из широко известного произведения русского поэта XIX века упоминались К. Марксом в его книге «К критике политической экономии»? Те же строки были процитированы Ф. Зигельсом в одной из его работ и неоднократно упоминались им в письмах и беседах.

Е. СТАТУН, Волгоград

2. Когда и где в России впервые напечатана таблица умножения? Как она называлась?

*В. КЛИМОВА, Обнинск
Калужской обл.*

3. Какой плод из ягодообразных самый крупный?

А. ЗИНОВА, Бирск, БАССР

4. На месте современного города Керчь еще в VI веке до нашей эры был основан город, который являлся столицей государства. Как он назывался, какое это было государство?

*Б. и Ю. СУЛАВА,
Ткварчели Абхазской АССР*

5. Кто в русской регулярной армии был «первым российским солдатом» и кто его так назвал?

П. СТАРОСТИН, Тамбов

6. Кем был впервые введен термин «кибернетика»?

7. Какая птица для зимовки улетает на север?

*Оба вопроса прислал читатель Г. ЕКИМЯН
из Кировакана Армянской ССР*

8. Кто и когда предложил названия музыкальных звуков, которые легли в основу современной музыкальной гаммы, — до, ре, ми, фа, соль, ля, си?

К. РЕССЛЕР, Псков

9. Именем какого индийского вождя, общественного и политического деятеля назван вид деревьев, самых необычных и величественных?

*А. МИХАЛЕВ,
Загорск Московской обл.*

10. Когда и кем был выпущен первый русский журнал для детей? Как он назывался?

М. РОМАНЧЕНКО, пос. Краснореченск Приморского края

11. Какой город СССР раскинулся на 101 острове? А какой город европейского государства лежит на 118 островах?

Н. и В. РОМАНЧУК, Харьков

12. Назовите имя Ярославны, героини «Слова о полку Игореве».

В. БАТУЗОВ, Москва

13. Какое млекопитающее самое маленькое?

Р. ТЕМИРГАЛИЕВ, Ташкент

14. В произведениях какого писателя сказано про лентяя, бросившего учебу: «Убоялся бездны премудрости»? Это же выражение несколько раз было употреблено В. И. Лениным. В каких произведениях?

В. БОСОЙ, Биробиджан Хабаровского края

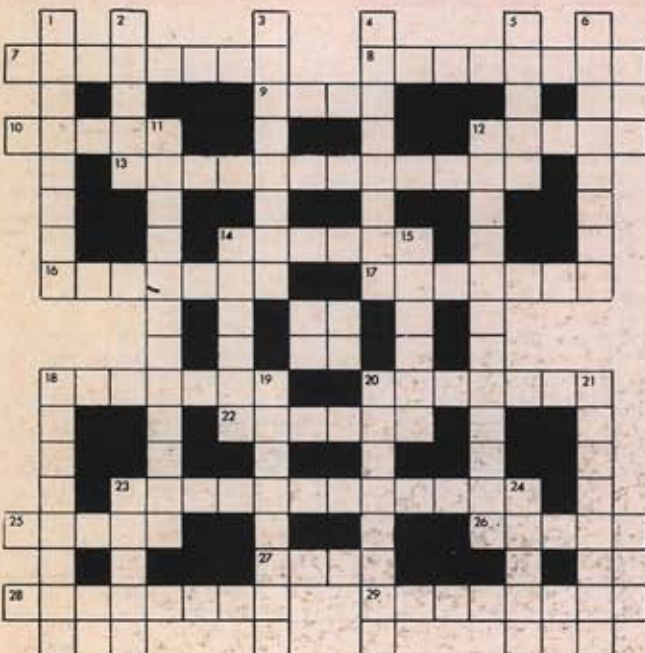
15. Кто и когда из советских военачальников был первым награжден орденом Суворова I степени?

М. КАЦОВИЧ, Кизилюрт, Дагестан

Ждем ваших писем с ответами на третий тур и вопросами для четвертого тура.

КРОССВОРД

Составил В. УЗЛОВОЙ,
Москва

По горизонтали:

7. Автор сатирических подражаний. 8. Подделочный камень. 9. Многострунный музыкальный инструмент. 10. Лад в таджикской и узбекской традиционной музыке. 12. Рассказ А. П. Чехова. 13. Концертная программа в эстрадных театрах. 14. Рыболовная снасть. 16. Лекарственное растение. 17. Устройство для излучения и приема радиоволн. 18. Киноактер, народный артист СССР. 20. Красный стручковый перец. 22. Остров в Филиппинском архипелаге. 23. Шуточный жанр народного творчества. 25. Опера С. В. Рахманинова. 26. Драгоценный камень. 27. Цветок. 28. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 29. Приемная телевизионная трубка.

По вертикали:

1. Хранилище музейных экспонатов. 2. Стихотворение В. В. Маяковского. 3. Промысловая морская рыба. 4. Выдающийся, общепризнанный произведения литературы и искусства. 5. Духовой музыкальный инструмент. 6. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». 11. Певица, народная артистка СССР. 12. Переработка литературного произведения для сцены. 14. Одновременное звучание музыкальных звуков одной и той же высоты. 15. Плод тропического растения. 18. Старинный бальный танец. 19. Декоративное травянистое растение с мелкими цветками. 20. Украшение на люстре. 21. Композитор и дирижер, основоположник болгарской национальной оперы. 23. Небольшой городской общественный сад. 24. Героиня повестей-сказок Л. Кэррлла.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 24

По горизонтали:

7. Кеманча. 8. Явление. 9. «Трубадур». 10. Клоунада. 12. Габрово. 14. Чанг. 16. Альт. 18. Кроссворд. 19. Ликование. 20. Яшма. 23. Пи-аф. 25. Терцина. 28. «Крокодил». 29. Автограф. 30. Золотое. 31. Гонорар.

По вертикали:

1. Реприза. 2. Гамбанг. 3. Вакула. 4. Дятлов. 5. Леонора. 6. Миндаль. 11. «Красавицы». 12. Горнист. 13. «Краина». 15. Налим. 17. Ложки. 21. Швартов. 22. «Анекдот». 23. Прогноз. 24. Алланат. 26. Елисей. 27. Навага.

НЕГРОМКИЕ ПЕСНИ

НОВАЯ
РУБРИКА

Знакомый
голос

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

На сцене она держится удивительно скромно и сдержанно — в наше время не часто встретишь такое на эстраде. Но, пожалуй, именно в этой ненарочитой скромности, сдержанности, незффектности и есть ключ к обаянию Валентины Толкуновой. Потому что ее внешняя скромность не маска, не личина, но самое существо ее как человека и как певицы. Валентина Толкунова не нуждается ни в экстравагантных платьях и прическах, ни в блестящих украшениях, ни в эффектных позах, темпераментных жестах и надрывных интонациях. Ее артистическое «оружие» — естественность, искренность переживания, глубокая прочувзованность тончайших движений сердца.

Около восьми лет назад с песней И. Катаева «Я ночью шла по улице» впервые вышла на профессиональную сцену неизвестная публике солистка Валентина Толкунова. Теперь она одна из самых популярных и любимых певиц, заслуженная артистка РСФСР. Совсем недавно Толкунова удостоена премии Ленинского комсомола — «за высокое исполнительское мастерство и пропаганду советской песни».

Торжественные и шефские концерты, встречи с молодыми ударниками труда и воинами Советской Армии, поездки на комсомольские стройки — без всего этого

трудно представить себе жизнь артистки. Ее любят и ждут повсюду. Ей рады люди всех профессий, всех возрастов. И сама Валя любит и находит дорожку к сердцам самых разных слушателей. «Я пою одинаково для всех, кто пришел меня слушать», — говорит она сама, — но особенно хорошо и легко мне, когда в зале есть дети и женщины, любящие песни, — у них добрые глаза, добрые сердца... Им особенно радостно дарить свои песни...»

Друзья-музыканты говорят, что с Толкуновой очень легко и интересно работать: она с самого начала твердо знает, что хочет сказать своим исполнением, и в то же время никогда не повторяется. Как и лучшие народные певцы, она всегда немного импровизирует — и может ли быть иначе, если каждый раз заново живешь в песне! И любая современная песня в интерпретации Толкуновой становится похожей на народную.

Наверное, поэтому с Валентиной Толкуновой любят работать композиторы. С. Туликов, Э. Колмановский, Н. Богословский, И. Лученок, Е. Птичкин ищут в ней исполнительницу (нередко первую) своих песен. И певица отвечает им глубоким пониманием, сопереживанием и прочувзованностью их сочинений.

Самые любимые, близкие сердцу песни? «Серебряные

свадьбы» — она еще и напоминает о той теплоте, с которой отнесся к начинающей певице композитор Павел Аедоницкий, — «Деревянные лошадки» и «Поговори со мною, мама» — светлые картины ушедшего детства. Очень дороги еще от мамы услышанная «Мы на лодочке катались» и «Миленький ты мой» — любимая песня В. Шукшина. А с рождением сына Коленьки особенно ласково и задушевно зазвучала в ее исполнении «Носики-курносики» Б. Емельянова.

Мечты? Создать свой ансамбль и выступать с сольными концертами. И, конечно, продолжать находить «свои» песни — лиричные, по-народному напевные.

Валя говорит, что на ее концертах обычно не бывает мальчиков и девочек в джинсах — певица не хочет подстраиваться под вкусы еще не созревших слушателей. Они подрастут и обязательно сами поймут неброскую красоту «негромких» песен, поймут, почему ей пишут сотни благодарных слушателей: «Будьте счастливы и делайте людей счастливыми».

Друзья Валентины Толкуновой рассказывают, что в домашнем кругу она замечательно поет а'капелла традиционные фольклорные песни. Хорошо, если бы их могли услышать все.

Эдда ЗАБАВСКИХ